Гарри Тюрк

БИРМА
ПОЛУЗАБЫТОЙ
АД
ВОЙНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своей документальной повести "Бирма. Ад полузабытой войны" немец Гарри Тюрк, прекрасный знаток истории войны в Юго-Восточной Азии, ярко и достоверно описывает кровавые битвы на этом почти забытом театре военных действий в Юго-Восточной Азии в 1942–1945 годах. Наступление японской армии через бирманские джунгли по направлению к Индии, ее попытки перерезать снабжение китайских частей и намерение нанести смертельный удар Британской империи натолкнулись на ожесточенное сопротивление англичан, британских колониальных войск, американских летчиков, бирманских и китайских патриотов. Героические акции партизан-"чиндитов", боевые действия в провинции Аракан, строительство дороги из Ледо, форсирование рек Чиндуин и Иравади сплетаются в общее описание военных действий в ужасных географических и климатических условиях, звучащее как предупреждение и напоминание о том, что не должно быть забыто

- Тюрк Гарри
  -
  - О книге:
  - Мост через Ситаун
  - Падение Рангуна
  - Бегство к Индии
  - Интермеццо
  - Первая миссия Уингейта
  - Админ-бокс
  - Операция «Thursday»
  - Война «чиндитов»
  - Мьичина
  - Бросок к Индии
  - Цель — Мандалай
  - Операция «Дракула»
  - Приложение

Тюрк Гарри
Бирма — Ад полузабытой войны

О книге:

В. Крюков:

Переводчик выражает свою искреннюю благодарность г-ну Ханьо Хаманну (Дрезден, Саксония) — администратору Форума Гарри Тюрка (home.arcor.de/harrythuerk), приславшему эту замечательную книгу, а также всем, помогавшим советами и исправлениями.

Об авторе:

Один из самых известных немецких военных писателей послевоенного периода Гарри Тюрк родился 8 марта 1927 года в Цюльце, Верхняя Силезия (сейчас — Польша). В 1944 году был мобилизован в Вермахт, служил в "парашютно-танковом корпусе Герман Геринг". Кавалер Железного креста. После войны переехал в Веймар и занялся журналистикой. С начала 50-х годов Тюрк работает на Дальнем Востоке. Он был первым военным корреспондентом ГДР в Корее и во Вьетнаме. В 1956–1958 годах — консультант китайского журнала "China Pictorial". С 1964 по 1980 годы — многолетний военный корреспондент ГДР в Юго-Восточной Азии. Во время одного из налетов американской авиации Тюрк серьезно пострадал от дефолианта "эйджент орандж", из-за чего ему и по сей день приходится пользоваться аппаратом искусственного дыхания. До 1983 года Тюрк возглавлял союз писателей Тюрингии. Сейчас живет в Веймаре. Гарри Тюрк — автор 56 книг, как художественных, так и документальных. Общий тираж его книг на 9 языках составляет около 9 миллионов экземпляров. Кроме того, он автор 12 киносценариев. Гарри Тюрк — лауреат 12 почетных премий, в том числе — дважды лауреат Национальной премии ГДР. Большая часть документальных книг Гарри Тюрка посвящена боевым действиям в Юго-Восточной Азии с начала Второй мировой войны до конфликта в Камбодже в конце 70-х годов, то есть, в общей сложности за почти 40 лет. На русском языке широко известны его книги "Тора! Тора! Тора!" ("Перл-Харбор") и "Сингапур. Падение цитадели".

Мост через Ситаун

— Младшего капрала Томлина ко мне!

Приказ передавался от одного солдата к другому, пока не достиг того, кому предназначался. Томлин сидел на краю тропы, обозначенной на карте как автодорога, и надевал свои парусиновые ботинки на шнурках. Незадолго до этого он зажженной сигаретой убрал с лодыжки присосавшуюся пиявку. Эта напасть тропиков всегда находила возможность добраться до кожи через одежду. Томлин медленно встал и побежал к голове колоны; невысокий, немного кривоногий ефрейтор с винтовкой за спиной. Возле фляжки с водой у него на поясе болтался еще и патронташ.

Он выглядел таким же замученным, как и все другие, рассевшиеся по обочинам дороги, промокший от ливня, в порванной панаме. На лице у Томлина было множество царапин и ссадин, и этим он тоже не отличался от других. И на лице его было то же выражение, что и у всех здесь — с меня довольно!

Только часть войск составляли англичане. Большинство солдат были индийцы, завербованные в Бенгалии или в других местах субконтинента, британской колонии. 17-я дивизия, символом которой была выгнувшая спину кошка, отступала с юго-восточной границы Бирмы, тоже британской колонии. на запад.

Дивизия должна была защищать Бирму на том узком участке земли, который граничит с Таиландом, от ожидаемого оттуда наступления японцев. Но ей это не удалось. Примерно за неделю до капитуляции Сингапура через таиландско-бирманскую границу просочились первые таиландские солдаты, заброшенные японцами, уже успевшими за это время заключить с Таиландом соглашение. В роте Томлина поговаривали, что увидели первых агрессоров 8 января 1942 года, и эта дата считалась началом военных действий. Но точно этого никто не знал. В джунглях, где, за малым исключением, всегда влажно, среди этих огромных деревьев, папоротников, лиан, где гнусно воняет прогнившая древесина, в этом нервном, изматывающем однообразии с тысячью опасностей, точная дата не играет никакой роли. Точно так же никто не мог с уверенностью сказать за каким деревом или у какой скалы проходит граница. Точно знали только одно: японцы со своими таиландскими союзниками уже несколько недель ждут на них в засаде. Пока, наконец, не начнется артобстрел японцев, и из джунглей не появятся первые волны их атакующих пехотинцев. Пока пришел приказ об отступлении, и англичане начали оставлять стрелковые ячейки на границе,

прошло два дня.

— Томлин, черт побери, ты живой?

— Живой, — грубовато прохрипел Томлин. — И я иду. Но я же не Восточный экспресс!

Человек, вызвавший Томлина к себе, был его старшим братом.

Майор Филипп Томлин командовал подразделением, в котором служил Эрик. Судьба позаботилась о том, чтобы младший брат после многолетней службы в разных частях здесь в Бирме внезапно оказался подчиненным старшего брата тут, на границе с Таиландом.

Колонна, теперь по численности уже меньше роты, устраивалась на привал. Она разместилась на берегу реки Ситаун, вместе с остатками 17-й дивизии. Ситаун был шириной примерно в 80 метров, тек почти точно с севера на юг и неподалеку от Пегу впадал в залив Мартабан. Никто даже приблизительно не смог бы сказать, сколько километров Томлин отмаршировал за последние дни, все время — с японцами, следующими по пятам. Солдаты были ужасно измучены, лишь по необходимости могли реагировать на команды, но даже это было им уже трудно.

Майор Филипп Томас был ростом ненамного выше своего брата, но выглядел сильнее. Он был гладко выбрит, в отличие от Эрика, потерявшего свою бритву в одном из бесчисленных оврагов по дороге. Старший брат решил пренебречь уставными формальностями, тем более, что никто не мог их слышать. Он просто показал в направлении заката солнца. Там протекала река, пересеченная конструкцией из стали и камня. Изначально мост должен был быть только железнодорожным — для магистрали, идущей с юга, из Моламьяйна, в Пегу. Там она разветвлялась. Одна линия проходила через Рангун на запад до города Проме (Пье) на реке Иравади, другая шла на север до Лашо, основного места перегрузки военного снаряжения и боеприпасов, которые по Бирманскому шоссе, проходящему через этот город, направлялись в Южный Китай войскам Чан Кайши британского союзника. Люди через Ситаун обычно переправлялись на паромах, как повсюду принято в этой части света. Когда в штабах поняли, что от таиландской границы движется огромное количество машин, пушек и обозов, было принято решение пока не взрывать уже готовый к уничтожению мост, а, накрыв рельсы сверху досками, переправить через него как можно больше грузов на колесах.

— Последний мост перед Рангуном, — сказал Филипп Томлин. — С наступлением темноты постараемся переправить через него все, что у нас есть.

Ситаун — после Салуина и Билина — был уже третьей большой рекой, через которую им приходится переправляться за время отступления, и последняя перед бирманской столицей. На обеих предыдущих реках им пришлось ожесточенно сражаться, чтобы не быть разбитыми наступающими японцами во время переправы.

Эрик Томлин спросил брата:

— У тебя есть еда?

Филипп кивнул своему адъютанту, стоявшему на некотором удалении. Продовольствие для группы, прикрывающей переправу!

Эрик Томлин потер лоб, покрытый засохшей грязью, и недоверчиво взглянул на брата. Филипп, конечно, вызвал его не только для того, чтобы полюбоваться вместе с ним рекой.

Он не ошибся. Майор взял его за плечо и повел через папоротники в рост человека вдоль дороги, забитой машинами и совершенно измученными, обессилевшими солдатами.

— Ты один из последних надежных людей, Эрик. У тебя есть опыт. Я передаю тебе командование группой, прикрывающей переправу. Мы начнем с наступлением темноты, когда можно не бояться авиации. Поставь своих людей полукругом на подъезду к мосту. Если «джапсы» полезут, сдержи их любой ценой. Только когда мы со всеми обозами будем на том берегу, отводи людей. Понятно?

Эрик Томлин задумчиво кивнул. Он знал, что такой приказ одновременно и понятен и неудобен. Задание для смертников. Он будет среди тех последних, кого, по старой поговорке, загрызут собаки. Тихо, чтобы никто другой не слышал, он произнес:

— Я бы с большим удовольствием оказался среди тех, кто раньше всех окажется на другом берегу.

Приказ и самому майору был не по душе, и уж тем более нелегко ему было поручать это задание своему младшему брату. Но Эрик уже не раз справлялся со сложными ситуациями, перед тем, как его перевели в эту штабную часть. Майор мог положиться на брата, что тот действительно сможет удерживать подъезд к мосту, пока не переправятся все войска. От этого зависела жизнь всей дивизии. А дивизию нужно сохранить, ведь война только началась.

Как казалось, японцы наступают на Индию. Бирма для них — только транзитная территория. Горная, труднопроходимая местность. Очень мало дорог, в основном с востока на запад, потому что высокие горные хребты почти все без исключения проходят с севера на юг. Лучше всего двигаться вдоль рек. Лишь в Ассаме земля станет мягче. А если японцы придут туда, они с легкостью захватят плодородные долины в нижнем течении

Брахмапутры. Это тотчас же предопределит судьбу всей Южной Азии.

— Еще ничего не решено, — сказал майор.

— Ито, будем ли мы защищать Рангун? — поинтересовался Эрик.

Майор тихо ответил:

— Не думаю, что это продлится долго. Так ты сможешь нас прикрыть?

— Придется.

Майор отвел Эрика подальше от дороги, вдоль берега реки. Ситаун — не та река, которая вызывает восторг. Скорее, это скучный, желтый и грязный поток, как все реки здесь, в которые каждый дождь добавляет очередную порцию глины.

Филипп Томлин показал на кустарник. Лишь приглядевшись, можно было увидеть среди ветвей замаскированную маленькую моторную лодку. — Для тебя. Если ничего нельзя будет сделать. Береги себя.

— Спасибо. Больше Эрик Томлин ничего не мог сказать брату.

Адъютант появился на повозке, которую тянул осел. Здесь в горах такие повозки с непритязательными вьючными животными были идеальным транспортным средством. Эрик поднял тент. Перед ним лежали упаковки с провиантом, банки со «спэмом» — консервированным фаршем из непонятного мяса, галеты, были даже сигареты и пара бутылок джина.

Эрик Томлин подозвал свой взвод индийских стрелков. Из английских отеленных командиров он отобрал тех, чьих сил еще хватило бы для последнего боя. Наконец, он, собрав человек семьдесят, двинулся к мосту, перед которым толпилось все больше солдат. Наткнувшись на группу гурков, маленьких храбрых вояк из Непала, не боявшихся самого черта, он взял их в свою колонну. На плоском, поросшем джунглями участке земли перед мостом он разместил своих солдат на нескольких быстро устроенных пулеметных точках и в простых стрелковых ячейках на краю возвышенностей, откуда был обзор не меньше чем на пару сотен метров. Тропу он заблокировал фугасами, а в кронах казуариновых деревьев спрятал стрелков. Для себя Томлин выбрал место севернее автодороги, откуда можно было видеть и подъезд к мосту и полоску плоской поросшей травой земли на севере.

Эрик сам не смог бы сказать, почему его внимание привлекла именно эта местность, но он инстинктивно почувствовал исходящую оттуда возможную опасность. На двух предшествующих реках англичане уже узнали, что у японцев есть

много маленьких минометов и очень подвижных легких пушек, которые оказывают мощную поддержку наступающей пехоте. "Артиллерия маленького человека" — так называли в начале боев солдаты эти легкие минометы и пушки, но потом они поняли, что это оружие создано специально для боев на такой местности, и с минимумом усилий с его помощью достигаются очень серьезные результаты.

— Воздух! Крик распространился почти так же быстро, как и низко летящие «Зеро», появившиеся над дорогой. Они взлетали с аэродромов на западе Таиланда. Кроме пулеметов, они несли осколочные бомбы. Такие бомбы почти не оставляли воронок, зато поливали смертоносными осколками все в радиусе более ста метров. Опасное оружие, особенно если применить его против почти не прикрытых скоплений войск, как сейчас на подъезде к мосту. Самолеты, с глухим шумом моторов, шли на некоторой высоте. Но затем они пошли на снижение, и в пике звук их моторов превратился в вой сирены. Красные круги на крыльях блестели в свете заходящего солнца. И тут упали первые бомбы. Непосредственно над дорогой летчики нажали на гашетки своих пулеметов. Незадолго до моста, где англичане поставили несколько крупнокалиберных зенитных пулеметов, они взмыли вверх и повернули на восток.

Пожалуй, последние на сегодня, подумал про себя Томлин и огляделся. На дороге подыхали раненые мулы, на боку лежали повозки, санитары уносили раненых. Через мост несся «Моррис». Легкий полноприводный грузовик прыгал как лягушка, потому что саперы, очень быстро ставившие покрытие на мосту, позабыли пару досок. В машине сидел генерал-майор Смит, командир 17-й дивизии, наблюдавший за сбором своих войск на восточном берегу. Бригадир Хью Джонс, оставшийся там, нервно сжал губы, наблюдая за прыжками «Морриса» по провалам в деревянном настиле.

Генерал-майор Смит приказал ему, как можно дольше сдерживать наступление японцев перед мостом. В любой момент с южного направления должны была прибыть артиллерийская бригада, занимавшая позиции в Мокпалине, маленьком городке на железнодорожной линии, лишь в нескольких километрах отсюда. Перебросить ее через мост было просто необходимо, если дивизия собиралась хоть в какой-то степени сохранить или восстановить свою боевую мощь.

За это время Смит приказал построить на западном берегу кольцо укреплений, несмотря на то, что уже было принято решение о взрыве моста. Генерал-майор был осторожным человеком. Даже если все пойдет по плану, то куда деть этих

наступающих японцев, планы которых так трудно предугадать?

Если не хватит машин, чтобы перевезти по мосту всю дивизию, то японцы легко расправятся с оставшимися. Кроме того, мобильность позволяла в случае необходимости быстро перебросить резервы. Смит даже предполагал, что японцы смогут сбросить парашютистов на западном берегу. И хотя с ними, по его расчетам, англичане справились бы быстро, эти бои затруднили бы дальнейший отход, если не успеть переправить, как минимум, большую часть людей и материала. Все паромы и лодки были уже уничтожены, но опыт подсказывал, что японцы легко справились бы и в такой ситуации. Так что Смит оказался между молотом и наковальней. Из-за опасности налетов вражеской авиации он не мог рискнуть выдвинуть войска из леса на мост до наступления темноты. Но если дожидаться ночи, то, хоть опасность самолетов и исчезает, японцы получают выигрыш во времени и смогут подтянуть свои силы. Одновременно это уменьшает и время, оставшееся для переправы, которую придется прервать с первыми лучами солнца, чтобы снова не подвергать войска угрозе авианалетов.

На авиаподдержку из Рангуна он не мог надеяться, ибо немногочисленные оставшиеся самолеты были нужны именно там. Пока Смит раздумывал над своими возможностями, курьер-мотоциклист доставил ему депешу из Рангуна. 7-я бронетанковая бригада, одно из лучших танковых соединений британской армии, как раз собирается высадиться на берег в гавани Рангуна. Ей приказано с максимальной скоростью выдвинуться в район ситаунского моста, чтобы отбить атаку японцев и обеспечить нормальный отход 17-й дивизии. Но разгрузка танков затягивалась, потому что большинство бирманских докеров разбежалось в страхе перед японскими авианалетами.

Смит только недовольно скривил лицо и отпустил курьера. Такие обещания никак не могли решить его проблему. Он взглянул на небо. Темнота в тропиках наступает внезапно, без сумерек. Теперь японские самолеты не смогут атаковать, если, конечно, они уже не в воздухе. Черт побери, — подумал генерал, — я ставлю все на одну карту.

Вскоре он принял решение и приказал вызвать к себе посыльного. Когда солдат прибыл, Смит приказал ему переехать по мосту на другой берег, найти бригадира Хью Джонса и передать ему приказ о немедленном отходе.

Через четверть часа по неровному бревенчатому настилу железнодорожного моста покатились первые машины. С первой машины разматывался телефонный кабель, который должен был соединить Смита с Хью Джонсом. Как и все прочие части

колониальных войск, 17-я дивизия располагала очень слабой техникой. Радиостанций почти не было. Многое было потеряно в ходе отступления. Даже телефонных кабелей не хватало. Чтобы наладить хоть какую-то связь, приходилось реквизировать кабель у частных лиц или просто снимать кабели с общественных линий связи, которые все равно в данный момент никак не использовались.

Эрик Томлин успел распределить продовольствие, которое выпросил у брата, среди своих солдат на обеих позициях еще до наступления темноты. Себе он взял банку «спэма», упаковку галет и сигареты. Джин он оставил другим. Жуя галеты и «спэм», он наблюдал, как длинная очередь солдат и машин перебиралась по мосту и исчезала в темноте: грузовики, повозки с мулами, пушки, машины с боеприпасами, среди них санитары с ранеными на самодельных носилках. Две бамбуковые палки и натянутый между ними тент от палатки — вот и достаточно.

Колонна была бесконечной. Картину марширующих определяли индийские солдаты. Они были родом из всех каст и всех народностей этой огромной страны. Сикхи и раджпуты, ассамцы и патаны, пенджабцы и нага. Нередко они носили тюрбаны, на которых иногда была нахлобучена английская плоская каска. Между ними попадались отдельные англичане, а иногда тут и там чернокожие солдаты из Западной Африки, прибившиеся сюда после того, как их подразделения из состава 17-й дивизии, состоявшие исключительно из африканцев, были разбиты в боях. А время от времени попадался китаец, выделявшийся среди своих высоких товарищей, тоже из оставшихся от подразделений, собранных в Юньнань, южной провинции годами угнетаемой японцами Срединной Империи. С давних времен в британской колониальной армии приходилось учитывать определенные национальные особенности. Например, возникали проблемы с обеспечением провизией мусульман и индусов, поскольку их религиозные законы запрещали им потребление определенных блюд. Особенно во время войны это создавало неразрешимые трудности для полевых кухонь. Азиатские солдаты ели рис, а западные африканцы предпочитали пшеницу. Нужно было следить за множеством особенностей, и это вскоре стало настоящим бичом для тыловых служб. В этом свете казалось настоящим чудом, что британская разношерстная колониальная армия сразу же не разбежалась просто под натиском японцев, с тем, чтобы каждый пошел своей дорогой.

Причину того, что все эти народности продолжали держаться вместе, видимо, можно объяснить тем, что Япония с начала войны в Манчжурии, позднее в Нанкине и в других местах Китая

показала себя как жестокий агрессор, скрывающий свои планы по захвату Азии за ширмой так называемой великоазиатской сферы совместного процветания. Даже необразованные и почти не интересующиеся политикой солдаты британских колониальных войск это быстро поняли. А жестокость, которую проявили японские солдаты уже в первые дни на таиландской границе, в той вытянутой части Бирмы, которая называется Тенассерим, довершила этот процесс понимания.

В три часа утра японцы открыли огонь. Минометы и пушки. А британские войска все еще оставались на восточном берегу. Теперь им пришлось сдерживать обстрел.

Звуки винтовочных выстрелов смешались с грохотом большого калибра. Вскоре на краях плацдарма началась рукопашная. Но японцев это не смущало. Без угрызений совести они выпускали свои мины прямо в толпы дерущихся солдат — и своих, и чужих.

Томлин еще сильнее прижался к дну стрелковой ячейки. Они поступают точно так, как на переправе через Кавакареик, когда это только началось, думал он. Они используют ночь. Так же как они для агрессии воспользовались самым выгодным временем года — до наступления муссонов, когда, хоть и очень жарко, но зато почти не идут дожди. Похоже, что до мая, когда муссон, как удушающая рука, распространится над Бирмой, они хотят уже быть в зеленых долинах Ассама. То, что они нацелились именно туда, видно невооруженным глазом.

Над мостом белым светом вспыхнул магниевый факел. Одна машина перевернулась, загородив проезд другим, пробивавшимся из «котла» на восточном берегу. Вскоре саперы сбросили ее в воду. Из-за японского обстрела все время возникали пробки. Машины тонули в реке, с ними мулы, пушки и раненые.

В сторону, где лежал Томлин, открыл огонь пулемет. Он мог видеть вырывающееся из ствола пламя. Его расчет, что японцы на том участке плоской земли, за которым он наблюдал, установят минометы, не оправдался.

Вопреки его предположению, как раз там, где он ожидал минометы, они поставили пулемет.

Эти парни совсем не придерживаются того, что мы учили, саркастически подумал он. Они ведут свою войну — своими весьма своеобразными методами.

Через какое-то время в матовом свете звезд он увидел двух гурков, которые, не ожидая приказа, ползли в сторону вражеского пулемета. Вскоре в грохот японских минометов и траншейных пушек вмешался новый звук. Томлин сразу сообразил, что это. Это были легкие пушки английских батарей. Они выдвинулись

вдоль берега до предела видимости к мосту и вмешались в бой. Они стреляли, не видя точно целей. Многочисленные снаряды взрывались в рядах защитников моста. Но их огонь, по крайней мере, помог хоть на какое-то время сдержать натиск японцев.

Японцам тоже предстояло принять сложное решение. С одной стороны, они хотели как можно быстрее форсировать Ситаун и двинуться на Рангун. То есть, им нужно было переправиться через мост и не дать англичанам взорвать его. Но пока британские войска стоят на восточном берегу, англичане не будут взрывать мост. Если разбить это скопление войск, то прозвучит взрыв, и мост будет уничтожен. А если не разбить англичан на восточном берегу, то эти силы соберутся уже с другой стороны реки и организуют ожесточенное сопротивление. Как ни поступай, наступление японцев застопорится. Командир 33-й японской пехотной дивизии не мог принять решение.

Агрессия Японии против Бирмы была направлена не только против этой страны с ее развитым сельским хозяйством, запасами нефти, которые были так нужны, с ее оловом и цинком, свинцом, медью и вольфрамом. Она была направлена против Бирманского шоссе, стратегического пути, идущего от Рангуна через Мандалай и Лашо на север в Китай, по которому заклятый враг получал от англосаксов военное снаряжение, оружие и боеприпасы. Эта агрессия была также направлена на более отдаленную цель — Индию. Там, как хорошо было известно в Японии, действовало сильное антибританское движение под руководством националиста Субхаса Чандра Боса. Следовало побудить это движение к активным действиям, чтобы в ходе внутренней борьбы индийцев с англичанами захватить для себя "под шумок" эту территорию. Потому удар южной японской группировки был направлен а Рангун, а 55-й дивизии — на Мандалай. 56-я дивизия должна была наступать на север, чтобы захватить Лашо, важнейший перевалочный пункт на Бирманском шоссе. Оттуда можно было бы нанести удар по "мягкому подбрюшью" Китая — провинции Юньнань. Этот второй фронт очень сильно осложнил бы положение китайцев. Часть удара северной группировки предназначалась городам Могаунг и Мьичина, двум последним станциям идущей с юга на север железной дороги, до истоков реки Чиндуин. А там только последний горный хребет будет отделять японцев от плодородной долины реки Брахмапутры.

Бригадир Хью Джонс сразу после четырех часов утра позвонил по телефону командиру дивизии генералу Смиту.

— Сэр, я должен сообщить об огромной опасности. Как долго я еще смогу удерживать плацдарм перед мостом, неясно. У японцев абсолютное преимущество в людях и в оружии. У меня

уже нет связи с моими оборонительными позициями.

Смит понимал, что утро наступит примерно через час. А с наступлением утра появятся и японские летчики. О танках, которые должны были прибыть из Рангуна, все еще ничего не было слышно. Если японцы преодолеют оборону Хью Джонса, они вскоре прорвутся к мосту, разорвав на части английские войска. Тогда подрыв моста станет невозможным. После долгих раздумий Смит решил вывести войска с восточного берега еще при темноте, согласно девизу "Спасайся, кто может!" — то есть вплавь. Артиллерию, скрепя сердце, придется оставить. — Заблокируйте подступы к мосту, — приказал он Хью Джонсу. — Мы взорвем мост через двадцать минут. Вы с остатками ваших людей должны сами перебраться через реку.

У этого приказа будут тяжелые последствия, хотя в данный момент другого выхода не было. Хью Джонс это прекрасно понимал. С тяжелым сердцем он отдал приказ взорвать или привести в негодность все вооружение и оснащение, еще оставшееся на восточном берегу. Артиллерийскую батарею тоже проинформировали об этом. После этого каждый, кому удастся, должен спасать свою шкуру.

Эрик Томлин увидел там, откуда стрелял пулемет, вспышку взрыва. Через несколько минут оба гурки снова стояли перед ним. Они подорвали японский пулемет единственной гранатой, брошенной с минимальной дистанции. Один непалец, смеясь, показал Томлину огромный револьвер, который он забрал у убитого пулеметчика.

Посыльный от Хью Джонса передал приказ об отступлении. Томлин уже давно догадался, что он стоит здесь на давно потерянной позиции.

— Возьмите пару бамбуковых жердей, — посоветовал он своим людям. Эти трубки помогут вам удержаться на воде. Зажмите подмышкой по палке и отталкивайтесь ногами. Так вы сможете плыть.

Как только взрыв вырвал целую секцию в середине моста, Томлин вскочил и побежал к реке. Но там, где брат показал ему лодку, была только воронка от снаряда. Все. Младший капрал Эрик Томлин присел на корточки в раздумьях, а вокруг него собралось несколько его товарищей. Сделать плот из бамбуковых жердей? Слишком поздно. Даже чтобы срубить несколько стволов уже не хватит времени. Первые японцы уже запрыгивали в оставленные его людьми стрелковые ячейки.

Он решительно вытащил затвор из винтовки и бросил и то, и другое в реку. Потом он снял форму, обувь и нижнюю рубашку. Оставшись только в спортивных трусах, он вошел в реку. Солдаты

последовали его примеру.

Уже после нескольких шагов он заметил, что не может достать до илистого дна. Он бросился в воду и поплыл. Другие попытались сделать то же самое. Но плавание не входило в программу обучения в британской армии. Так что многие солдаты беспомощно плескались, теряя последние силы, и наконец тонули в становившейся все глубже реке.

Из индийских солдат, включая гурков, не переплыл никто. Когда Эрик Томлин через какое-то время, показавшееся ему вечностью, достиг западного берега, вылез на землю и оглянулся, то увидел лишь очень немногочисленные головы плывущих. Он устало закрыл глаза.

Эрик Томлин проснулся, когда санитары, разыскивающие раненых и погибших на берегу, перевернули его. Заметив, что он жив, они положили его на носилки и перенесли в санитарную палатку.

В это время японская артиллерия обстреливала западный берег, нанося англичанам существенные потери. С утреннего неба с пулеметным треском налетали «Зеро». Все оснащение, которое еще можно было использовать, следовало собрать и погрузить. Пешком или на машинах маленькими колоннами оставшиеся в живых двигались в направлении к Рангуну.

В 17-й дивизии в строю оставалось всего три тысячи человек, включая всех раненных и обессилевших. Только для половины из них хватало винтовок. Только чуть больше сотни офицеров пережило атаку. Но несмотря на это японцев удалось задержать у моста через Ситаун на целых две недели. Лишь после этого они смогли продолжить свое наступление. За это время британские власти в Рангуне смогли не только заново вооружить, обмундировать и перегруппировать своих солдат, но и демонтировать и вывезти в Индию или уничтожить важнейшие части портового оборудования, которое назло всем японским бомбардировкам еще оставалось в полном порядке.

Кроме того, штабу удалось перегруппировать все находившиеся в тылу британские войска, оценить полученный боевой опыт и разработать эффективную оборонительную стратегию на его основе. Это был выигрыш, если учесть, что с первого дня войны до переправы через Ситаун потери англичан вдвое превышали японские. И психологические последствия катастрофы последних дней были несколько смягчены, хотя и осталось осознание того, что гордая армия Его Величества после Малайи снова потерпела поражение.

Из Рангуна боеготовые войска направлялись дальше на север и большей частью были переподчинены 1-й бирманской дивизии

под командованием генерал-майора Брюса Скотта. Эрик Томлин тоже был в одной из этих частей, идущих на север. Отоспавшись пару суток, его жизненный дух снова был полон сил. Лишь на ногах ему приходилось носить толстые повязки, потому что открытые мозоли воспалились и страшно болели.

Когда санитары тянули к грузовику, он успел заметить похоронную команду, копавшую братскую могилу. Мертвецы лежали рядами. Караульные смотрели на небо, потому что в любую минуту могли появиться японские самолеты. Эрик Томлин подумал о своих гурках и индусах, пока его несли мимо прикрытых ветками трупов, и он инстинктивно приложил ладонь ко лбу, там где должен был быть козырек фуражки. Лишь намного позже он узнал, что среди этих погибших был и его брат. Майор Филипп Томлин. Осколком снаряда ему раскололо череп.

Падение Рангуна

Географы давно сравнивали Бирму с вытянутой вниз ладонью с направленным на юг указательным пальцем. В основании этого "указательного пальца" лежит столица Рангун, где, по данным проведенной незадолго до Второй мировой войны переписи проживало более миллиона зарегистрированных жителей.

В те дни золотая пагода Шуэдагоун, одна из самых известных буддистских святынь, величественно возвышалась над морем низеньких домиков и путаницей узких улочек. Повсюду торговали продуктами сельского хозяйства, процветали маленькие мастерские, зазывали покупателей рынки. Большие предприятия принадлежали англичанам. Жизнь в Бирме не была особо зажиточной, но люди из года в год надеялись на лучшее. Из гавани, в восточной части дельты реки Иравади, корабли выходили в залив Мартабан, а оттуда — в Индийский океан.

До второй половины 19-го века Бирмой правили различные королевские династии. Правили скорее плохо, нежели хорошо. Они не только враждовали между собой, но и испытывали сильное сопротивление этнических меньшинств. Шаны, карены, качины, моны, араканы и другие все время восставали против любой попытки подчинить их центральным властям.

Европейцев, особенно купцов, привлекали к себе сокровища Бирмы: золото, олово, драгоценные камни, слоновая кость, лаки, а также тропические фрукты и специи, которых было в избытке. Один из охотников за наживой, португалец Де Брито, воспользовавшись племенными распрями, даже построил в 1610 году форт недалеко от Рангуна, но через три года был убит. Нет, Бирма не была дружелюбной к чужакам. В кругах так называемых первооткрывателей быстро распространилось мнение, что с Бирмой возможна лишь прибрежная торговля. Ведь даже правящие династии не были открыты по отношению к иностранцам.

Лишь британской Ост-Индской компании наконец удалось подвигнуть к тому времени прочно укоренившуюся в Индии колониальную империю к трем походам, в результате которых к концу 19-го века Бирма прочно была присоединена к Британской Империи. Но так как сопротивление не везде было сломлено, многие области, особенно в труднодоступных регионах, так и не подчинялись колониальной администрации. В ходе борьбы против намерений англичан полностью подчинить себе страну возникло движение «Такин» ("Господин"). Это название символизировало, кто, по мнению участников движения, является

настоящим господином Бирмы. Среди инициаторов движения особо выделялся Аун Сан, который позднее, когда японцы оккупировали страну, основал Бирманскую Национальную Армию, нанесшую много потерь захватчикам. Он был убит вскоре после окончания Второй мировой войны. Много лет спустя его дочь стала лауреатом Нобелевской премии мира.

Когда японцы планировали вторжение в Бирму, они должны были считаться не только с тяжелыми географическими условиями, но и с сопротивлением народа.

Бирма была как бы многослойным барьером на пути к их дальнейшей цели Индии. Страна состоит из высоких горных хребтов и расположенных между ними плодородных равнин, часто в долинах рек. В ней огромные муссонные леса, а климат убийственный. Горные цепи и реки имели общую особенность, так неприятную для захватчиков с Востока и с Запада — они все тянулись с севера на юг, образовывая, таким образом, естественные преграды. Даже главные транспортные артерии — железная дорога из Рангуна в Мьичину и немногочисленные автодороги тоже шли с севера на юг. Из-за этих условий порт Рангуна, как и идущие оттуда вглубь страны транспортные пути играли решающую роль в военных планах японцев.

23 декабря 1941 года с авиабаз в Таиланде взлетели 80 японских бомбардировщиков и взяли курс на Рангун. Их бомбежки опустошили большую часть города и порта. Жертвами налета стали две тысячи гражданских лиц. Материальные потери в гавани, как был убежден британский губернатор сэр Реджинальд Дорман-Смит, можно было довольно быстро устранить. Большее беспокойство вызывало то обстоятельство, что из страха перед будущими авианалетами более ста тысяч жителей, включая большинство портовых рабочих и служащих, сбежали из города на север. Другая большая атака японской авиации в рождественский вечер принесла меньше человеческих жертв, но сильно повредила доки, железнодорожное депо и другие технические сооружения. Починить их было нелегко из-за нехватки рабочей силы.

Королевские ВВС в это время располагали только эскадрильей старых истребителей «Буффало», несколькими «Харрикейнами» и «Бленхеймами». Вместе с остатками ранее дислоцированного в Китае «частного» авиакрыла генерала Ченно, которое теперь уже стало официальной частью американской авиации, они располагались вблизи от Рангуна. Только «Кертисс» Р-40 этого генерала в какой-то степени могли справляться с японцами. Они сбили в общей сложности 52 бомбардировщика «Мицубиси», и, на первый взгляд, казалось, что Рангуну уже

ничего не угрожает, потому что японцы больше месяца не отваживались на новые бомбардировки.

Вместо этого они сосредоточили свои усилия на захвате "указательного пальца", так называемой полосы Тенассерим, направляясь на север. Сначала группы «коммандос», а затем все большие контингенты с тяжелым оружием пытались перерезать коммуникации, идущие от Рангуна на север. Англичане теряли одну оборонительную позицию за другой. Вскоре пал Мартабан (Моутама) — город в 100 км по прямой от Рангуна. Удар направлялся на Ситаун, последний естественный барьер перед бирманской столицей.

Когда младший капрал Эрик Томлин (его ноги уже успели подлечиться) попал на северную окраину Рангуна, его включили в маршевую колонну, идущую на север. В верхнем течении реки Ситаун она должна была предотвратить дальнейшее продвижение японцев.

В это время г-н Дорман-Смит, британский губернатор Бирмы и колониальный чиновник старой школы, вынужден был срочно спрятаться в бункере командующего генерала Александера, потому что в небе снова появились японские самолеты и бомбили его резиденцию.

Александер, ожидавший только разрешения от генерала Уэйвелла, главнокомандующего британскими войсками в Индии, чтобы оставить бирманскую столицу, которую уже невозможно было удержать, предоставил губернатору скромную койку в своем бункере и приказал ординарцу принести чай, чтобы хоть в какой-то степени показать соблюдение старых добрых британских традиций. Балансируя чашками у бедер, оба мужчины сели друг напротив друга. Снаружи бункера доносились звуки войны — взрывы бомб, рев самолетов, треск зенитных пушек.

— Наконец, — простонал Дорман-Смит. Он вспотел; ему недоставало привычного кондиционера, и здоровье его оставляло желать лучшего. Годы в тропиках не прошли даром. Александер, самоуверенный, опытный, иногда слишком надменный колониальный офицер еще не потерял спокойствия. Он сгрыз пару галет, предложил сигарету, и ему удалось хоть немного успокоить Дормана-Смита.

— Нам придется уйти из Рангуна, как только появятся японцы, — объяснил он губернатору. — Возможно, нам придется уйти и из всей Бирмы, постепенно. Я рассчитываю на то, что нам придется отступать до Индии. Перегруппироваться. Сначала нам нужно будет защитить от японского нападения Индию, укрепить наши войска, чтобы однажды отвоевать назад Бирму. Александер — реалист, он не придавал никакого значения красивым фразам.

— Неужели этих парней ничто не остановит? — беспомощно спросил Дорман-Смит.

Александер, сохранив и в этой ситуации определенную часть своей надменности, утешил его.

— Мы не были готовы к нападению. Как и в Малайе. С потерей Сингапура как базы флота Рангун, так сказать, потерял свою базу снабжения, потому что теперь японский флот контролирует восточную часть Индийского океана. Кроме того, японцы после завершения малайского похода получили в свое распоряжение крупные свободные силы, которые могут использовать в Бирме. Потому отступление — разумное мероприятие, а не бегство. Не стоит предаваться горестным раздумьям. В конечном счете, мы тут изолированы. У нас нет нормальных сухопутных коммуникаций с нашими базами в Индии. Если мы максимально осложним продвижение японцев, и при этом планомерно отступим к нашим базам снабжения в Индии, это будет наилучшим решением. Впрочем, мы подождем, как скоро японцы выдохнутся и найдут в Бирме свою смерть.

Он высказал ту же мысль, какую уже довольно давно обсуждали в британских руководящих военных кругах в Индии, хотя Уинстон Черчилль, премьер-министр, ожесточенно борющийся за каждый дюйм Империи, заявил, что потеря Бирмы будет одновременно означать и потерю Индии. Генералитет на месте придерживается другого мнения.

Посыльный принес Александеру депешу, которую он так ждал. Он прочел ее и передал Дорману-Смиту. Затем вызвал офицера штаба и сказал, что запланированные мероприятия следует начать немедленно. Главное командование, сказано в депеше, приказывает начать отступление. Дорман-Смит нервно отложил бумагу в сторону.

Немного погодя Александер посадил губернатора в «Моррис», едущий на север, по пока еще безопасной дороге на Проме. Сам Александер вскоре последовал за ним.

6 марта 1942 года. Части японского флота, включая войсковые транспорты, стоят у берегов Рангуна. Некоторые острова на входе в гавань уже заняты японцами. Атамару, еще не очень старый, резкий генерал, командующий японскими войсками, стоит на мостике одного из крейсеров и беспрестанно наблюдает за берегом в бинокль. Он отдает приказ начать обстрел побережья.

Когда первые снаряды корабельных пушек разрываются в Рангуне, разбивая легкие деревянные постройки и заставляя людей искать хоть какое-то убежище, английские военные уже покинули город. Только команды британских подрывников

скользят вдоль улиц, на которых не видно жителей. Они минируют все здания, которые по приказу Александера не должны достаться японцам.

Ночь неспокойна. С моря подходят все новые корабли. Береговой артиллерии, способной отразить их, нет. Для уверенности командующий японскими войсками приказал еще все утро обстреливать город с кораблей. В полдень, когда в офицерской столовой на крейсере японские командиры едят лапшу, достаточно раздраженно, потому что корабль все трясется от выстрелов, к Атамару подходит адъютант и просит его срочно подняться на мостик.

На востоке от города, в Сириаме, там, где давным-давно португалец Де Брито впервые стал колониальным хозяином города, генерал это прекрасно видит, подымается тяжелое, густое облако черного дыма. В Сириаме, японцы это знают, находятся нефтеперегонные заводы Бирманской Нефтяной компании. Японской армии этих запасов нефти хватило бы надолго для продолжения войны но противнику удалось их уничтожить.

Одновременно в городе раздается несколько мощных взрывов. Заминированные британцами здания колониальной администрации, почты и железнодорожные сооружения, электростанция и несколько крупных предприятий взлетают в воздух.

— В атаку! В ярости кричит японец своим штабным офицерам, не отрываясь от бинокля.

На транспортах звенят звонки. Лодки, плоты, понтоны спускают в воду. За полчаса гавань уже кишит этими плавсредствами, в которых сидят солдаты Императора в своей униформе цвета хаки. Они производят впечатление мучеников в своих стальных касках с кожаными назатыльниками. Примкнутые штыки делают их и без того очень длинные винтовки еще более угрожающими. На понтонах переправляются легкие пушки и минометы, боеприпасы и тяжелое оснащение. Первые солдаты штурмуют порт, пока в городе еще слышны раскаты взрывов. Беспрепятственно, но и без приветствий со стороны местных жителей солдаты вбегают в город, бесцельно стреляя по сторонам — по людям, собакам, по крышам пагод, по глазам чиндов — этих мифических животных, похожих на гибрид орла и льва, стоящих перед храмами.

В Рангуне больше не было сопротивления. Английские войска отступили. Никому из местных жителей не пришла в голову идея встречать завоевателей с белым флагом. Люди ждали, пока утихла стрельба, и на стенах появились плакаты, объяснявшие, как им теперь нужно вести себя под правлением Тенно

божественного императора.

Высадившиеся войска недолго оставались в свободном от противника городе. Трофеями и оккупацией займутся другие, которые придут позже. Боевые части обошли частично горевшие районы и начали наступление на север. Через Рангун японские части сначала двинулись на Проме, сравнительно небольшой город, за которым находятся самые важные нефтедобывающие области страны. Оттуда до Енанджауна, другого небольшого города — примерно 200 километров. И как раз посередине этого пути тысячи буровых вышек качали на поверхность то сокровище, в котором столь нуждались японцы, страдавшие от хронической нехватки топлива. Туда и было направлено острие удара десантировавшихся в Рангуне войск. Вскоре к ним присоединились части войск, прибывших из Тенассерима, форсировавших Ситаун, основная масса которых должна была наступать дальше на север — на город Таунгу, а оттуда на Мандалай и Лашо, где Бирманское шоссе достигает Китая.

Эта восточная группировка агрессоров должна была перекрыть дорогу в Китай и прервать снабжение войск Чан Кайши, тогда как западной группировке следовало, наступая из Рангуна, перекрыть отступающим англичанам пути отхода в Индию. Англичан следовало не только прогнать из Бирмы — солдаты Японии должны были уничтожить их как можно больше, потому что мертвые англичане уже не смогут защитить Индию. Таким был простой и понятный лозунг, которому следовали агрессоры.

Младший капрал Эрик Томлин в этот момент думал не об отступлении, хотя очень скептически оценивал шансы хоть как-то остановить энергичное продвижение японцев. Четыре дивизии и два танковых полка захватчики якобы уже успели высадить в Бирме. Никто не был уверен, правдив ли этот слух, но повсюду, где захватчики наступали, англичане ощущали огромное давление, сознавали превосходство японцев в артиллерии, сталкивались с храбростью опытных солдат, прошедших войну в Китае.

Для Томлина и его товарищей Проме оказался горьким разочарованием. Это место было похоже на квартал нефтяников. Да еще и обезлюдевшее, потому что большинство людей сбежало, опасаясь прихода японцев. Хотя они и не любили англичан и чувство того, что их эксплуатируют, за последнее время еще больше усилилось благодаря антибританской агитации, они совсем не хотели сменить одного господина на другого. А то, что Япония вовсе не несет свободу, как об этом иногда говорили (и некоторые наивные люди этому верили), они тоже уже знали.

Потому что победителю было нужно владычество в Азии, ее полезные ископаемые, плодородные земли, военные базы.

Эрик Томлин в тот день, когда японцы вошли в Рангун, ползал от одной стрелковой ячейки к другой, чтобы проверить, правильно ли его солдаты подготовили промежуточные позиции на половине высоты сильно заросшего склона.

Некоторые из его опытных сослуживцев очень плохо чувствовали себя в этих норах, быстро наполнявшихся водой при каждом дожде. Особенно тяжело приходилось гуркам — солдатам с чисто наступательным характером. Их можно было послать темной ночью, вооруженных только «кукри» — очень острым кривым кинжалом — на вражеские позиции, и там они могли убить дюжину врагов. Но стоило загнать их в дыру, из которой им нельзя было даже выйти, они брюзжали и даже проявляли неповиновение. Позиционная оборона — не их стихия.

Нугунг был одним из них. Сколько Томлин был солдатом, столько он знал этого маленького парня без одного переднего зуба. Зуб выбили ему во время драки в Индии. Нугунг даже в лучшие времена ел не каждый день, он курил крепкий табак в кривой трубке, а ночью просыпался даже от самого глубокого сна, если на расстоянии ста метров от него что-то двигалось.

— Я хотел бы иметь инстинкт, как у тебя, и жалование как у командира дивизии, — иногда говорил ему Томлин, когда чутье Нугунга спасало их от неприятностей. У воина из непальского высокогорья не было семьи. Он мечтал после войны демобилизоваться и вернуться в родные горы, найти себе молодую жену, а потом просто бездельничать, пока его жена будет возделывать на маленьком поле все, что нужно им двоим для жизни. Возможно, говорил он иногда, у нас будет еще пара детей.

Когда Томлин подполз к ячейке Нугунга, то увидел, что гурка пристально глядел на опушку леса у подножия горы, в восточном направлении. И как раз с этого направления можно было ожидать японцев, если они появятся здесь со стороны окруженного города Проме.

— Ну, что тут? — тихо спросил Томлин. Он был доволен ячейкой Нугунга, она даже выглядела уютной, боеприпасы были аккуратно сложены. Такой порядок не был обычным явлением в этих сборных войсках — 14-м армейском корпусе под командованием генерал-лейтенанта Слима, недавно созданном из остатков 17-й индийской пехотной дивизии и 1-й бирманской дивизии. Да так бывает и во всех прочих смешанных соединениях.

— Там что-то есть, — односложно ответил гурка. Лишь через какое-то время он отвел взгляд от опушки леса. — Если бы у нас

были мины, мы обезопасили бы этот участок поляны за лесополосой.

— Но у нас нет мин, — ответил Томлин.

Он предложил гурке «Вудбайн», но тот, как всегда, отказался от сигареты. Нугунг охотнее засыпал в трубку порцию табака, который всегда носил в кармане брюк. Он закурил трубку, кашляя время от времени, потому что этот табак по крепости и запаху был еще злее даже низкокачественных сигарет «Вудбайн». — Атак как у нас нет мин, японцы смогут на этой опушке, которую мы не можем видеть, поставить минометы. Им легко будет наблюдать за нашим склоном, и они спокойно перестреляют нас всех.

Томлин знал, что гурка прав, но не в его власти было что-либо изменить. Он знал, что их позиция была частью более или менее связанной линии обороны, протянувшейся до Таунгу, не менее чем сто километров на восток. Она защищала не только нефтяные месторождения, начинающиеся на севере от нее. Нужно было не пустить японцев на запад. Но будут ли они наступать именно здесь?

Томлина мучили сомнения, не смогут ли японцы, натолкнувшись на сильное сопротивление, которое он организовал здесь, совершить обход и окружить его войска.

Он объяснил гурке свое мнение. — Они отдохнули, провоевали всего несколько дней, их тыл функционирует хорошо, и, в отличие от нас, они превосходно обеспечены оружием и боеприпасами.

Нугунг задумчиво раскуривал трубку. После долгой паузы он печально заметил:

— Подождем. Может быть, они настолько глупы, что упустят свой шанс.

— А если нет, мы попадем в ад разрезанные на маленькие кусочки, — кисло предсказал Томлин.

Японцы поступали куда умнее, чем этого хотелось бы Томлину, Нугунгу и прочим британским солдатам.

Через неделю после взятия Рангуна они сначала взяли Пегу — город на идущей на север главной автодороге на Мандалай. Этот сравнительно хорошо построенный транспортный путь, старая колониальная дорога, вела из Мандалая в Лашо, затем через китайскую границу и через провинцию Юньнань в город Куньмин. Так называемое Бирманское шоссе было важнейшей линией снабжения войск Чан Кайши, которые в южно-китайских провинциях с американской помощью сражались против японской армии, не давая ей продвинуться дальше на юг Китая. Теперь после внезапного наступления японцев в Бирме этот путь можно было перерезать, так сказать, у самого его корня. Рангун,

исходный пункт, был уже утерян. Теперь там не мог разгрузиться ни один корабль с грузами для Чан Кайши. А по южному участку шоссе уже катились японские танки, артиллерия и колонны грузовиков на север — по направлению к Мандалаю. После этого их целью будет Лашо, последний бастион перед южной границей Китая. Оттуда можно будет взять Юньнань, а с нею и весь южный Китай в опасные клещи.

Но продвижение по дороге на Мандалай имело для японцев еще одно значение. Между этим путем и западной японской группировкой, продвигающейся от Рангуна через Проме к нефтяным скважинам близ города Енанджаун и дальше вдоль реки Иравади, к верхнему течению реки Чиндуин, в непосредственной близости от Индии, в продолговатом, похожем на длинный шланг «котле» стояли почти все британские войска, воюющие в Бирме. Если японцам удастся лишить их мобильности, их можно будет окружить. По мнению японцев, это будет не очень трудно — между клешнями щипцов находились почти двести километров практически непроходимых джунглей. А японские солдаты уже давно и хорошо были обучены войне в джунглях. Остальную работу сделает авиация. Японские летчики были намного сильнее той авиации, которую им еще могли противопоставить англичане.

Генерал Слим, командир 14-го армейского корпуса, основные силы которого дислоцировались между нефтяными полями Енанджауна и Проме, видел эту опасность. Он сможет продержаться очень недолго. А к тому же, и японцы это учли, в мае начинается сезон муссонов. До этого времени передвижения войск так или иначе должны быть завершены, потому что дожди вызовут такой потоп, который сделает непроходимой любую дорогу и остановит движение войск. А до мая оставались считанные недели.

Нугунг, гурка, первым услышал танки. Он сразу же сообщил Томлину о далеком, приближающемся лязге гусениц. К его удивлению Томлин успокоил его:

— Все в порядке. Это наши. Оставшиеся танки, защищавшие Проме. Они движутся к нам.

— Они сдали Проме?

— То, что танки появились здесь, подтверждает это. Возможно, они займут позицию где-то в этой местности, а если нам придется отступить, они нас прикроют.

Если они еще останутся целы, подумал гурка. Но вслух сказал:

— Возможно, нас выручат китайцы.

Было известно, что Чан Кайши направил в Бирму 200-ю

дивизию войск Гоминьдана. Сейчас она воевала у Таунгу, на крайнем восточном фланге оборонительной линии Слима. Три другие дивизии, по слухам, должны выйти из Юньнаня и двинуться на юг по Бирманскому шоссе. чтобы сразиться с японцами.

Томлин не верил этим слухам. С другой стороны, ему было все равно, кто вытащит его и его товарищей из этих опасных клещей. Китайцы — хорошо. В конце концов, они уже много лет воюют против вторгшихся в Китай японцев, и им есть за что поквитаться с ними. Кроме того, у китайцев есть боевой опыт. Но прежде всего они должны дойти сюда.

Сначала пришли танки. «Стюарты» М-3. Несколько устаревший тип, 13-тонный, использовавшийся в основном в колониях. Но в любом случае на них стояли 37-мм автоматические пушки, а это уже кое-что, с чем японцам придется считаться.

Стальные колоссы, до верху набитые пожитками марширующих за ними пехотинцев, свернув с шоссе, снова исчезли в джунглях. За ними двигались грузовики, военные машины, гражданские повозки любого вида, фургоны со смешными сегодня надписями вроде "Hudsons Red Limonade". Все они везли погибших и раненых. Девиз — вперед, на север. К последним переправам через реку Чиндуин в горах, где за горными хребтами лежит Индия, провинция Манипур. Где-то там, далеко на запад проходит железнодорожная магистраль Бенгалия — Ассам, идущая в Калькутту, в Читтагонг, к ближайшим настоящим лазаретам.

— Пятьсот километров по прямой, — сказал Томлин. — Знаешь, сколько это будет, учитывая джунгли и горы?

— Нет, — ответил гурка.

— В три раза дольше.

— Да, тогда не многие выживут.

Медленно наблюдали они за печальным обозом. За грузовиками двигались мулы, запряженные в повозки, полностью загруженные неподвижными телами. В конце шли мулы с поклажей. На них тоже время от времени лежали тела погибших.

Как они будут выглядеть через три дня поездки по джунглям, — подумал Томлин. Но, собственно, вопрос был излишним. С Тенассерима, когда все началось, Эрик Томлин достаточно хорошо знал, что делают с умершими, пока тела везут через джунгли, сорокаградусная жара, девяностопроцентная влажность, насекомые, черви, дожди и свисающие ветки. Когда он вернулся в свою стрелковую ячейку, его кивком подозвал к себе радист, лежавший рядом. Он на своей рации только что слушал

сообщения из Индии.

— Они говорят, что многие бирманцы идут служить японцам. Показывают им путь, несут грузы. .

В этом не было ничего удивительного. Речь шла о противниках британской колониальной системы в Бирме, увидевших в японцах своих освободителей. Уже много месяцев японская пропаганда настойчиво заявляла, что японцы вместе с «освобожденными» народами создадут в Азии сферу взаимного процветания. Только для азиатов. Многие этому поверили.

— А японские «коммандос» переодеваются бирманскими крестьянами и просачиваются за линии нашей обороны, — продолжал радист. Томлин спросил его, слышал ли он что-нибудь о раздаче пищи. Радист засмеялся:

— Из Индии?

Затем в воздухе внезапно послышался вой, грохот. Где-то взорвался снаряд. Командиры взводов задули в сигнальные рожки. Все, кто был вне своих стрелковых ячеек, поторопились запрыгнуть в них и нагнуть голову как можно ниже.

Винтовочные выстрелы присоединились к разрывам снарядов. Танки открыли огонь. Еще никто не видел японских пехотинцев, не слышал хриплого крика "Банзай!" агрессоров, которых они впервые увидели в Тенассериме. Но они были тут. Теперь наспех созданный генералом Слимом фронт обороны должен был показать, на что он способен.

Бегство к Индии

В прошлом британские военные в Азии куда больше занимались сохранением внутриполитического порядка, нежели вопросами стратегии и тактики в настоящей войне. Эта их слабость стала весьма заметной уже после первых ударов Японии. Лишь в тот момент, когда Британской Империи пришлось защищаться от внешнего врага, они поняли, что в их колониальной державе нет военной структуры, которая по-настоящему отвечала бы требованиям ведения современной войны.

Так, касающиеся Бирмы военные решения принимались в Индии. Принимались за сотни километров от театра военных действий людьми, не знавшими реального положения дел и, кроме того, слишком занятыми проблемами других территорий. Новое распределение функций военного управления на высшем уровне было признано необходимым уже самим премьер-министром Уинстоном Черчиллем. Но оказалось слишком тяжело реализовать это требование под натиском массивного наступления противника.

Видение решения запоздало. Если Англия и ее союзники действительно хотят справиться с этим сильным врагом в Юго-Восточной Азии, то, прежде всего, следует создать самостоятельно функционирующее верховное командование всех союзников, которое должно разработать стратегию по отвоеванию уже потерянных и по обороне еще удерживаемых территорий, назначить подходящих командиров, планировать операции и организовывать работу тыловых служб.

На посту верховного командующего Черчилль видел только британского офицера. Лично он хотел бы, чтобы командующим стал очень уважаемый им лорд Маунтбэттен. Достичь единства с американцами в этом вопросе было бы относительно просто. Другим союзником в Юго-Восточной Азии и в Тихоокеанском регионе был Чан Кайши, и именно из-за его по многим причинам проблематичных отношений с Англией могли бы возникнуть непредвиденные трудности.

Но Черчилль все же поговорил об этом с американским президентом, и они согласились в интересах дела действовать согласованно. Что касается Чан Кайши, то Франклин Делано Рузвельт был уверен, что ему удастся благодаря своей умелой тактике постепенно склонить китайца к согласию, ведь, в конечном счете, именно США взяли на себя большую часть снабжения Китая и его армий в войне против Японии.

Рузвельт еще в конце декабря 1941 года договорился с Чан Кайши о том, что маршал официально возьмет на себя командование всеми союзными войсками в Китае, что ему, естественно, польстило. Это соглашение сделало его одновременно главнокомандующим войск союзников, воюющих на территориях Индокитая и Таиланда. Целью соглашения было совместное верховное командование на "ТВД Китай-Бирма-Индия". В любом случае, для этого еще нужно было время. Мудрое решение Рузвельта в отношении Чан Кайши немедленно подвигло последнего назначить начальником штаба своего верховного командования американского офицера, который занялся бы координацией совместных военных усилий. Например, в вопросе с китайскими дивизиями, которые Чан Кайши (не в последнюю очередь — в своих собственных стратегических интересах) должен был предоставить в распоряжение Англии для обороны Бирмы. Ведь эти дивизии, часть которых уже принимала участие в боях, естественно, в Бирме подчинялись бы британскому командованию. Озабоченный поддержанием своей роли великого полководца Чан не был от этого в восторге, а на фронте это порой создавало серьезные проблемы. А теперь американцы помогли Чан Кайши сохранить лицо, направив к нему офицера связи с высокими качествами и большим опытом в качестве своего рода буфера между двумя сторонами.

Джозеф У. Стилуэлл, невысокий упрямый человек за шестьдесят, был прямой противоположностью тому, каким представляют генерала в Пруссии. Он считал военные формальности и нормы обращения необходимым злом, но решающим фактором для него были боевые качества войск, их способность сражаться в самых сложных условиях. Стилуэлл был боевым командиром, не солдатом из казино. Если нужен был человек, который вовсе не любил войну, но вел ее наилучшим образом, как бы выполняя порученную ему работу, то таким человеком как раз был этот ветеран Первой мировой войны. Его отличительными признаками были очень коротко стриженные седые волосы, очки в никелированной оправе и сигарета в мундштуке. Кроме того — непринужденная, но направленная точно в цель речь и личная непритязательность, свойственная скорее индийскому водоносу, чем опытному американскому генералу.

При этом Стилуэлл закончил Вест-Пойнт с отличием, после Первой мировой войны много лет служил на Филиппинах и, наконец, был начальником штаба дислоцированной в Китае 15-й пехотной дивизии армии США. Он не только хорошо знал китайский язык, но и блестяще разбирался в сложностях

китайской души. Китайцы ему были симпатичны, он считал китайских солдат, несмотря на то, что ими плохо командовали, одними из лучших солдат в мире, если оценивать их достижения.

В Нью-Йорке, прощаясь со своей женой, он не мог не заметить озабоченное выражение ее лица. Тем не менее, ему не пришло в голову преуменьшать опасность своей миссии. Он только проворчал ей что-то об идиотах, которым нечем больше заняться, кроме как стрелять в головы друг другу.

Джозеф У. Стилуэлл обладал чувством едкого саркастичного юмора. Многие подчиненные называли его с любовью "уксусный Джо", потому что после приема у него каждый человек находил причину, отчего ему иметь кислый вид. А другие, с не меньшей любовью, называли его "дядюшкой Джо". А его привычка в любых обстоятельствах сосать очень кислые леденцы тоже добавляла ему популярности.

Из Нью-Йорка в Майами, оттуда в Рио, через весь океан в Каир, затем в Багдад и, наконец, высадка в Карачи. Оттуда связным армейским самолетом его привезли в Калькутту. Стилуэлл толкнул военного врача, который во время последнего перелета заснул на сидении рядом с ним, и вытащил свой морской мешок. Неизбежная сумка на ремне через плечо, в которой лежал и его револьвер, уже болталась на бедре. — Выходите, война началась!

Спустившись по трапу, Стилуэлл сказал военному врачу, который впервые попал в войска:

— Это Азия, сынок, принюхайся — чувствуешь?

А тот стряхнул воду с губ; шел один из самых ужасных в этой местности дождей:

— Если тут так воняет каждый день, я мог бы от этого отказаться. И от дождей тоже. .

С полей старой шляпы Стилуэлла, которую он носил еще во время службы на Филиппинах, когда такая шляпа была частью форменной одежды, вода стекала за воротник куртки. Но ему, казалось, ничего не мешало, и он со смехом возразил:

— А что ты скажешь, когда под таким дождем придется оперировать рану в живот, и никого не будет рядом, чтобы хотя бы натянуть над тобой тент палатки?

"Уксусный Джо" лишь один день оставался в Калькутте. Он торопился прибыть к Чан Кайши, которого он с еще давних времен знал как трудного партнера и не раз называл старым мерзавцем. Это определение, которое трудно назвать ласковым, вообще часто слетало с губ генерала.

Когда американская «Дакота» после нескольких транзитных остановок, наконец приземлилась в Лашо в северной части

Бирмы, был уже вечер. Это было 3 марта. Лашо, обычно важный коммерческий город на верхнем участке Бирманского шоссе, почти вымер. Железнодорожные поезда из Рангуна сюда больше не приходили, и не было товаров, которые здесь обычно из вагонов перегружали на тяжелые грузовики для дальнейшей отправки на север. Кто еще остался в городе, бездельничал. В ста пятидесяти километрах к югу уже были передовые части японцев.

Стилуэлл сидел в самолете, в которой было невыносимо жарко, и ждал обычной дозаправки, как появился посыльный и сообщил, что «генералиссимус», как называл себя Чан Кайши, уже в Лашо и ждет его.

Глава китайского государства прибыл сюда, чтобы пожаловаться англичанам на внезапно прерванный подвоз боеприпасов и оружия. От одного не очень значительного и не очень вежливого офицера, майора, самого высшего по званию англичанина в этой местности, он получил очень лаконичный ответ, что, мол, там, внизу, откуда поступают грузы, идет война. За прошедшее время Чан вызвал к себе в Лашо командующих обеих армий, которые он хотел направить в Бирму для поддержки попавших в трудную ситуацию англичан, и консультировался с ними по тактическим вопросам. Его план предусматривал создание фронта посередине Бирмы с востока на запад, сдерживание японцев на этой линии и переход в контрнаступление.

Стилуэлл, с окурком пострадавшей от влажного воздуха сигареты «Кэмел» в углу рта, посмотрел на карту и с трудом сдержался, чтобы не высказать сразу же свое мнение по поводу плана Чана — полной чепухи вояки-любителя, разбиравшегося в политических интригах, но не имевшего ни малейшего представления о ведении войны. Это Чан, впрочем, уже неоднократно доказал в ходе войны в его собственной стране.

Но старый генерал имел большой опыт общения с этим китайцем. Он умело попробовал осторожно отговорить его от навязчивой идеи создания сплошного фронта с востока на запад. Он объяснил, что одна японская дивизия по личному составу равняется целой китайской армии (в составе четырех дивизий). Это охладило пыл храброго стратега Чана. Ему пришлось признать, что 200-я дивизия, составляющая примерно одну восьмую часть всех обещанных войск, до сего времени остается единственным китайским соединением, ведущим войну. Прочие частично очень слабо обученные войска с очень плохим командованием все еще ждут в провинции Юньнань или, в лучшем случае, только отправлены на юг без четко обозначенной цели.

В ходе перерыва между совещаниями генерал Стилуэлл пригласил своего старого друга д-ра Гордона Сигрейва, американского врача, много лет ведущего в Бирме одиночную борьбу против инфекционных и тропических болезней и пытающегося улучшить гигиенические условия в деревнях, чтобы тот рассказал ему о действительном состоянии дел.

Доктор Сигрейв лучше знал ситуацию, чем генералиссимус, только что приехавший из своей далекой резиденции в Чунцине. Он сказал Стилуэллу:

— Семьдесят тысяч английских солдат существуют только на бумаге, Джо. На фронте — двенадцать тысяч. Половина из них сидит под папоротниками со спущенными штанами и мучается от поноса. Другие ранены или больны малярией. Танки и грузовики стоят из-за нехватки топлива. Раненые умирают, потому что на месте нет врачей, нет бинтов и лекарств. У Англии нет концепции обороны Бирмы, это горькая правда. Господа в Индии не имеют понятия, как защищать эту страну. А японцы оказались лучшими солдатами, чем мы о них думали. Наступают так же быстро, как в Малайе. У них маленькие 15-тонные танки с дизельными моторами, которые при необходимости могут работать и на керосине. Остановить их в Бирме не удастся, если ты об этом хотел спросить.

— Дать им здесь выдохнуться? — спросил генерал доктора. Тот кивнул. Это одна из возможностей. Удлинять для них линии коммуникаций и сокращать наши собственные. Перегруппироваться в Индии. Потом ударить сконцентрированными силами. Если не ошибаюсь, японцы по природе своей наступательная армия. Если же наступать на них, и наступать большими силами, с поддержкой авиации, они вскоре потеряют самообладание.

Стилуэлл ухмыльнулся:

— Если только ты не ошибаешься!

— Я уже давно в этой проклятой стране и знаю, что с японцами можно справиться, если дать им пинка, когда они останутся с уполовиненным рационом, на пару недель без таблеток атебрина, без воды…

— Тебе следовало бы стать генералом, — поддразнил его Стилуэлл. Но он чувствовал, что из всего. что ему пока доводилось слышать, эта оценка положения была единственной реалистичной. С деморализованными войсками, потерявшими огромную часть своего личного состава нельзя создать линию обороны через джунгли, которая смогла бы сдержать наступление японцев. Нужно вывести войска в безопасное место, мобилизовать резервы, от обороны, пока она не превратилась в беспорядочное

паническое бегство, перейти к организованному отходу а потом ударить из глубины — гражданское лицо и филантроп Сигрейв оценил шансы потрясающе верно.

— И где следует устроить пристанище? — спросил его Стилуэлл.

— Ты имеешь в виду, когда англичане признают себя побежденными? У меня более дюжины опорных пунктов в горах, у качинов. Всем там, кому меньше десяти лет, я либо помогал появиться на свет, либо делал прививки, либо спасал от червей. Туда ни один японец не дойдет. По крайней мере, живым, Джо.

Доктор обычно находился где-то на северо-востоке, между Сумпрабумом и Форт-Хертц, недалеко от китайской границы, где даже мулы с трудом пробирались вверх по узким скалистым тропам.

— И в каждой деревне есть мужчины, готовые бороться с японцами, объяснил он Стилуэллу. — Пошли нам боеприпасы, оружие, пару сержантов и у нас будет армия!

— Буду помнить об этом, Гордон, — заверил его генерал. Он сказал то, что думал. От агрессии Японии, распространившейся на всю Азию, должна защищаться вся Азия. И не только теми военными средствами, которые изучают в британских военных академиях.

Но, в первую очередь, еще до того как официально взять на себя командование, Стилуэллу следовало заняться «генералиссимусом», утихомирив его хронические антибританские предрассудки. Чан Кайши обвинял англичан во всех бедах, которые только приходили ему на ум. Они-де не выполняют своих обязательств по обеспечению снабжения, их генералы ни на что не годны, их дипломаты невыносимо заносчивы. Только теперь Стилуэлл понял, какой подарок, «генералиссимус» соизволил сделать США, разрешив назначить его, американского генерала, начальником штаба и главнокомандующим всеми китайскими войсками, воюющих вместе с англичанами в Бирме. Чан высказался так:

— Это невозможно; это было бы оскорблением исторического масштаба, если бы китайскими солдатами однажды стал командовать англичанин. Невозможно представить! Позор для Китая!

Стилуэлл прошептал Сигрейву в ухо:

— Старый орех ни на йоту не изменился с тех пор, как я видел его в последний раз. Сравнение с орехом (peanut) относилось к привычным шуткам Стилуэлла в адрес Чана еще с тех времен, когда генерал не был ему непосредственно подчинен — лысая голова китайца действительно вызывала ассоциацию с

арахисом.

Сигрейв прошептал в ответ:

— Я забыл сказать, что тебе следовало бы срочно связаться с генералом Ченно. У него очень способные люди.

Генерал Клэр Ли Ченно, авантюрист и прекрасный летчик одновременно, уже давно в соответствии с коммерческой договоренностью с Чаном командовал в Китае пестрой сборной авиачастью — крылом "Летающие тигры" (Flying Tigers), воевавшим против Японии. Он стал следующим партнером, с которым Стилуэлл встретился в Куньмине, последней транзитной остановке по пути в Чунцин. Они пришли к общему мнению, что борьба против японцев требует широкомасштабного применения авиации.

— Ты позаботишься о горючем и о самолетах, — объяснил Ченно Стилуэллу, с ухмылкой на кожаном лице, — а я со своими людьми постараюсь, чтобы небо стало некомфортным для японцев.

Когда Стилуэлл выразил свою озабоченность тем, что японцы перерезали Бирманское шоссе, по которому осуществлялось снабжение китайцев, старый лис Ченно, только что получивший из США тридцать новых истребителей типа P-40, которые действовали с базы в Лашо, заметил:

— Перестроимся, Джо. С земли — в воздух!

— Ты имеешь в виду транспортные самолеты?

Ченно кивнул.

— А это возможно? Я не знаком с возможностями авиатранспорта…

— Возможно. Ченно, который уже давно жил в Азии и был прекрасно знаком с местными условиями и, как он любил говорить, уже забыл об авиации больше, чем любой другой летчик вообще о ней знал, перешел к пояснениям. Находчивые снабженцы еще незадолго до падения Рангуна использовали полдюжины надежных американских транспортных самолетов для новых операций. С аэродромов в Индии грузы перелетали в Лашо, а оттуда транспортировались дальше в Китай.

— Таким путем мы получаем большую часть наших запчастей, — закончил Ченно.

А потом он обратил внимание Стилуэлла на подполковника Уильяма Д. Олда, который как раз занимался разведыванием лучшего авиационного маршрута из Ассама над высоченными горами Гималаев в Куньмин. Между скалистыми вершинами высотой в несколько тысяч метров всегда были глубокие расселины, долины, плоскогорья, которыми вполне могли воспользоваться опытные летчики. Хотя там наверху смерчи

невиданной силы вполне могли закружить машину, подняв или опустив ее на сотни метров.

Олд за короткое время проделал настоящую работу первопроходца. Он проложил маршрут, который, хотя и был не безопасным, но по нему круглые стуки американские самолеты С-47 смогли доставлять тысячи тонн военных и прочих грузов из Индии в Куньмин, для армии Чан Кайши. Маршрут пролегал далеко от японских полевых аэродромов на захваченной территории, чтобы избежать атак истребителей противника. Кроме того, они не смогли бы подняться до такой высоты, на которой летели «транспортники». Расчеты японцев на то, что, прервав снабжение по Бирманскому шоссе, они ослабят сопротивление китайцев и, комбинируя удары на севере и на юге, достигнут легкой победы, были таким образом полностью сорваны.

Стилуэлл воспользовался возможностью полета над Гималаями, у летчиков скоро прозванных «Hump» ("бугорок"), чтобы сперва перебросить по воздуху в Ассам большую часть тех китайских войск, которые Чан предусмотрел для войны в Бирме, но которые еще не были на фронте. Около 13 тысяч китайских солдат прошли в Ассаме под руководством опытных американских инструкторов учебную подготовку к войне в джунглях, которая предстояла только тогда, когда японцы израсходуют свои наступательные силы. В любом случае, время, когда это произойдет, еще никто не мог предсказать, тем более, что Стилуэлл привык очень осторожно оценивать противника.

После переговоров с военной бюрократией Чана в Чунцине генерал немедленно отправился в китайские части, которые уже воевали против японцев в районе Таунгу. Под угрозой был город Мейтхила, и у Стилуэлла почти не осталось надежды на то, что с теми силами, которые остались у него на севере Бирмы, ему удастся удержать Мандалай, второй по размеру город страны. В Мандалае железнодорожная магистраль разделялась на две линии, идущие на север. Восточная из них шла в Лашо, а западная заканчивалась в Мьичине, недалеко от китайской границы. Если японцам удастся захватить эти линии и воспользоваться ими, судьба Бирмы будет решена.

Дни защитников британской колонии проходили в непрестанных боях. Основные потери они несли не в больших сражениях, а в бесчисленных маленьких стычках, перестрелках, нападениях, засадах, все уменьшавших личный состав британских войск.

Уже давно не было единой системы тылового обеспечения. Подразделения действовали, рассчитывая только на самих себя,

избегали ударов японцев, надеясь на приход подкреплений из Индии. Но они все еще не приходили.

У. Л. Фостер, последний представитель британской нефтяной компании, руководил, кипя в душе от гнева, британскими саперами, взрывавшими нефтедобывающие сооружения близ Енанаджауна. Около двух тысяч японских пехотинцев обошли британские позиции и могли в любой момент ударить с фланга. Когда нефтяные скважины запылали, японцы вначале двинулись мимо нефтяных полей, вдоль реки Иравади на север через долину Чиндуина. Из района Проме они нацеливали свой следующий удар на Аракан, болотистую и лесистую прибрежную провинцию, которая на юге простиралась до индийской границы, где находился Маундо, последний бирманский город. Между этими двумя клиньями все яснее просматривался огромный «котел», который японцы с каждым днем сжимали все сильнее. Для британских войск в этих условиях был лишь один шанс. Чтобы избежать разгрома им нужно было двигаться на север вдоль долин рек Иравади и Чиндуин быстрее, чем японцы, до последней большой точки переправы у Калевы. Если им удастся переправиться через реку в этом месте, они смогут задержать продвижение японцев с другого берега.

За это время 55-я и 56-я японские пехотные дивизии, усиленные одним танковым полком, вооруженным испытанными в боях танками "Чи-Ха Тип 97" с 57-мм пушками, продвигались между верхним течением реки Ситаун и рекой Салуин, взяв Лойко, так что китайским и британским войскам южнее Мандалая теперь тоже угрожало окружение.

Генерал Слим потому приказал отступать, пока японцы не перерезали железную дорогу на Мьичину.

Но на этой узкоколейке царил неописуемый хаос. Гражданские лица, китайские и британские подразделения — все сражались за последние вагоны. Железнодорожная катастрофа довершила развал. Линия на долгое время стала непригодной, потому что ремонтного поезда тоже больше не было. Так что союзным войскам, действовавшим в центральной Бирме, пришлось совершить долгий пеший марш на север, через джунгли и полные москитов болота, через горные хребты и долины рек, чтобы спасти только свои жизни и хотя бы остатки боеспособности.

Генерал Джо Стилуэлл, военный, способный на холодный расчет, маршировал во главе своего штаба сквозь дождевые леса. Целью была далекая Мьичина. Там был еще один аэродром, и Стилуэлл надеялся через него вывести на самолетах остатки самой северной группировки в Индию.

Иногда дорога оказывалась слишком трудной для старого генерала. Мучения были невыносимы даже для молодых людей. Он с удовольствием отдохнул бы разок, другой, закурил бы сигарету. Но табак был в дефиците. Только проходя через редкие поселения, можно было иногда купить порцию бирманского крестьянского табака, но он не приносил много радости. Без сигарет было бы легче обходиться, если бы хватало еды. Но кроме нескольких случайно подстреленных животных питаться приходилось только съедобными кореньями. Под бинтами раненых завелись черви. Все чаще приходилось менять скаутов, прорубавших дорогу сквозь дождевой лес с помощью ножей-мачете. Силы людей быстро таяли. Душный воздух под густыми кронами деревьев осложнял дыхание. Лесные звери разбегались перед медленно тянущимися людьми. Только разноцветные мотыльки с блюдце величиной порхали перед их усталыми глазами. Так шла армия, потерпевшая поражение в боях. Она была разбита, но не сдавалась. День расплаты, как формулировал ворчливый генерал Стилуэлл, еще наступит.

30 апреля генерал узнал о внезапном взятии японцами города Лашо. Мысль, что совсем недавно он совещался там с Чаном, показалась теперь абсурдной.

— Вперед! Все яростнее подгонял он своих до смерти измученных, оборванных, голодных солдат. — Нам нужно выбраться, чтобы потом отплатить им за все! Он храбро пробирался вперед, промокший до нитки, с окровавленными ногами, каждый шаг — мука, с десятками кровососущих пиявок под разорванным мундиром. Но он не сдавался. Его пример удерживал на ногах всех остальных.

Бои шли на разных участках разорванного фронта — в Аракане, на южном побережье, на севере, где между уже павшей Мьичиной и индийской границей медленно двигались на запад разрозненные войска союзников, и на реке Чиндуин, которую генерал Слим хотел форсировать у Калевы с остатками своей группировки, уже прозванной планировщиками в Индии на бумаге называли 15-м корпусом.

Слиму удалось сохранить даже остатки своих моторизованных частей. Лишь машины, для которых больше не было топлива, приходилось приводить в негодность и оставлять. У Слима были танки, орудия и грузовики. Когда у его скаутов совсем иссякли силы, чтобы пробивать просеки сквозь джунгли, Слим решил пустить вперед танки. Так он мог хоть немного сберечь силы своих солдат. Чиндуин, широкая бурная река, заберет у них последние силы, потому что на паромы там рассчитывать не приходится. А люди Слима, к тому же, несли на

себе две тысячи раненых и больных. Когда они достигли Калевы, их самые наихудшие опасения оправдались. Все большие лодки и паромы были уничтожены. На берегу лежали только маленькие суденышки.

Хотя после всех усилий Слиму было очень тяжело отдать такой приказ, тем не менее, он решил привести в негодность все машины, танки и пушки. Из самых сильных мужчин он создал бригады для постройки временных плотов. Стоило начаться работам, как по арьергарду был открыт пулеметный огонь. Через минуту начался кровавый ближний бой с японскими преследователями.

У младшего капрала Эрика Томлина оставалось всего пять патронов к винтовке, когда очередь из японского пулемета «Намбу» пронеслась над ним, срезая низкие ветки. Он упал в грязь, появившуюся после прошедшего всего полчаса назад ливня, и перезарядил оружие. Рядом с ним скатился гурка Нугунг, спрятался за корнями дерева и прислушался.

Немного погодя, гурка поднял два пальца. Томлин увидел жест и подкатился к нему. Они оба были мокрые, грязные, а у гурки был только его кривой кинжал «кукри». Его винтовка сломалась, когда он спускался со скалы.

— Я с ними справлюсь, — прошептал Нугунг.

— Ты с ума сошел, — ответил Томлин. — Не стоит играть в героя в последнем бою.

Но Нугунг был не из тех, кто быстро сдается. Томлин не успел оглянуться, как Нугунг пополз сквозь густые заросли.

Томлин пожертвовал двумя из пяти патронов, чтобы отвлечь внимание японцев. Его одиночные выстрелы, скорее всего, не были слышны в общем шуме боя, судя по тому, что японцы не стали стрелять целенаправленно в его сторону. Томлин пристально вглядывался в быстро надвигающуюся темноту. Но гурку не было видно. Потом с берега поступил приказ: "Спускаться к реке, с наступлением темноты переправляемся".

Через полчаса гурка все еще не вернулся. Но японский пулемет умолк. Томлин осторожно двинулся назад к берегу. Некоторые группы уже успели переправиться. Внезапно в общем хаосе он увидел гурку Нугунга. Он стоял в тихой воде и мыл свой «кукри». Когда он, довольный, завершил свое дело, он осмотрелся и подошел к Томлину. У гурки было два японских коротких меча любимый в те годы сувенир. Один он подарил Томлину перед тем, как они запрыгнули на плот из бамбуковых стволов, связанный на скорую руку.

— Ну и что мне с ним делать? Прорубать тропинки в лесу?

— Вот глупый! Гурка ухмыльнулся и просто положил меч ему

в ладонь. — За него в Калькутте ты получишь самую красивую девочку, на целый день! И кто знает, может быть, когда мы будем возвращаться назад, у тебя даже будет сын!

На севере генерал Стилуэлл переправлялся через реку у Хоумалина. Отдохнувшие британские войска приветствовали его консервированной колбасой, виски, таблетками против малярии и табаком из Родезии. Начиналась последняя декада мая, а с ней — сезон муссонов. Но и муссон больше не мог напугать его людей, они и так уже прошли через ад.

Но вот японцев он лишил атакующего напора. Они буквально застряли в грязи. И среди них уже свирепствовали малярия и понос, снабжение провиантом войск, выдвинувшихся так далеко от тыловых баз, было скудным. Авиация не могла действовать при такой погоде. В медленно наполнявшихся водой траншеях солдаты божественного Тенно пытались устроиться как можно удобнее: Бирма была в их руках. Но впечатления радостных победителей они не производили.

Генерал Стилуэлл отжал свою промокшую насквозь шляпу, потом рубашку и брюки. Затем закурил и, лишь сделав с наслаждением несколько затяжек, удовлетворил просьбу корреспондента агентства "Ассошиэйтед Пресс", который хотел услышать его заявление. Генерал проворчал:

— Ну что ж, я заявляю, что нам устроили чертовскую порку. Нас выгнали из Бирмы, и это настоящий позор. Я думаю, нам нужно разобраться, почему это произошло. Потом мы двинемся назад и отвоюем Бирму.

Интермеццо

Японскому командованию в конце 1942 года пришлось признать, что его расчет не оправдался во многих аспектах.

Прежде всего, это касалось мысли, что, перерезав Бирманское шоссе, японцы быстро смогут принудить Чан Кайши заключить с ними сепаратный мир. Это избавило бы Японию от военных усилий в Китае и позволило усилить японские войска на других фронтах. Но эта надежда не сбылась.

Ставший за это время полковником летчик Уильям Д. Олд, благодаря проложенному им авиамаршруту через Гималаи, внес большой вклад в то, что Китай по-прежнему получал военные грузы и сдерживал натиск японцев. Днем и ночью летчики доставляли тысячи тонн боеприпасов и других грузов из Индии в Куньмин и Чунцин. В такой ситуации нечего было и мечтать о быстрой победе над Китаем.

Японских военных беспокоила и информация их разведки о крупномасштабной программе обучения, которому генерал Стилуэлл подверг полдюжины китайских дивизий. Акция называлась "Yoke Force". Тренировки проходили в Рамгархе, большом учебном лагере в индийском штате Бихар. Помешать обучению японская авиация в настоящий момент уже не могла, хотя и было известно, как там вырастает сила, с которой генерал Стилуэлл однажды вернется в Бирму. На что способны по-современному обученные и, прежде всего, хорошо вооруженные китайские солдаты, японцы уже успели почувствовать на своей шкуре. Потому они наблюдали за происходившим в Рамгархе одновременно с недоверием и с опаской. Так же как и за другими изменениями, происходившими в восточной части Индии.

Здесь, пусть с опозданием, но все интенсивнее готовились к серьезной войне. Возникали многочисленные стратегические шоссе и железные дороги, склады, полигоны, аэродромы, мастерские и прочие сооружения. И США поставляли все больше оружия — от танков до самых современных самолетов, а японские и немецкие подводные лодки никак не могли прервать этот поток. А японская армия никак не могла пресечь инженерные работы, начавшиеся в Ледо в индийском штате Ассам.

Воодушевленные Стилуэллом, рабочие разных национальностей строили там дорогу, которая должна была пройти сквозь дождевые леса и высокие горы, сквозь овраги и саванны, на запад и южнее Мьичины соединиться со старым Бирманским шоссе. Если новое шоссе пройдет достаточно далеко внутрь Бирмы, то освобождение Мьичины будет всего лишь

вопросом времени. Японцы прекрасно знали это. И они понимали также, что по этой дороге можно будет снабжать китайцев из Индии сухопутным путем. План союзников из-за географических условий в северных горах столкнулся с ужасными трудностями, но стоит ему осуществиться, как положение японцев станет очень опасным. Ледо находился на самом конце железнодорожной ветки Бенгалия — Ассам, и туда днем и ночью могли приходить эшелоны из внутренних частей Индии. Японская авиация, смогла бы, собственно, пусть с очень большими потерями, помешать этому процессу, но сдержать уже не могла. Таким образом, японские планы по захвату Индии тоже были сорваны. Кроме того, у самих японцев возникли проблемы со снабжением, потому что они захватили слишком большие территории во всем азиатско-тихоокеанском регионе, и протяженность коммуникаций очень удлинилась. Военное счастье, как шептались в Японии с оглядкой по сторонам, все еще не было однозначно на их стороне. За начальной фазой успехов последовала фаза стагнации, и даже чувствительные военные поражения нельзя было исключить.

В апреле в первый раз взлетевшие с авианосца американские самолеты нанесли бомбовый удар по Токио. Это событие никто не мог предвидеть, и оно стало как бы предвестником ужасного будущего. Летом того же 1942 года, когда страдающие от малярии голодные солдаты в Бирме прятались в своих грязных окопах, императорский флот, гордость Японской империи, потерпел сокрушительное поражение от американцев в битве при Мидуэе.

Вместо того, чтобы захватить Мидуэй, имеющий важное стратегическое значение в Тихом океане, флот Японии потерял здесь не только четыре современных авианосца, но и несколько других боевых кораблей, не говоря уже о большом количестве сбитых самолетов и потерях среди летчиков, обучение которых требовало много времени. Даже среди тех японцев, кого война воодушевляла, начались разговоры о переломе в Тихоокеанской кампании.

Тяжело заменить потерянное оружие и технику. Но еще тяжелее было то, что лозунги о скорой победе звучали все тише и глуше. Японцы поняли, что в лице союзников они имеют дело не с трусами и дураками в военном деле, а с людьми, которые быстро учились, находчивыми, умевшими ожесточенно сражаться. Кроме того, они в практически неограниченных масштабах получали с родины оружие и военное снаряжение, резервуары которого казались неисчерпаемыми.

Бирма в этот год войны немного напоминала немецко-французский фронт до наступления немцев в 1940 году.

Противники стояли друг напротив друга, но, за исключением небольших локальных стычек, серьезных боев не было. Сплошной линии фронта тоже не было. «Коммандос» могли пробираться мимо опорных пунктов противника глубоко в его тыл, и часто проходило очень много времени, прежде чем их могли найти. Обычно их вовсе не замечали. То здесь, то там противники обстреливали базы друг друга, но ни у кого не было достаточно сил, чтобы взять их штурмом.

Японские военные вожди все еще надеялись, что в тылу британского фронта националистическое движение под руководством Субхаса Чандры Боса подымет восстание, что могло бы внезапно изменить ход истории. Но силу этого движения японские политики очень переоценивали.

И воздушная война становилась все менее интенсивной. Японии пришлось передислоцировать часть своих бомбардировщиков в Таиланд, чтобы вывести их из-под удара британских истребителей-бомбардировщиков. Со своих новых аэродромов японцы могли действовать уже на гораздо меньшее расстояние. Когда британские истребители-бомбардировщики и даже старенькие «Бленхеймы» все чаще начали атаковать артиллерийские позиции и места концентрации японских войск в оккупированной Бирме, это было знаком того, что военно-воздушные силы не только увеличили количество своих самолетов, но и стали тренировать новых летчиков прямо на месте.

На сухопутном фронте образовалось три основных узла противостояния. На юге это был Аракан, примыкающий к побережью Бенгальского залива, в середине — долина Кабау, тянущаяся вплоть до индийских городов Импхал и Кохима, на севере бои сконцентрировались в промежутке между Мьичиной и долиной Хукаунг, таком же гористом и непроходимом регионе, как и центральный участок. Дорог, по которым можно было бы внезапно и сконцентрировано наступать, не было вовсе. Внизу на юге, в провинции Аракан, была лишь сравнительно узкая плоская прибрежная полоса. Между портовым городом Маундо, последним бирманским поселением, где стояли японские передовые посты, и Читтагонгом, самой важной британской гаванью снабжения в дельте Брахмапутры было ровно 150 километров Но лишь чуть меньше 150 км отделяли Маундо и от Акьяба (Ситуэ) — другой важной японской базы снабжения в Бирме. Она находилась на небольшом острове у берегов провинции Аракан, совсем близко от полуострова Мью — продолговатой косы. Таким образом две стратегически важные базы снабжения в сравнительно удобной прибрежной местности,

каждая из которых снабжала противника.

Англичане вначале думали решить эту проблему, попытавшись изгнать японцев из Акьяба, со стратегической позиции, которая угрожала британским войскам.

Этот план был утвержден в начале декабря 1942 года Индийским верховным командованием под руководством фельдмаршала Уэйвелла после многочисленных переработок. Сначала планировалось высадить войска с моря на косе Майю в качестве отвлекающего маневра, чтобы выманить японцев из гавани Акьяба, потом захватить гавань и постепенно разбить разрозненные японские подразделения.

Но офицеры с опытом боев в Бирме этот план отвергли. У англичан не было достаточно транспортно-десантных плавсредств, чтобы быстро и концентрированно высадить войска на сушу. Наконец Уэйвелл решил атаковать с суши вдоль береговой линии. Эту атаку, после того как прибудут дополнительные десантные катера, следовало поддержать морским десантом. Атака должна была достичь Фаул-Пойнт, в конце косы. Оттуда войска на быстро построенных паромах должны были быть переправлены на остров Акьяб.

Капитан Тим Слайверс служил в 135-й истребительной авиагруппе Королевских ВВС. После того, как в Бомбее он освоил новый самолет "Харрикейн IIc", его перевели в Читтагонг. Эти самолеты назывались еще "Тропикал Харрикейн", потому что они были специально модифицированы для действий в тропиках. Например, у них был специальный воздушный фильтр, компенсирующий высокую влажность воздуха. "Харрикейны IIc" вооружались четырьмя 20-мм пушками и могли нести под крыльями либо две 250-кг бомбы либо два дополнительных топливных бака. Из-за этого груза, а также из-за того, что фанерные листы корпуса были не проклеены, а скреплены винтами, они летали медленнее и тяжелее управлялись, чем привычная Слайверсу модификация "Mk. I". Но без винтов было нельзя, потому что клей в условиях высокой тропической влажности обязательно бы растворился. Кроме того, нижнюю часть фюзеляжа сделали не из привычной фанеры, а из другого материала. Слайверс был доволен своим самолетом. Еще во время планирования Араканской операции он уже успел познакомиться с этой местностью с воздуха. Коса Майю была почти точно разделена по центру продолговатой горной цепью высотой в несколько сотен метров. В Акьябе были лишь невысокие дома, запущенные портовые сооружения, частично разбомбленные и временно восстановленные японцами причалы, сараи, склады. Все это уже успело побывать целью британских

авианалетов.

Когда капитан Слайверс однажды в уик-энд решил выйти из казармы, чтобы посетить "Пилотский паб", единственный пивной бар в окрестностях, к нему подбежал солдат из штаба и сказал, что командир авиагруппы проводит в штабе важное совещание. Командир авиагруппы был старым другом Слайверса, тоже капитаном и тоже уже успевший повоевать по другую сторону Ла-Манша. Он встретил Слайверса у дверей барака, покрытого гофрированным железом, где находилось так называемое помещение для совещаний дежурного аэродрома Читтагонга.

— Ты первый, кого я поймал! Другие, кажется, почуяли запах жареного и сейчас уже вкушают все наслаждения одинокого воина. Не бойся, скоро ты тоже сможешь идти. Общую встречу я назначил на завтра. Но тебе я прямо сейчас скажу. что нам предстоит. Ну, в общем, большие дяди запланировали на следующую неделю серьезную войну.

Он убрал шторку перед картой, изображающей Аракан, и иронично сказал:

— Цель для 14-й индийской дивизии, всего восемь индийских и одна британская бригада. В конце декабря начнется.

Заметив, что выражение лица Слайверса не изменилось, коммодор Тришэм спросил:

— Ты вроде бы, не удивлен?

Маленький щуплый Слайверс, чьи короткие светлые волосы успешно противостояли каждой попытке причесать их в соответствии с уставом, скривил рот и ответил:

— Меня уже не сможет удивить ничто, что там выдумают стратеги.

— Мы обеспечиваем истребительное прикрытие, наносим удары по целям и прикрываем всю операцию, насколько это удастся.

Слайверс в ходе многочисленных полетов над этой местностью знал, что на краю косы у японцев только слабое прикрытие. Зато в горах вдоль полуострова стоят сильные подразделения, там построены бункеры. Зенитных пушек следовало опасаться и в самом Акьябе и вокруг него.

— Когда точно?

— Готовность — следующая неделя. Может начаться в любой день. А теперь катись пить пиво.

Он передал Слайверсу пачку выпускавшихся в Индии сигарет «Плэйерс». Слайверс заметил, что он снова вспотел. Все его попытки выглядеть в этой проклятой стране хоть немного похожим на настоящего британского офицера в уставной одежде, были безуспешны. Лучше всего он чувствовал себя за штурвалом

«Харрикейна», когда мотор «Мерлин» мощностью 1200 л. с. низко и равномерно вибрирует, а вентиляция засасывает в кабину свежий воздух.

Тим Слайверс был профессиональным летчиком. Если ВВС не будет больше нуждаться в нем, ему придется стать гражданским пилотом. На линии Англия Америка, например.

В "Пилотском пабе" он встретил старого приятеля, с которым вместе учился в летной школе. Лейтенант Соундерс, внешне похожий на изголодавшегося человека, выглядел так, что даже съев два стейка, казалось, что ему нужно еще два, чтобы выжить. Соундерс уже выпил несколько бутылок пива «Стар», индийского пойла сомнительного качества, когда Слайверс подсел к нему.

Лейтенант пододвинул к нему полную бутылку и проворчал:

— Сарай у Рози тоже сегодня закрыли. Содом и Гоморра исключаются.

— И потому ты должен пить здесь дальше до утра? — спросил Слайверс. Бар Рози был одним из тех мест, где можно было всегда снять индийскую девушку. То, что бар закрыли, его не волновало. Слайверс не был там частым гостем.

— Ошибка, — печально ответил Соундерс. — Завтра утром мне лететь на разведку. Через час я отолью из себя все пиво и лягу спать. Он приветственно поднял свою бутылку:

— Твое здоровье!

Операция ранним утром — именно этого и ожидал Слайверс для себя, хотя и не знал плана полетов.

Утром он снова увидел Соундерса, когда вылетал для прикрытия группы бомбардировщиков «Бленхейм». Они должны были сбросить бомбы на косу Майю, где в горах были глубокие штольни. Говорят, изначально это были туннели, из которых позднее должна была получиться дорога поперек косы. Но эти планы не осуществились. Теперь японцы складируют в них боеприпасы. Когда «Бленхеймы» сбрасывали бомбы, заметных взрывов не было. Слайверс и еще один «Харрикейн» кружили вокруг двухмоторных бомбардировщиков, но «Зеро» нигде не было видно. Внезапно появился L-1, на котором летел Соундерс. Этот маленький самолетик, изначально гражданский, высокоплан с "длинными ногами", прекрасно подходил для ближней разведки. Кроме того, на нем время от времени командир Тришэм летал в Калькутту. Соундерс, которому прямо в лицо светило низкое солнце, скорчил рожу, когда Слайверс проскочил мимо него на истребителе. Он расслабленно махнул рукой, что означало примерно: "Сегодня ничего особенного".

Через неделю над Араканом все было совсем иначе. Началось британское наступление на полуостров Майю и на Акьяб. «Зеро»

попытались вмешаться в происходящее, и Слайверс и его друзья почти не выходили из самолетов.

По дороге, которая вела через Маундо к полуострову, наступала 14-я дивизия. По обе стороны гор земля кипела от огня легкой британской артиллерии, на который японцы весьма эффективно отвечали из своих спрятанных на позициях минометов. Где бы ни завязывался ближний бой, англичанам приходилось чувствовать на собственной шкуре, что воины Японии не жалеют в битве свои жизни. Но и японцы поняли, насколько сильнее стали англичане и индийцы за это короткое время.

Цели операции были изначально ограниченными, и нападающие продвигались вперед медленно не только из-за сопротивления японцев. Британские военные недооценили трудности местности, ошибочно подсчитали потребности тылового обеспечения войск и не учли усилившуюся в этом сезоне малярию.

В конце декабря им, наконец, удалось закрепиться в Донбейке, откуда уже можно было видеть остров и гавань Акьяб. Но на некоторых местах пришлось окапываться, что не входило в первоначальные планы. На материке, лежащем напротив косы англичанам удалось занять Ратхедонг, маленький поселок, значение которого определяло лишь его географическое положение. Но тут японцы оправились от неожиданности, и дальнейшее наступление застопорилось…

Акьяб оставался иллюзией. Шесть недель длились локальные бои, приносящие большие потери. Потом английские командиры собрали дюжину танков и массированно пустили их в атаку на полуостров, чтобы выиграть решающее сражение. На самом деле, этим танкам пришлось скомпенсировать неспособность верховного командования обеспечить англичан достаточным количеством обещанных десантных плавсредств.

Правда, была еще одна возможность сломить возрастающее сопротивление японцев. Но для этого британским военным пришлось бы отказаться от их привычной тактики — обязательно очищать захваченную территорию перед новым наступлением. Отдельные, отрезанные от тыла очаги сопротивления японцев в английском тылу не представляли на самом деле большой опасности, Но англичане растрачивали свои силы в длительных операциях по «зачистке», вместо того чтобы продолжать наступление.

Более шести недель капитан Слайверс наблюдал из своего самолета множество мелких перестрелок на болотах. А большой, решающий удар так и не удался. И тут внезапно японцы

доставили подкрепление — три отдохнувших батальона. Разведчик засекли их, когда уже было поздно. Слайверс прикрывал бомбардировщики, когда эти части двинулись на укрепившихся на крайнем востоке англичан. Они шли колонной по дороге. Впереди двигались танки, сопровождаемые рассредоточившимися пехотинцами, которые при опасности с воздуха сразу же прятались в лесах справа и слева от дороги. Слайверс расстрелял в них все боеприпасы, пока вернулся назад. Приземлившись, он сразу побежал к командиру авиагруппы. — Нашим нужны минометы, — объяснял он. — В крайнем случае, давайте сбросим их с парашютами. И боеприпасы. Иначе японцы полностью уничтожат наши передовые подразделения.

— Тут нет минометов, — лаконично ответил Тришэм. — Это наступление ведется "на малом огне". Оружие из Америки и из нашей метрополии берегут для решающих битв.

— А в это время наши парни и индусы подыхают на косе Майю только потому, что они ведут «ненастоящее» наступление?

Тришэм пожал плечами. В войне бывают решения, лежащие за пределами любой логики. Собственно, тут планировалось лишь проверить японцев. Половина дела. Удастся взять Акьяб — хорошо. Если нет — тоже хорошо. Японцы действовали очень сдержанно, ограничились обороной, и теперь ищут решение. Что нужно делать? Отступать? Это должен решать штаб.

— Пока еще не получен приказ к отступлению, — твердо сказал Тришэм. Поешь что-нибудь, а когда машины твоей цепи снова будут готовы, посмотри, чем ты сможешь помочь. Свободная охота.

Слайверс и его сослуживцы совершали один вылет за другим. С воздуха им было лучше видно, чем командующим на земле, почему застряла операция. Японцы всеми силами вели контрнаступление. Группы стрелков на велосипедах просачивались сквозь фланги наступавших британцев и вскоре там в основном шли только штыковые атаки, так близко сходились противники.

Однажды Слайверс нашел японскую артиллерийскую колонну. Так как его звено уже сбросило все бомбы, говорить пришлось бортовым пушкам. «Харрикейны» пошли в пике, и японцы поспешили искать укрытие. Как только самолет Слайверса взмыл вверх, он увидел «Зеро», маленькие коренастые самолеты, ожидавшие в засаде, пока англичане расстреляют все свои боеприпасы, чтобы потом сбивать их беззащитными.

— Внимание, — предупредил Слайверс своих товарищей. — Они идут от солнца, на одиннадцать часов.

Он не видел смысла подниматься на ту же высоту, что и

«Зеро», ведь его магазины 20-мм снарядов были пусты. А по маневренности «Зеро» никак не уступали «Харрикейнам». Пришлось скомандовать отход. Слайверс спустился на своей машине как можно ниже. За этим стоял трезвый расчет. Полет на низкой высоте — одно из самых сложных упражнений при подготовке пилотов. А большинство японцев — уже не тщательно подготовленные летчики мирного времени, а молодые новички, впервые вступившие в бой в небе Бирмы. Слайверс превосходил их в маневрировании на малой высоте. Если, конечно, не столкнуться с опытным пилотом.

Слайверс пользовался каждым холмом, любой возможностью спрятаться за горным хребтом, и если выигрывались хоть секунды, то они суммировались. Игра в кошки-мышки, называлось это. И это был единственный шанс спасти себя и самолет.

Косясь по сторонам, Слайверс понял, что его товарищи стараются сделать то же самое. Но он увидел также, что три «Зеро» сконцентрировались против летящей слева машины, зажали ее и сбили. За спиной остался только огненный шар. Потом под ним лежал Маундо, пограничный городок. Слайверс пролетел над разрушенными домами. Откуда-то пронеслась очередь 20-мм зенитки. Японцы увернулись от огня. Вскоре они сбили еще одного англичанина.

Когда Слайверс приземлился в Читтагонге, он некоторое время остался сидеть в кабине. Ему очень хотелось заплакать. Очень часто люди ошибались, считая, что пилоты противника больше ни на что не способны. Слайверс мог только ругаться про себя. Слишком многих товарищей он уже потерял. Когда командир авиагруппы вызвал Слайверса к себе, его мнение о том, что происходит на косе Майю, было четким. — Слишком много мелких перестрелок, слишком мало тяжелого оружия, никакой поддержки с моря, слишком мало поддержки с воздуха. Если такая операция проводится на местности без путей снабжения, то ее нужно всем снабжать по воздуху. От провианта до мин.

Тришэм ответил не сразу. Он уже давно понял, что это проверочное наступление японцам удалось успешно сбить с темпа, приостановить и, наконец, сконцентрированными силами отбить.

Лейтенант Соундерс, которому удалось приземлиться на своем маленьком L-1 за линией фронта в местности, свободной от противника, доложил, что японцы опрокинули штаб 6-й бригады. Он привез оттуда майора с раной в животе, единственного выжившего. — Они взяли в плен бригадира Кавендиша, всех остальных штабных офицеров расстреляли. Я видел погибших.

Кроме майора никто не выжил. Его они, видимо, посчитали мертвым.

Бои на косе Майю продолжались неделями. Большие воинские части разделялись на мелкие группы, чтобы обходить японцев. Сухой сезон подходил к концу. Первые тяжелые тучи предвещали появление муссона. Японцы преследовали отступавших англичан и индусов, но не очень планомерно. Целью японцев был не Читтагонг, а восстановление прежней ситуации в Аракане.

Когда стало очевидно, что японцы ограничатся возвратом своих прежних позиций, Уэйвелл дал приказ о прекращении Араканской операции. Наступил май, когда последние британские войска через Маундо снова отступали на запад, а японцы возвращались на свои прежние рубежи.

Полгода продлился этот сомнительный тест. 2500 погибших, среди которых только немногих удалось вывезти назад, стоил он, а еще огромное количество раненых и больных малярией.

Индийские войска под британским командованием сражались храбро, но способности организаторов этого наступления оставляли желать лучшего. Однако неудачная операция, тем не менее, доказала — японцы не непобедимы, как раз наоборот. Если ошеломить их нетрадиционной тактикой, им очень трудно к ней приспособиться, а их вошедший в пословицы боевой дух падает.

Фельдмаршал Уэйвелл сделал заявление, в котором говорилось: "Я потребовал от небольшой части армии результатов, которые далеко выходили за пределы ее возможностей. Основная ответственность за неудачу лежит на мне. Но если подумать о тех усилиях, которые пришлось проявить противнику, то этот опыт был не напрасен".

Араканская операция поставила перед верховным командованием новые задачи. Следовало усилить авиацию, чтобы добиться превосходства в воздухе. Нужно было интенсифицировать боевую подготовку и обучение совместным действиям разных родов войск. Из-за плохих географических условий основным приоритетом в тыловом обеспечении должно пользоваться снабжение по воздуху, которое нужно перестроить и планировать по-новому. Можно ли со всем этим справиться с врагом, покажет будущее. Операция в Аракане была первой проверкой, за ней волей-неволей последуют другие, пока не удастся провести успешную операцию. Нужно проверить еще многие другие варианты ведения войны в этих условиях. Помимо оценки усталости британских и индийских солдат были и другие полезные результаты, в том числе квоты потерь. Также стали

видны и границы, ограничивающие способности противника.

Молодой храбрый японский полковник по фамилии Танахаши, командовавший контратакой резервных частей, был награжден Орденом славы. В своей благодарственной речи он посоветовал самым энергичным образом бороться против авиации союзников и их аэродромов, в особенности — с воздуха.

Так и произошло. Но очень скоро японские летчики заметили, что им приходится бороться с все большим количеством самолетов противника. Союзники нашли ключ к воротам Бирмы — силу авиации и ее транспортные возможности.

Капитан Тим Слайверс лежал на койке в своем бараке, покрытом жестью, на краю летного поля и слушал шум дождя. Видимо, он как-то уснул. Испугавшись, он подпрыгнул, когда кто-то потряс его за плечо. Перед ним стоял водитель грузовика. С его панамы стекала вода.

— Что случилось? — проворчал индусу Слайверс. — Японский император прибыл в гости?

Водитель не отреагировал на эту шутку, а по-деловому сказал:

— Капитан Слайверс, пожалуйста, к коммодору, пожалуйста, осень-осень быстро. Тревога номер один! Индус был родом из дельты Ганга и не особо знал английский язык. Вождение машины тоже не было его самой сильной стороной, это было видно по вмятинам на его джипе, но для службы на летном поле этого было вполне достаточно. "Эр Форс" были рады любому человеку, который хотя бы мог сдвинуть с места грузовик или джип.

В покрытой гофрированным железом хижине Тришэма, оперативном центре, уже собрались пилоты 135-й авиагруппы. Удивленно Слайверс заметил несколько новых лиц. Замена погибших над Араканом. По их бледным лицам он понял, что они из метрополии. Снабжение летчиками!

— Паковаться! — начал Тришэм свою речь. Он говорил кратко. — Вылет через два часа. К этому времени, по словам метеорологов, дождь закончится, а механики подвесят вам под крылья дополнительные баки. Авиагруппа передислоцируется в новый оперативный район. Есть вопросы? Нет? Разойтись!

Через два часа дождь не кончился, но существенно ослаб. Как и все остальные, Слайверс сел в свою машину, получив до этого в оперативном отделе полетную карту. Целью перелета назван был город Импхал. Он находился в трех с половиной сотнях километров на северо-восток, в Манипуре, и входил в так называемый Центральный фронт.

Взлетающие машины подняли высокие фонтанчики воды с

жестяного покрытия взлетной полосы. Одна за другой исчезали они в низких облаках, проносились сквозь дождь, как сквозь мойку, группировались в походный порядок. Под командованием Тришэма, менее чем через час они сквозь просветы в тучах увидели аэродром Импхала.

Тришэм покачал крыльями и пошел на снижение. Внизу все уже было готово к приему истребителей. Взлетно-посадочные полосы размечены, а все прочие дислоцированные здесь самолеты стояли в большом удалении от полос, прикрытые валами из мешков с песком.

Слайверс заметил, что видны были почти лишь одни большие «транспортники». Потом он сконцентрировался на посадке.

Импхал. Посмотрим, что в этот раз командование ВВС подготовило для 135-й авиагруппы.

Первая миссия Уингейта

Сержант Лирсон был человеком сильным, внешне грубоватым. Но внешность обманчива. Его товарищи наоборот, считали, что у их сержанта кротость голубя.

Но и они ошибались. Конечно, Лирсон никогда не был грубым и не распускал руки, и всегда был готов выслушать подчиненных. Но одновременно в него глубоко въелась жесткость, присущая его ремеслу. Если он попадал в критическую ситуацию, он прилагал все силы и не знал пощады к врагу.

Его рыжие волосы принесли ему прозвище «Ред» — «Красный». Ему это уже не мешало. Он злился лишь тогда, когда чувствовал, что с ним поступают несправедливо. как сейчас, когда после приземления в Импхале он хотел осмотреться на летном поле.

Один из часовых некоторое время наблюдал, как рыжеволосый здоровяк рассматривал стоящий на земле С-47, потом залез в самолет и все внимательно осмотрел. Как раз в этот момент часовой и решил, что пришло время позвать лейтенанта. Тот примчался сразу. Сопя и обливаясь потом, он набросился на сержанта:

— Неужели вы не знаете, что здесь нельзя шпионить?

Лирсон удивленно посмотрел на него и дисциплинированно ответил:- Сэр, я не шпионю. Я сержант Билл Лирсон из третьего взвода 142-й роты «коммандос». Я позволил себе лишь взглянуть на машину, которая завтра забросит меня и моих друзей в тыл к японцам.

Лейтенант неприветливо отмахнулся. У него и так полно хлопот с аборигенами, которых вербует японская военная разведка, чтобы те шпионили за аэродромами, вроде этого. Когда он высказал это Лирсону, тот, почесав лоб, ответил:

— Сэр, разве я похож на аборигена-коллаборациониста?

Его лицо выдало лейтенанту, что ему не до шуток. Лейтенант не собирался спорить, да и знал уже, что третий взвод 142-й роты «коммандос» завтра будет десантироваться в тыл противника, потому сделал шаг к примирению:

— Олл райт, сержант, так вы уже посмотрели все, что хотели?

— Нет, сэр, — уважительно ответил Лирсон. — Нам придется забирать из джунглей раненых и больных людей. Это солдаты моего подразделения. Нам нужен врач на борту. В моем взводе его нет. И нам понадобятся носилки.

Лейтенант пообещал ему позаботиться о носилках. То, что готовилось спасательная акция, которая пока еще ни разу не

проводилась. Люди попали в беду, завязли за Чиндуином и не могли вернуться назад собственными силами. Теперь к ним отправляются товарищи, чтобы вытащить их оттуда.

— Сколько вам нужно носилок?

Лирсон немного подумал. — Нас двадцать человек. Восьми носилок хватит, как мне представляется.

— Завтра рано утром они будут в самолете.

— А доктор?

— Сообщите вашему командиру. Ему нужно попросить об этом штаб 142-й.

Лирсон возразил:

— Сэр, наш штаб сидит в Калькутте. А мы вылетим за час до рассвета.

— Вы командуете группой? Когда Лирсон это подтвердил, лейтенант пообещал поговорить по этому вопросу с комендантом базы. Врача можно найти. Лирсон попросил не забыть об этом. Он отвечает за то, чтобы его товарищи по возможности здоровыми выбрались из того ада, куда их послали.

Через пару часов врач доложил о себе Лирсону. На следующее утро группа солдат уселась в С-47, в котором уже лежали 8 носилок, упаковки с провизией, лекарства и ящики с боеприпасами и минами. Доктор Коплин к этому времени уже познакомился с солдатами, и те приняли его радушно. Он был молод, производил впечатление спортивного человека и вовсе не настаивал, чтобы к нему обращались по званию. До недавнего времени он работал в лазарете в Читтагонге. Теперь ему даже доставляло удовольствие лететь с этими авантюристами «коммандос» на восток, над японскими опорными пунктами побережу Чиндуина.

Солдаты уселись на жестяных сиденьях, зажав в губах незажженные сигареты, поскольку не совсем герметичные баки С-47 уж никак не позволяли курение. Время от времени кто-то отпускал едкую шутку, как обычно бывает перед заданием, которое могло стоить им жизни.

Что их ждет за Чиндуином, д-р Коплин знал только в общих чертах. Ему лишь сказали, что группа «коммандос» из 142-й роты четыре месяца назад под командованием бригадира Орда Ч. Уингейта была заброшена в японский тыл, а теперь возвращается назад. Необычная тактика привела к тому, что эти солдаты попали в засаду, и теперь их нужно оттуда вытащить.

С-47 вырулил на взлетную полосу. Когда винты закрутились на максимальных оборотах, они сдули с крыльев во влажный туман остатки воды после ночного дождя. Затем пилот пошел на взлет, и через несколько минут машина сделала прощальный круг

над Импхалом.

В это же время из своих укрытий выкатились два «Харрикейна», которые должны были обеспечить истребительное прикрытие. Небо было затянуто тучами. Муссон ударил как раз в то время, когда глубокий патруль Уингейта находился в пути. Земля парила. Хотя погода мешала авиации, она одновременно обеспечивала и защиту. Хотя японцы, получив со своих передовых постов сообщение о подлете британских машин, могли поднять свои истребители с тыловых аэродромов, но пока эти истребители засекут вторгнувшиеся самолеты, у японцев уже почти не останется топлива. Если вылет проводился ночью или непосредственно перед наступлением темноты, то противника почти невозможно было выследить. И раннее утро тоже было относительно безопасным временем. Тогда с земли поднимался пар и затруднял видимость. Так что С-47 долетел без приключений. Оба «Харрикейна», на одном из которых летел лишь недавно передислоцированный в Импхал капитан Тим Слайверс, держались вблизи двухмоторного самолета, пока его пилоты не заметили в первых лучах утренней зари горящие факелы из бамбуковых стволов, указывающие на временную посадочную площадку в джунглях. Истребители подождали, пока «транспортник» приземлился, а затем отвернули на запад. Пока удастся собрать всех раненых и оказать им первую помощь, пройдет какое-то время. Нужно лишь надеяться, что их не успеют засечь японцы. «Харрикейны» вернутся как раз ко времени старта.

Внизу на земле первые раненые держались за шеи своих спасителей. Они пили воду, ели шоколад, курили первые сигареты за долгие дни. У них были серьезные потери, после того, как попали в ловушку. Но они пробились из окружения и забрали всех раненых. Ни на одну секунду они не теряли уверенности, что их товарищи смогут вытащить их из джунглей.

Одновременно с кампанией в южном Аракане и здесь, на Центральном фронте, был проведен подобный тест. Он был задуман фельдмаршалом Уэйвеллом и Ордом Ч. Уингейтом в то время, когда Бирма казалось окончательно потерянной для англичан. Бригадир Орд Ч. Уингейт был несколько необычно мыслящий офицер. Потому Уэйвелл ожидал от него разработки какой-то нестандартной концепции для отвоевания Бирмы, подобно тем планам, которые готовил американец Стилуэлл с обученными им китайскими солдатами, "Yoke Force".

Уингейт и Уэйвелл были знакомы более десяти лет. В младшем партнере Уэйвелл прежде всего ценил способность отказаться от книжной мудрости военного дела, разработать смелые идеи и достичь неожиданных успехов. Впервые Уингейта

заметили в Палестине, в те годы британской подмандатной территории, где ему удалось успешно бороться с арабскими террористами. Там он создал из английских солдат и еврейских поселенцев силы самообороны под названием "Special Night Squads", которые достаточно хорошо обеспечили защиту еврейских поселений.

А в 1940 году эфиопскому императору Хайле Селассие угрожала агрессия итальянцев. Уингейт, которого Англия послала на помощь, создал отличающееся по своей структуре и тактике от прочего эфиопского войска подразделение "Gideon Force" ("Силы Гидеона"). Этим названием он вполне осознанно вызывал ассоциацию с библейским Гидеоном из Манассы, который, по легенде, со тремя сотнями своих воинов победил мидианитов.

Когда Уэйвелл проконсультировался с ним, чтобы взвесить все тактические аспекты отвоевания Бирмы, Уингейт сразу обратил внимание командующего на решающие недостатки японцев: их сильно разрозненные на большой территории силы и потому — опасную зависимость от путей снабжения.

— Отними у тех, кто стоит на берегу Чиндуина, на пару недель их обозы и они помрут от голода и болезней, — предсказывал Уингейт. — Даже если у них еще останутся боеприпасы, голодные обессилевшие солдаты не смогут стрелять. Контуры цели расплываются перед глазами, превращаясь в пляшущие тени. Так что оккупированная ими территория достанется тебе в руки почти без боя.

Уэйвелл считал это несколько упрощенным подходом. Но, зная Уингейта, как человека, который сразу же замыкался в себе, услышав возражения, как только почувствовал, что кто-то сомневается в его компетентности, он только спросил:

— Скажи, какими средствами ты хочешь нарушить их тыл? Авиацией?

— Бомб тут недостаточно, — согласился Уингейт. — Цели очень разбросаны, кроме того, у нас еще не хватает самолетов. Нет, нам нужны глубокие патрули, устраивающие хаос в японском тылу. Действующие независимо друг от друга в соответствии с централизованным планированием группы партизан, взрывающие дороги, железнодорожные ветки, склады — невидимые вши в шкуре медведя…

— А ты знаешь, сколько взрывчатки сможет пронести на себе через джунгли один человек? Вместе с винтовкой, патронами, мачете, одеялом?..

Уингейт обратил к нему свое лицо аскета с резкими чертами. — А вот это как раз дело авиации. Придется научиться снабжать по воздуху в случае необходимости целые армии.

Просто нужно получить достаточно самолетов. Итак — почему бы и не отдельные ударные команды, действующие в японском тылу?

Так родилась мысль, которая привела к созданию части, названной Уингейтом, питавшим слабость к красивым названиям, "Группа глубокого проникновения" — "Long Range Penetration Group". Но официальное название, чтобы запутать противника, было 77-я индийская пехотная бригада. Уингейт отбирал в нее людей по своим критериям. Храбрых, не боящихся лишений солдат с хорошими боевыми данными и разнообразными способностями. Он находил их в Королевском Ливерпульском полку, части, прошедшей испытания войной в тропиках, у гуркских стрелков и, наконец, в 142-й роте «коммандос», спецподразделении, которое уже давно тренировалось ведению подобной войны.

Раз уже речь шла об освобождении Бирмы, Уингейт после долгих раздумий избрал для этих войск символ, соответствовавший традициям этой страны Чинде, мифического зверя — гибрид льва и орла, который в качестве стража стоит перед каждым бирманским буддистским храмом. И "Группа глубокого проникновения" с некоторой гордостью стала именовать себя «чиндитами».

Создание новой части, по численности примерно соответствовавшей полку, произошло в середине 1942 года, подавлением поражений англичан в Бирме. В глубоком индийском тылу Орд Ч. Уингейт начал всеобъемлющую подготовку, включавшую как тренировку войны в джунглях, так и расчет необходимой для подрыва объектов взрывчатки и многое другое.

Уэйвелл планировал использовать «чиндитов» одновременно с наступлением, которое генерал Стилуэлл должен был вести из Юньнаня на север Бирмы. Но к концу января 1943 года стало ясно, что Чан Кайши не даст на это своего разрешения. Он всеми силами противился тому, чтобы его войска воевали непосредственно за британские интересы. Эта близорукая, обусловленная национальным эгоизмом позиция и так не очень удобного союзника, с которым все еще мучился время от времени сам генерал Стилуэлл. Но Уэйвелл должен был учитывать эту реальность. Он поговорил с Уингейтом, и тот согласился, что откладывать операцию больше нельзя. Его войска были готовы.

В Импхале «чиндитов» разделили на семь колонн, каждая из которых могла вести боевые действия независимо от других. Они разместились в казармах и проводили время за покером и пиво, пока их командир Уингейт консультировался с Уэйвеллом. Оба пришли к согласию, что лучшей датой наступления на восток

будет 7 февраля.

Ранним утром в этот день колонны уже находились между Палутом и бирманской границей, где-то на высоте Таму. Там лежала долина Кабау, где находились самые передовые посты японцев. После того, как авиация проведет воздушную разведку, нужно было просочиться между постами. Это могло получиться только в том случае, если в разных местах по два соседних поста удалось бы беззвучно обезвредить. Этой «дыры» между постами хватило бы для прохождения одной колонны. Для этой цели еще ночью были посланы вперед группы «коммандос», вооруженные только ножами и гарротами. Чтобы сбить врага с толку еще за три дня была выслана еще одна группа — специально обученные гурки, которые с большим шумом прорвали тонкую японскую линию обороны в 70 километрах южнее Таму. Японцы поддались на этот отвлекающий маневр и быстро перебросили резервы к месту предполагаемого прорыва. Но там больше ничего не произошло.

Потом подразделения 23-й индийской дивизии инсценировали еще южнее, в районе переправы у Калевы, яркий спектакль. Это все отвлекло внимание японцев от направления главного удара «чиндитов» и позволило тем по группам перейти Чиндуин и, прорвавшись на восток в гористые джунгли, исчезнуть там.

Всего их было более пятисот человек, пробившихся на занятую японцами территорию. Дико выглядевшие типы, обвешанные оружием и боеприпасами, готовые на бой с самим чертом. Они понимали свое ремесло, могли двигаться в джунглях, не оставляя заметных следов. Но они могли и специально оставлять очень заметные фальшивые следы. Они старались не вступать в большие бои. Они действовали беззвучно. Обнаружив вражеский патруль, они убивали его до того, как те понимали, что происходит. В нескольких деревнях они так незаметно передушили ночью японских оккупантов, что потом им пришлось разбудить местных жителей, объяснив им, что им следовало бы поскорее укрыться, пока не пришла японская карательная экспедиция.

Через считанные минуты после такого нападения бойцы, обычно вместе со своими мулами, перевозившими грузы, снова скрывались в джунглях. Они страдали от жажды и голода, им редко удавалось закурить, а те короткие привалы, которые они могли себе позволить, сном назвать было нельзя. Их атаковали змеи и насекомые, они мокли под дождем, от которого не спасали даже палатки, потому что вода просачивалась через любое полотно. Они шатались от лихорадки, а раны на ногах делали

пыткой каждый их шаг. Их тела болели от царапин, ссадин и укусов насекомых. Пиявки присасывались к каждому сантиметру открытой кожи. Но они шагали, не щадя себя.

Уингейт постоянно находился в составе одной из колонн, но никто не знал, в какой именно. Но каждый из бойцов, которым пришлось разрезать у мулов голосовые связки, чтобы бедные животные не могли кричать, знали первую цель операции: взорвать как можно больше участков железной дороги между Мандалаем и Мьичиной, самой западной от Рангуна, чтобы перерезать этот наиболее важный для японцев путь снабжения.

Колонна, продвигающаяся далеко на юге, должна была сразиться с противником у Шуебо. Исходя из ситуации, Уингейт собирался решить, нужно ли идти на восток дальше линии железной дороги Мандалай — Мьичина, перейти Иравади, чтобы разрушить и восточную железную дорогу, между Мандалаем и Лашо.

Японскому руководству вначале никак не удавалось составить ясную картину из множества поступающих тревожных сообщений. Даже японская авиаразведка не увидела по ту сторону индийской границы ничего, что указывало бы на подготовку большого наступления. В чем же цель этих очевидно действующих независимо друг от друга боевых групп, прорвавших фронт в нескольких местах?

Авантюрные слухи, распускаемые Уингейтом через его доверенных лиц среди бирманцев, курсировали по стране. Самой похожей на правду казалась история, что англичане при отступлении из Рангуна в прошлом году якобы прихватили свою золотую казну, но им пришлось ее оставить где-то в джунглях между Иравади и нижним течением Ситауна. А теперь они хотят его забрать.

Одна из семи колонн попала в засаду, устроенную внимательными японскими разведчиками примерно в 100 километрах за линией фронта, и была почти полностью уничтожена. Но даже после этого японцы не нашли ничего, что могло бы дать им ключ к загадке этого странного наступления.

Другая колонна прошла половину требуемого расстояния до железнодорожной ветки (по прямой около 250 километров) без потерь. Но на участке открытой местности она подверглась массивному нападению со всех сторон, и ей пришлось отступать маленькими группами. Предоставленные самим себе, эти маленькие группы все же попытались достичь цели. За их спиной японцы жестоко добивали пару оставленных тяжелораненых, услышав от них слух о золотом кладе. Они предполагали, что здесь двигается целая британская дивизия, и подозревали, что

китайцы будут пробиваться из провинции Юньнань на юг, чтобы соединиться с англичанами. Они были совсем недалеки от истины, тем более, что почву таким предположениям давали результаты их разведки. Но вот только Чан Кайши не собирался отправлять свои войска в поход. Но в самом северном уголке Бирмы, у границы с провинцией Юньнань находились две опорные базы британцев Сумпрабум и Форт-Хертц, которые японцы не смогли захватить. Труднопроходимая местность и умело организованная англичанами оборона сделали дальнейшее продвижение японцев невозможным.

Обе базы обеспечивали успешную борьбу партизан из народности качинов и снабжались по воздуху. Японцы потеряли там уже много солдат. Считалось, что местных жителей обучают и командуют ими американские офицеры, а оружие и прочие военные грузы они получают из провинции Юньнань.

На самом деле в это время в Форт-Хертце и в Сумпрабуме было еще очень мало американских офицеров-инструкторов. Зато уже много лет в отдаленных поселках проживали американские миссионеры. И за это время они завязали с местными жителями по-настоящему дружественные отношения. Потому им оказалось нетрудно мобилизовать своих «агнцев» против японских захватчиков, причем очень специфическим способом. Не полками и ротами, а совсем маленькими группами решительных бойцов, которые очень быстро атаковали и так же быстро прятались, велась эта война. В начале качины воевали еще луками и стрелами, оказавшимися очень эффективным оружием в джунглях. Постепенно генерал Стилуэлл позаботился о более современном снаряжении. С самолетов сбрасывались боеприпасы, огнестрельное оружие, взрывчатка, радиостанции и продукты. Фрэнк Меррилл, бригадный генерал американской армии, уже накопивший изрядный опыт войны в Китае, восхищаясь мужеством партизан, послал к ним инструкторов, помогавших им в военных и технических вопросах. Потом он сам вступил в борьбу с контингентом американских солдат. Это были добровольцы, и по имени командира их прозвали "Мародерами Меррилла" ("Merrills Marauders"). Обычно они воевали в оперативном согласовании с аборигенами за линией фронта. Американцы и местные жители помогали друг другу, и операции наносили все больший ущерб врагу.

Японцы сначала не могли объяснить, каким образом необученные неграмотные горцы внезапно научились прекрасно обращаться с оптическими прицелами на легких гранатометах и минометах и с взрывателями замедленного действия для фугасов. Они еще ничего не знали ни о Меррилле, ни об Уингейте.

Фрэнк Меррилл, выпускник Вест-Пойнта, как и Стилуэлл, и его друг, давно был сторонником нетрадиционного ведения войны, как и Уингейт. И он тоже решил претворить свои теории в жизнь.

Четырнадцать дней понадобилось Уингейту, чтобы достичь железнодорожной ветки Мандалай — Мьичина. На такую возможность японцы никогда не рассчитывали, потому что, по их мнению, эта территория лежала вне досягаемости британских войск. Потому дорогу лишь в нескольких местах охраняли разрозненные посты, и это обстоятельство очень облегчило «чиндитам» выполнение их задачи, когда они, в разорванной форме, измученные и голодные, наблюдали из джунглей за железнодорожным полотном.

За одну ночь они взорвали дорогу в 75 местах, на расстоянии в 50 километров, включая мосты и горные склоны. Часами эхо взрывов гремело между гор, разрушались рельсы, шпалы, опоры мостов. Пока японцы сообразили, в чем дело, бригадир Орд Ч. Уингейт со своими людьми удалился уже на много миль на восток. И пока японские поисковые отряды двигались на запад, предполагая, что подрывники пришли из Индии и возвращаются туда, Уингейт в скальном гроте к востоку от разрушенной и на много месяцев ставшей непригодной железной дороги собрал командиров еще боеспособных групп «чиндитов» и планировал с ними переход через Иравади.

Отрезок южнее Ката с его плоскими равнинами подходил для этого лучше всего. Снова перед «чиндитами» лежало такое же расстояние, которое они пошли от индийской границы.

Для Тима Слайверса уже стало рутиной лететь на одном из трех «Харрикейнов», сопровождающих оба «транспортника» С-47, сбрасывающих груз для «чиндитов». Расстояние возрастало с каждым днем. Время от времени появлялись вражеские истребители, но японцы, похоже, оставили здесь на севере только немного самолетов. Они были слишком нужны на других фронтах их гигантской зоны оккупации. И, кроме того, их потери были очень велики. Это было заметно и на таких второстепенных театрах военных действий, как Бирма.

И на этот раз все прошло гладко, когда С-47 далеко залетели за реку Иравади и сбросили свой груз над тем местом, где был подан дымовой сигнал. Пока Слайверс наблюдал за сбросом груза, он внезапно заметил вспышки на краю обозначенного дымовыми сигналами места. Нет сомнения — там внизу шел бой. Слайверс развернулся и пошел на снижение. Неожиданно возле его «Харрикейна» промелькнули следы дымовых снарядов.

— Они взяли наших! — прокричал он по рации своим

товарищам в двух других «Харрикейнах». Но те и сами заметили, что происходит на земле. Как по команде истребители стали снижаться на минометные позиции японцев. Они расстреляли несколько минометов и распугали пулеметчиков, чтобы «чиндиты» смогли собрать сброшенный им груз. Но, в конце концов, заканчивающееся топливо в баках заставило истребители лечь на обратный курс.

Хотя люди Уингейта успешно перешли Иравади, их трудности на этом не закончились. Японцы уже знали, что происходит, и собирали войска для охоты на «чиндитов».

Все это происходило как раз в то время, когда последствия марша, климат и нехватка воды у "чиндитов" все сильнее давали о себе знать. Приближался муссон, а на плоскогорьях температура воздух а поднялась до 40 градусов. Участились тепловые удары. Люди со своим оружием медленно продвигались весь день, чтобы немного более холодной ночью отдохнуть хоть пару часов. Уингейт видел, что боеспособность его войск снизилась за критическую отметку. В конце концов, они были в глубоком тылу врага, а для возвращения на базу им предстояло пройти по прямой 300 километров.

Уингейт вызвал к себе командиров отрядов. Только пара высоких тиковых деревьев давала собравшимся немного тени. Они не рискнули отправиться в соседнюю деревню, там был замечен японский пост. Даже если перерезать их, то противник поднимет тревогу, и за ними снова начнется охота. Вокруг ясно были видны горные хребты. Такой прозрачный воздух — первый признак того, что сезон жары еще не скоро кончится. Но как только это произойдет, муссон принесет столько дождей, что вода будет стеной литься с неба.

— Если быть точным, японцы бьются с той же проблемой, — высказался один из командиров, когда Уингейт поднял вопрос о досрочном отходе. Другие молчали. Они уж привыкли требовать почти нечеловеческих усилий от своих людей ради выполнения задания. Но им приходилось признать, что только за последние дни число больных удвоилось.

— Мы сможем достичь железной дороги, — рассуждал Уингейт. — Но даже если нам удастся доставить туда взрывчатку, нам не хватит сил на обратную дорогу. Успех только ради того, чтобы, в конечном счете, погибнуть? Можем ли мы взять на себя ответственность за такой исход? Разумно ли это? Войну ведут, чтобы выжить и стать победителем. Мы многого добились. Наш боевой опыт для дальнейшего ведения войны дороже алмазов. Мы должны начать отход, хотя бы в интересах будущих операций подобного рода. Я хочу услышать мнение моих людей.

Собственно, консультироваться с подчиненными было не в его стиле. Его знали как самолюбивого, своевольного, даже упрямого защитника своих людей, человека, который не скоро сдается. Но — это не было обычным методом ведения войны. А Уингейт не был безрассудным авантюристом. Здесь речь действительно шла о выживании. Только при этом условии успех операции был бы неоспорим.

Один за другим бойцы согласились с ним. Но Уингейт был ошарашен, когда некоторые из них заявили, что они могли бы стоять здесь свежими и бодрыми, если бы не шли сюда пешком, а были высажены с С-47. Уингейту уже приходила в голову такая идея. Как раз в последние дни ему стало ясно, что новая операция должна быть организована иначе. Потому он ответил:

— Это мысль, о которой мы поговорим, когда выберемся отсюда. А чтобы сделать это, нам нужно поворачивать назад!

Группы начали отход по разным маршрутам. Большинство достигли Чиндуина и смогли переправиться через него вблизи от Ситауна. Другие перешли реку намного севернее. И были маленькие группки, которым Уингейт разрешил идти на восток, чтобы пробиться в Юньнань. Там их с радостью встретили воодушевленные китайцы. Через несколько дней самолеты Ченно перевезли бойцов в Импхал.

Треть солдат Уингейта не вернулась на базу. Они нашли свою смерть в джунглях и в горах северной Бирмы. В июне, когда муссон буквально залил страну водой, Уингейт прибыл к Уэйвеллу. Его доклад дал повод фельдмаршалу написать специальное послание премьер-министру Уинстону Черчиллю. В результате этого из Лондона пришел приказ срочно отправить Уингейта в Англию. Там он должен был явиться для доклада к самому Черчиллю.

Уэйвелл знал о намерениях премьера приспособить командную структуру союзных войск в Азии и в Тихоокеанском регионе к новым требованиям. Он сам был давно убежден, что со старыми структурами нельзя разработать стратегию наступления против японцев. Уингейт сам высказался бы в этом смысле. И было известно, что Черчилль не пропускает мимо ушей мнение опытных фронтовых офицеров.

Сержант Билл Лирсон, вместе с парой солдат из его взвода 142-й роты «коммандос», отобранными для эвакуации своих отставших от части сослуживцев, которым уже не хватало сил для переправы через Чиндуин, собрал раненых и больных. Теперь он ждал С-47, который должен был отвезти их назад. Но когда вдали послышался тихий шум моторов, вблизи разорвались первые японские мины. Японцы выследили его группу.

"Красный" Лирсон действовал молниеносно. Он рассредоточил всех еще способных держать оружие людей у временной взлетной полосы, каждый должен был взять столько патронов, сколько сможет донести. А потом стрелять, чтобы продержаться до прибытия и отлета самолета. Речь шла о минутах. По рации Лирсон кричал летчику:

— Нас обстреливают. Площадка свободна. Садитесь! В любом случае! Мы продержимся!

Пилот не в первый раз летел над оккупированной территорией. И он был одним из тех, кто никогда не оставляет товарищей в беде. Второму пилоту он ворчливо сказал:

— Все равно, если нас собьют, то нам не повезло. Выпускай шасси!

Расчет Лирсона оправдался. Своим огнем «коммандос» прижали атакующих к земле и держали, пока самолет приземлился, развернулся, и в него погрузили носилки с ранеными. Затем Лирсон дал сигнал к отходу. Тотчас два истребителя «Харрикейн», прикрывающие «транспортник», спустились ниже, и, пока люди Лирсона запрыгивали в самолет, обстреливали японцев из бортовых пушек. Зарычали двигатели С-47, и машина покатилась на взлет. За исключением пары дырок в фюзеляже и нескольких раненых при отходе, операция закончилась вполне удачно.

Летчик Слайверс по-прежнему осуществлял истребительное прикрытие. В основном для С-47, но также и для более современных бомбардировщиков, атаковавших Мандалай и Мьичину. Однажды «Зеро» из пулеметов продырявил ему крылья, но Слайверсу удалось долететь до своего аэродрома. Там пилот L-1 Соундерс, улыбаясь, похвастался ему:

— Скоро я наконец-то получу настоящий самолет! «Москито». Только что с завода. Тогда я смогу вылетать на дальнюю разведку. Больше не буду осматривать сады над верхушками деревьев, как на старом «Л-первом».

После спасательной акции Билл Лирсон с несколькими другими больными попал в лазарет. Его трясла лихорадка, а когда его выписали, лицо у него было таким желтым, что товарищи подшучивали над ним. После трех дней, выделенных на восстановление здоровья, он получил приказ пройти курс обучения парашютистов. Там он встретил большинство товарищей по своему взводу.

Примерно в это же время Орд Ч. Уингейт отвечал в Лондоне на вопрос Уинстона Черчилля об успехе своей миссии:

— Сэр, если мы хотим снова отобрать у японцев Бирму, нам нужно десантировать с парашютами ударные группы в тыл врага

и снабжать их по воздуху. Мы в буквальном смысле должны разжечь пожар в японском тылу. Тогда японская оккупация развалится. Для нас это пока неизвестная тактика, но у нас есть все причины заняться ею.

Черчилль задумчиво смотрел на своего собеседника. Похоже, что этот человек одержим своей идеей нетрадиционной войны. Но он и другие уже успели доказать, что такое ведение войны приносит успех. Молодые бесстрашные офицеры вроде этого смогли бы добиться победы над Японией.

Через несколько дней Черчилль собирался отправиться в Канаду на встречу в Квебеке с президентом Рузвельтом. Там должны были быть приняты долгосрочные решения, определяющие стратегию дальнейшего ведения войны. Речь должна была идти о Средиземном море, запланированной высадке на побережье Франции и о войне в Азии. В центре переговоров были бы новые объединенные командные структуры и координация совместных военных усилий.

— Вы женаты? — вдруг спросил премьер Уингейта.

Тот удивленно ответил:

— Да, сэр.

— Пусть ваша жена готовится к путешествию. И Вы тоже. Вы поедете со мной.

Уингейт оказался в очень затруднительном положении. Его жена находилась в семейном поместье в деревне очень далеко от Лондона. — Сэр, моя жена живет в Шотландии, — помедлив, сказал он. — Мы не виделись с начала войны.

Но для Черчилля и в этом не было проблемы. — Вы встретитесь с ней на борту корабля, — проговорился премьер и попросил Уингейта сообщить ему ее адрес.

Через пару часов у дома Уингейтов появилась полицейская машина, и миссис Уингейт пришлось срочно собирать чемодан. Полиция доставила ее в гавань Ферт-оф-Клайд, откуда в Канаду отправлялся лайнер "Куин Мэри" со свитой Черчилля.

Уингейт и его жена встретились уже в каюте.

Админ-бокс

— Мы у них в мешке, — деловым голосом без всякого волнения сообщил младший капрал Эрик Томлин, вернувшись с подножья холма, который они ради простоты называли просто по номеру. Холмы окружали участок земли с пересохшими рисовыми полями и джунглями между ними, которые так и не выкорчевали. Один генерал назвал это место миской для супа. Три квадратных километра между высокими горными цепями на юге Аракана. Сюда кое-как можно было добраться по суше с востока от Таунбазара или с запада — через перевал Нгакьедок. Это непроизносимое имя какой-то находчивый командир перевел на армейский сленг как «Окей-док», и это название стало популярным в войсках, ибо солдатам больше не нужно было ломать язык при донесениях. Но к этому месту было легко долететь, и оно прекрасно подходило для сброса грузов с парашютом. Маленький холм посередине был отличным ориентиром.

— Что и у кого в мешке? — спросил гурка Нугунг, с начала бирманского похода служивший вместе с Томлином. Он лежал в тени брошенного танка, а сейчас выполз наружу и тер глаза.

— Мы у японцев. Они уже на всех холмах вокруг. Только через Окей-док еще можно пройти.

Гурка закурил свою трубку. Их пока хорошо снабжали. Так и должно было оставаться, потому что "Эр Форс" поддерживал их всеми силами. Не так, как в прошлый раз, когда не хватало питьевой воды, и люди десятками падали от солнечных ударов. В последний раз они оба видели Бирму при отступлении. С тех пор они прошли вместе через несколько переформирований, через обучение, и, наконец, их обоих перевели во взвод охраны штаба 7-й дивизии. В первой Араканской операции Томлин и Нугунг не участвовали.

Официально местечко, где они находились, называлось Синзвейя, только его уже не существовало. Жители поселка ушли еще до начал японской оккупации, дома развалились или пострадали от обстрелов. Потому и позиция эта на штабных картах больше не именовалась Синзвейя. Из технического обозначения штаба "Административная база" ("Administrative Base") на упрощенном языке военных появилось название «Админ-бокс», после того, как японцы их окружили.

То, что они вообще дошли до этого рубежа, было связано с новой наступательной стратегией СЕАК, созданного в августе 1943 года под руководством адмирала Льюиса Маунтбэттена. Это

сокращение означало Верховное командование в Юго-Восточной Азии — South East Asia Command (SEAC), которое координировало отвоевание союзными войсками утраченных территорий. Были созданы новые армии, десантные плавсредства, пусть пока немногочисленные, уже прибыли в Индию морским путем, и в распоряжении союзников уже было 500 новых самолетов. В основном это были строившиеся американской фирмой «Валти» для Англии пикирующие бомбардировщики «Венджанс», двухместные машины с четырьмя пулеметами в крыльях и еще одним для наблюдателя. Эта мощная машина обладала дальность полета до 1200 километров и могла нести достаточно бомб. К тому же поступали транспортные самолеты в большом количестве, а их экипажи в Индии обучались сбросу грузов и парашютному десантированию целых дивизий. Теперь они в глубокой тайне учились буксировке планеров.

Этому особое внимание уделял генерал Стилуэлл, заместитель Маунтбэттена в командовании. Одновременно он оставался начальником штаба у Чан Кайши, командовал всеми американскими войсками на фронте Китай — Бирма — Индия, а также так называемым северным контингентом. Эта, уже успевшая увеличиться, американско-китайская войсковая группировка строила дорогу из Ледо и с каждым километром продвигалась все ближе к японским частям на севере, преграждавшим дорогу на Лашо.

Даже такие скептичные солдаты, как младший капрал Томлин, почувствовали, насколько существенно улучшилось снабжение войск современным оружием и тяжелой техникой. Даже с малярией, от которой всегда страдала центральная Бирма, удалось быстро и энергично справиться. Самолеты смогли в тех местах, где действовала армия, распылять инсектициды, убивавшие комаров. Удалось даже создать санпропускники, которые врачи называли "гигиеническими шлюзами". Количество больных существенно уменьшилось. А это было очень нужно, поскольку и сейчас солдаты большей частью становились жертвами болезней, а не вражеских пуль.

Маунтбэттен прочитал в статистических сводках, что во время первой Араканской операции на одного погибшего приходилось 120 больных. Таблетки атебрина теперь входили в обязательный ежедневный рацион каждого солдата. И еще Маунтбэттен пользовался любыми возможностями, чтобы поднять боевой дух войск. Он внушал солдатам, что больше не следует отступать, когда японцы своими быстрыми фланговыми прорывами угрожали им окружением:

— Вас больше не смогут отрезать! Все, что вам понадобится,

упадет к вам с неба. Отступать больше нельзя.

Если в прошлом муссон диктовал, можно вести войну или нет, то теперь Маунтбэттен постановил:

— Мы будем совершать марши, сражаться и летать и в сезон муссонов. Если воевать только шесть месяцев в году, то война продлится вдвое дольше. А мы хотим закончить ее как можно быстрее. А если мы будем атаковать японцев и в сезон муссонов, к чему они не привыкли, и что считается у них невозможным, мы ошеломим и разобьем их.

Для дальнейшего усиления боевой морали он приказал выпускать газету для солдат под названием «СЕАК». 10 января 1944 года газета большими буквами сообщила, что атака 14-й армии в Аракане, начавшаяся в последний день ушедшего года, уже принесла большие территориальные приобретения. Это было второе наступление англичан в этой местности. Новой операции на крайнем юге предшествовал сбор сведений, добытых военной разведкой англичан. Из них следовало, что императорская японская армия, в общем, достигла своих первоочередных целей и готовилась к следующему этапу. И за это время японцам уже стало известно, что Англия и ее союзники в Индии концентрируют в Индии свои силы для крупномасштабного удара.

Формировались или доставлялись из Африки одна дивизия за другой. Накапливалось оружие и снаряжение. Поступали десантные катера, что очень беспокоило японцев. Это означало, что англичане планируют морские десанты в прибрежных зонах. Нет сомнения, такой удар, который союзники вскоре одновременно или поочередно нанесут на разных участках фронта, как предполагали японцы, будет направлен на Бирму и Индокитай. Потому императорское верховное командование приняло решение опередить союзников и нанести удары по Индии из Аракана, а затем и на Центральном фронте, чтобы пресечь приготовления англичан и захватить Индию. Наступление планировалось на весну 1944 года.

Начались необходимые приготовления. Но от англичан их скрыть не удалось, и лорд Маунтбэттен отреагировал мгновенно. Он проконсультировался с генералом Слимом, командующим 14-й армией и тщательно проанализировал ситуацию: Бирму можно было вырвать у японцев, только наступая с севера и с северо-запада.

Это требовало перехода через высокие горные хребты, и было бы очень утомительно. Но генерал Стилуэлл уже начал ограниченные атаки на севере, которые, в конечном счете, были направлены на Мьичину. Это была одна часть клещей, в которые

следовало зажать японских оккупантов. Другая должна была прийти из Манипура на Центральном фронте. Здесь генерал Слим сконцентрировал большую часть своей 14-й армии. Хотя генерал и предсказывал, что японцы смогут ударить первыми, он оценивал свои шансы как более предпочтительные, если он внезапно всеми своими силами ударит по готовящимся к наступлению врагам и этим разрушит всю концепцию японцев.

Чтобы блокировать практически единственный путь отхода японцев, который вел на юг, Маунтбэттен и генерал Слим решили снова провести наступление на Аракан. Этот рычаг не только предотвратил бы бегство японцев в сторону Рангуна, но и не позволил бы им наступать на Индию вдоль побережья.

Наступление в Аракане ставило своей целью теперь не только полуостров Майю. Одновременно оно должно было вестись на побережье, вдоль араканских гор, чтобы и там сорвать любые планы внезапного японского наступления.

Лорду Маунтбэттену удалось то, что не могли предугадать японцы. Части 14-й армии, усиленные индийскими и западноафриканскими частями смогли ударить по японцам, готовившимися к наступлению, и в начале операции имели большой успех.

Младший капрал Томлин принимал участие в освобождении Маундо, или, вернее, остатков этого сонного прибрежного городка недалеко от единственной дороги с востока на запад, которая соединяла Бирму непосредственно с южной Индией. Пара японских передовых постов, больше ничего особенного. Потом его вызвали в штаб, и подполковник в очках показал на карте, какое задание предстоит выполнить ему и гурку.

— Здесь, в двух километрах к северо-востоку от города, проходит дорога из Читтагонга в Акьяб. Мы, как и в прошлый раз, будем частью войск наступать по этой дороге на Акьяб. Только, вот — смотрите сюда — здесь у Разабила есть перекресток. Идущая с юго-запада дорога ведет в горы, к хребту Майю. Через эти горы несколько лет назад пробивали туннели для постройки дороги. Ее не построили, а туннели остались. Удобные коммуникации, чтобы переходить с одной стороны горного хребта на другую. И — самое важное — дороги по туннелям заканчиваются в Бутидауне. Раньше там был самый большой рынок в этой местности. Теперь там только развалины. Но Бутидаун лежит на реке Майю, на материке, как вы видите. Если японцы с юго-востока дойдут до Бутидаун, они очень элегантно, как они умеют, зажмут нас с фланга и по туннелям очень быстро прорвутся к Разабилу. Тогда они отрежут нас от тыла. Вы понимаете?

Томлин уже не раз видел эту местность на карте, и существование туннелей тоже не было для него новинкой. Он лишь хотел знать:

— А в чем конкретно состоит мое задание?

Подполковник распрямился над картой:

— У нас уже много передовых групп далеко на косе и на материке тоже. Японцы попытаются пройти мимо них или далеко обойти их. Я хочу знать, где они.

Томлин выжал свою рубашку, прицепил на себя новые практичные пакетики с пайком, наполнил фляжку водой, проверил свой новый пистолет-пулемет «Стен», взял запасные магазины и пару ручных гранат. Потом он вытащил Нугунга из-под его стальной крыши:

— Все, началось, мы идем на войну. Ты свой «кукри» не забыл?

Через пару часов они уже были в Разабиле. Там все пропиталось трупным запахом. Японцев нигде не было видно. Но оба разведчика все же очень осторожно пробрались между руин, оставили мертвый город в направлении северо-запада и через несколько часов достигли подножья горной цепи Майю. В конце поднимающейся вверх дороги они обнаружили две темные дыры. Томлин взял бинокль и пригляделся к скале. То, что он увидел, его совсем не обрадовало. Перед каждым туннелем стоял маленький воин островной империи в хаки, стальной каске и с длинной винтовкой с примкнутым штыком. Томлин уже давно заметил, что японцы в карауле всегда находятся с примкнутым штыком. Возможно, это предусматривалось их уставами.

Они присели за высокими папоротниками, и гурка тихо сказал:

— Этот парень ни разу не заходил в укрытие. Чувствует себя совершенно уверенно.

Томлин открыл для себя, что входы в туннели забаррикадированы. Это уменьшало возможности быстро перебросить по ним войска с одной стороны хребта на другую.

— Я думаю, их полно в дырках, — сказал Томлин. — Они ведь могут быть прекрасными укрытиями.

Это предположение неожиданно подтвердилось, когда перед входами в туннели внезапно начали возникать маленькие группы солдат и быстро прятались в темных норах. Томлина все яснее понимал, что японцы хорошо обустроились в туннелях, и взять их там будет очень тяжело.

Наконец, он со своим напарником вернулся к подполковнику для доклада о том, что видел. Потому армейский штаб решил поискать иное решение.

Севернее туннеля, в достаточно хорошей лощине, было найдено другое возможное место перехода — перевал Нгакейдок.

За ним находилась долина, похожая на котелок, в который переместились фронтовой штаб и части 17-й дивизии, а также подразделения связи и тыла. «Котелок» состоял в основном из сухих рисовых полей и был площадью 2–3 квадратных километра. В середине его находился маленький, но заметный холм. Это место прекрасно подходило для сбрасывания грузов и распределения их по обе стороны горной цепи Майю. Поэтому армия выбрала эту долину в качестве передового пункта управления и снабжения.

Нанеся удар по готовившимся к наступлению японцам, союзники сорвали их намерения прорваться из Аракана к Читтагонгу. Было известно, что японцы при вступлении в Бенгалию рассчитывали на восстания местных жителей против Англии. Таким образом, они хотели разорвать фронт здесь внизу на юге и одновременно осуществить наступление на Центральном фронте на Манипур, чтобы расколоть силы союзников. Императорское верховное командование назвало этот план "Операция С". В начале араканского наступления англичан этот план был окончательно согласован с целью удара по наступающим англичанам, пробиться сквозь их позиции, а затем опрокинуть относительно незащищенные тыловые структуры вплоть до Индии.

Японская 55-я дивизия, испытанная в боях в джунглях, под командованием генерал-майора Сакураи была разделена на три боевые группы. Полковник Танахаши, который отразил первое араканское наступление англичан, командовал состоявшим из 4 батальонов главным контингентов, "боевой группой Танахаши". Она должна была ударить по левому флангу 17-й британской дивизии и за ней выйти к горной цепи Майю. "Боевая группа Дои" в составе двух батальонов наступала из Бутидауна на запад и, сделав крюк, должна была встретиться с соединением Танахаши у перевала Нгакьедок. Это позволило бы окружить британские войска, пробившиеся через этот перевал в "котелок".Одновременно с наступлением войск Танахаши "боевая группа Кубо" численностью в 1 батальон должна была наступать дальше на запад, в вакуум между британскими боевыми частями и их тылом. Ее целью была прибрежная дорога, ведущая из Индии к косе Майю. Эта главная транспортная артерия должна была быть перерезана у местечка Монгнама, что отрезало бы ведущие бой британские части от любого сухопутного снабжения.

Через несколько дней после начала контрнаступления японские боевые группы окружили долину, в которой находился

штаб 17-й дивизии со всеми тыловыми подразделениями. Свободным оставался лишь перевал Нгакьедок, поскольку он был очень незаметным.

Но от этого в начале не было толку, потому что "боевая группа Кубо" за это время достигла пути снабжения у Монгнамы. Теперь союзные войска могли снабжаться только по воздуху. Но японцы не знали, что лорд Маунтбэттен считался с этой возможностью и подготовился к ней. ВВС были блестяще подготовлены для выполнения своей задачи.

Вокруг «котелка» кипели жестокие бои". Админ-бокс" вошел в анналы 17-й дивизии, как одно из самых героических оборонительных сражений.

Под обстрелом, который японская артиллерия вела с нависающих вокруг холмов, «Админ-бокс» защищали 8000 солдат, саперов, связников, медиков и местных помощников.

Полковник Танахаши вечером того дня, когда замкнулось кольцо окружения, в своей палатке слушал донесения. Он пил зеленый чай, курил и был уверен, что после этого окружения британская атака полностью выдохлась. Танахаши осознанно выбрал профессию военного. Его семья традиционно служила императору. Он сам был достаточно умен и образован, чтобы стать адвокатом, но он любил меч, ровный солдатский шаг, звуки солдатских песен, но прежде всего — чувство хозяина на поле боя, как предполагает старая добрая японская традиция. Потому он радостно хлопнул себя по ляжке, услышав наполненное чувством победы сообщение: "Японские войска завершили окружение англичан. Начался наш марш на Дели. Через неделю войска Танахаши будут в Читтагонге".

В «Админ-боксе» младший капрал Томлин с неудовольствием слушал пропагандистскую передачу японского радио на английском языке. "Токийская роза", как называли дикторшу солдаты, нашептывала британским войскам: "Почему вы просто не отправитесь домой? В Бирме все кончилось!"

А потом внезапно над «котелком» завыли моторы. Японцы учли почти все, кроме того, что "Эр Форс" тщательно подготовились как раз к такой ситуации. Ежедневные рационы, в количестве, достаточном для 40 тысяч человек на 10 дней, были заранее складированы на аэродромах в Бенгалии. Теперь их доставляли самолеты. На «Админ-бокс» и на позиции спускались парашюты с грузами. Идея снабжения передовых войск в этой местности по воздуху оказалась плодотворной. Но и на земле генерал Слим не дал японцам застать себя врасплох. 26-я и 36-я индийская дивизии в качестве резерва стояли у Читтагонга. Помимо другого современного оружия они получили новые

американские танки типа М-3 «Ли», 26-тоные машины с мощным вооружением.

ВВС использовали новые истребители «Спитфайер», доставленные из Англии. Семь дней, пока японцы с близлежащих холмов обстреливали «Админ-бокс», 3-е тактическое авиакомандование боролось с японскими «Зеро» в воздухе. Новые английские и американские самолеты превосходили японские машины. После того, как над Араканом японцы потеряли 65 истребителей, господство в воздухе принадлежало союзникам.

Младший капрал Эрик Томлин, разделявший с гуркой Нугунгом стрелковую ячейку вблизи штабного бункера, первым заметил, что японцы проиграли битву в воздухе. Один рой С-47 за другим подлетал к «котелку» и сбрасывали на парашютах тонны грузов.

Однажды ночью гурка выполз из ячейки и немного позже вернулся с целой кучей продовольственных пакетов из лопнувшего контейнера. Между обмотанных восковкой пакетиков он нашел листок бумаги. Нугунг передал его Томлину, потому что сам неумел читать.

— Тебе нужно купить очки, — поддразнил Томлин товарища. Тот молча выслушал шутку, потому что и сам любил подшучивать над англичанами. Особенно когда один из них брал из пакета обрывок туалетной бумаги и скрывался в кустах, Нугунг кричал ему вслед:

— Это вполне можно сделать левой рукой, а потом просто ее помыть!

На листовке было обращение Верховного командования к окруженным в «Админ-боксе» и в других местах союзным войскам: "Англичане, американцы, индийцы, австралийцы, новозеландцы, канадцы и южноафриканцы! Ежедневно к вам летят 60 тонн грузов — держитесь, враг нас уже не может остановить!"

— Это все хорошо, — заметил гурка, — но, давай-ка, лучше разделим табак, если он там есть.

Он недоверчиво принюхался к сухофруктам, пока начал их грызть. Но вот «спэм», это консервированное соевое мясо, ему понравился, в отличие от Томлина. Нугунг съел целую банку.

Едва получив от Томлина свою часть сигарет, Нугунг внезапно прищурился и пристально посмотрел в сторону склона ближайшего холма. Затем он быстро вернул Томлину пачку сигарет и схватил свою винтовку — легкий американский карабин с оптическим прицелом. Он медленно перезарядил его, стараясь, лишний раз не высовывать голову из ямы. Томлин молча наблюдал за ним. Они уже привыкли, что там внезапно

появлялись цели.

Гурка передернул затвор, на недолгое время прильнул к оптическому прицелу, затем снова отложил винтовку и со спокойной душой заявил:

— На том месте уже лежат трое. Обязательно хотят поставить там миномет. А теперь давай мои сигареты.

Затем ситуацию осложнили 150-мм снаряды, пролетавшие над их головами с ужасным воем.

Но они взрывались довольно далеко, оставляя воронки в грязи, но не приносили англичанам никакого вреда. Именно в эту ночь Томлина и гурку вызвали из ячейки, чтобы оказать помощь. Японцы численностью в одну роту прорвались к разместившемуся совсем близко к западным холмам перевязочному пункту. Они хорошо спланировали время атаки.

Когда врачи и санитары после тяжелого рабочего дня в ужасной жаре и вони карболки наконец-то облегченно вздохнули, решив выпить кофе или выкурить первую сигарету за много часов, японцы проскользнули к ним, убили немногочисленных караульных и набросились на палатки под знаком Красного креста.

Генерал Мессерви, командир в «Админ-боксе» сразу же направил к перевязочному пункту несколько танков. И еще послал туда каждого солдата, которого можно было забрать с других оборонительных позиций.

Томлин и Нугунг, пригнувшись, двигались за танком «Ли», пока через пару дюжин метров не отделились от стальной машины. Тут офицер и дал приказ атаковать.

Около трех дюжин солдат устремились на столь быстро захваченную японцами местность. В темноте они спотыкались о мертвых и раненых. Японцы вели винтовочный огонь, но отступали. Пару японцев подстрелили, остальные скрылись в кустах у подножья холма.

Томлин ужаснулся, когда его глаза наконец-то привыкли к темноте. Среди покалеченных лежали мертвые врачи и санитары. Только изредка слышался слабый голос: выживших было очень мало.

— Они понеслись на нас как поток, — простонал один раненый индус. — Я притворился мертвым. Правда, они ударили меня в грудь штыком, но я могу дышать.

Нугунг взял Томлина за рукав и прошептал:

— Пойдем, мы достанем их, но нам нужно торопиться. Ты капрал, позови еще пару человек, которые все равно стоят здесь без пользы.

У него был план, как можно перехватить японцев на пути

назад к их позициям.

Утром, когда над холмами первые лучи солнца окрасили небо в красноватый цвет, они лежали по обе стороны узкой тропинки, которую обнаружил Нугунг. Один старший сержант принял на себя командование. Он послал гурку туда, откуда должен был появиться враг. И Нугунг обнаружил японцев. Они отдыхали во впадине между плотным подлеском. Как только они собрались продолжить отход, Нугунг проскользнул назад к старшему сержанту, шотландцу. Тот сказал своим людям, что это необычная засада, а месть за убитых докторов, санитаров и безоружных раненых. В этих словах содержалось невысказанная вслух договоренность — пленных не брать!

Сержант приказал лежавшим в засаде солдатам, среди которых был и Томлин, выдернуть чеку из гранат. А потом нужно ждать. В первом сером свете, предвещавшем начало дня, от земли поднимался туман. Японцы не особо осторожничали, радостно болтая между собой. Они были уверены, что англичане настолько шокированы их нападением на перевязочный пункт, что не рискнут предпринять что-либо.

Но японцы ошиблись. Как только сержант-шотландец увидел первые тени в утреннем тумане, он подал сигнал к атаке.

Град гранат посыпался на обескураженных японцев. Потом огонь открыли пистолет-пулеметы. Это давало дополнительный психологический эффект, потому что японцы были довольно слабо оснащены автоматическим оружием. Путь вперед для них был заблокирован, и сзади у них не было никаких шансов, а края леса были столь плотными, что ни одному из японцев не удалось запрыгнуть в сторону, в подлесок.

Томлин бил короткими очередями по скачущим теням. Рядом с ним Нугунг аккуратно всаживал в противника пули одиночными выстрелами. Повсюду слышны были взрывы гранат, пороховой дым смешивался с туманом, пока, наконец, не наступила тишина.

Солдаты оставались в укрытиях, пока первые лучи солнца медленно не разогнали туман. Потом они подсчитали мертвых врагов. Их набралось 45. Ни один не выжил. Из сумок японцев выпадали британские пайки, сигареты, часы, куски сахара — все, что они украли на перевязочном пункте.

Около полудня мертвых похоронили. Старший сержант Мэлони попросил штаб сделать табличку. Он прицепил ее на дерево, крону которого срезала гранта. На щитке было написано "Blood Alley", "Алея крови".

У японского командования 10 февраля были унылые лица. График "Операции С" совершенно развалился. У солдат всех трех

боевых групп были пайки только на семь дней, и эти семь дней уже прошли. И хотя англичане были окружены в «Админ-боксе» и в других местах, они не сдавались. Наоборот. Их контрудары свидетельствовали о несломленном боевом духе. У них было достаточно и боеприпасов, и снаряжения, и провианта. Снабжение по воздуху осуществлялось безупречно, особенно учитывая все уменьшающееся количество японских истребителей, остававшихся в строю. К тому же, генерал Слим вел из Индии две новые дивизии, которые должны были существенно изменить соотношение сил. Передовые танки 26-й дивизии освободили прибрежную дорогу от блокировавших ее частей "боевой группы Кубо". Потом они устремились на восток к перевалу Нгакьедок. Еще остававшиеся в «Админ-боксе» танки рванули им навстречу. Они не только разорвали кольцо окружения, устроенное боевыми группами «Танахаши» и «Дои», но и начали наступление на юго-восток, к обеим сторонам хребта Майю. Из-за этого сами японские боевые группы попали в окружение. Британцы привели с собой не только танки, но и тяжелую артиллерию, минометы и множество истребителей-бомбардировщиков. О концентрации или хотя бы перегруппировке японцы уже не могли и думать.

Когда генерал-майор Бриггс, командир 26-й дивизии, на перевале Нгакьедок радостно пил виски с освобожденным им Мессерви, солдаты в «боксе» с удовольствием наслаждались доставленным освободителями ромом. Младший капрал Томлин и Нугунг тоже были тут. — Я задницей чувствую, что мы победили в этой драке, — довольно отметил Томлин.

Чувство не обмануло капрала. Вторая битва за Аракан закончилась. В отличие от первого раза, союзники не только удержали отвоеванные ими позиции, но и добились существенной победы — с помощью ранее неиспользовавшейся тактики. Путь на Индию через Аракан был закрыт навсегда.

Около семи тысяч японских солдат погибли или были так серьезно ранены, что вышли из строя на неопределенный срок. Британские и индийские солдат, а прежде всего чернокожие африканцы, в первый раз ощутили, что ужасных японцев можно и нужно разбить. И авиация союзников доказала, что может играть выдающуюся роль в новой стратегии тактике ведения войны в джунглях. Комбинация войны в воздухе и на земле, как в непосредственном бою, так и в тыловом обеспечении или при быстрой переброске целых воинских частей оказалась превосходным средством против японской угрозы. Она срабатывала даже дальше на севере до долины реки Каладан, где союзные войска взяли в клещи последние японские бастионы в Аракане. Здесь действовала целая дивизия, 81-я

западноафриканская из Сьерра-Леоне, которую высадили с самолетов и снабжали по воздуху.

В середине марта японцы изменили свою тактику. Чтобы деблокировать окруженные подразделения в Аракане они попытались, быстро меняя места и направления ударов, запутать англичан, посеяв хаос в их рядах. Потому они начали наступление на Центральном фронте в направлении индийской провинции Манипур с ее важными близкими к фронту городами Кохима и Импхал.

С февраля в горном центральном регионе, прославившемся своим даже в сухой сезон адским климатом, начались первые японские атаки. Речь шла об исходных позициях для решающего удара, направленного через Манипур на Ассам, чтобы уничтожить там базы снабжения китайских войск.

Но японские планы снова были перечеркнуты планами британскими, притом очень необычными. Орд Ч. Уингейт, произведенный к этому моменту в генерал-майоры, готовил свой удар. Эта операция совершенно нового вида, скоординированная с наступающими с севера объединенными частями американского генерала Стилуэлла, должна была создать в тылу японцев такую ситуацию, чтобы те не смогли достичь никаких успехов на Центральном фронте отрезав Центральный фронт японцев от всех баз снабжения, обескровить их.

Уингейт начал операцию незадолго до начала муссона не только из-за начавшегося японского наступления. Он был убежден, что его и Стилуэлла солдаты, несмотря на муссон, грязь, дожди, насекомых и тысячи других трудностей останутся боеспособными. Их снабжение по воздуху будет успешным, чему Япония со своими несущими постоянные потери ВВС решительно ничего не могла противопоставить.

Операция «Thursday»

— Не курить! По машинам!

Хотя приказ прокричали достаточно громко, не каждый солдат его услышал, потому что моторы «Дакот» уже рычали. От самолетов до грузовых планеров, у которых стояли солдаты, было довольно далеко, но легкий ветер доносил шум их работающих двигателей до «Хорс» — угловатых, неуклюжих летающих безмоторных коробок.

Планеры типа «Хорса» поступали из Англии в Индию во все возрастающих количествах. На кораблях, которые бороздили моря, с намного большим чувством безопасности, чем еще два года назад, потому что союзникам удалось справиться с угрозой немецких подлодок. Вскоре и индийские фабрики начали производство отдельных частей этих гигантских планеров из фанеры и холста.

Орд Ч. Уингейт после Квебекской конференции, где он высказал свои нетрадиционные идеи о войне в джунглях перед важнейшими представителями союзников, не терял времени даром. Ведь и Рузвельт, и Черчилль со все энергией ухватились за его предложения. Высадить с самолетов большие воинские контингенты в глубоком тылу противника, которые там будут действовать самостоятельно. По воздуху их будут снабжать, а также вывозить раненых с быстро построенных временных аэродромов или с помощью системы «Снэтч». Эта система состояла из прикрепленного к планеру специального троса, за который низколетящий самолет подхватывал планер крюком и поднимал в воздух.

Самолеты, способные приземляться на короткие травяные площадки, и новая техника позволяли не только высаживать солдат с ручным оружием. «Хорсы» могли перевозить легкие зенитки, легкие полевые пушки и бульдозеры, да даже комплектные полевые госпитали. Таким образом за вражескими линиями могли действовать хорошо оснащенные, боеспособные соединения, располагавшие большими средствами и возможностями, чем могли предполагать японцы. Методика воздушно-десантных операций получила новое измерение. Войну перенесли в тыл противника, в его, на первый взгляд, безопасную зону, и расстроили его планы. Потому было очень сомнительно, что он вообще будет способен предпринимать что-то существенное на самом фронте.

В феврале 1944 года между Чиндуином и индийской границей, где 15-я армия держала не сплошной фронт, а

занимала много отдельных спрятанных опорных позиций, начались бои. Сначала только локальные стычки, которые быстро удалось отразить. Но концентрация танков и артиллерии не оставляло сомнений в намерении японцев нанести здесь глубокий удар по направлению к Индии.

Уингейт со времен первого боевого опыта на Аракане был согласен с Маунтбэттеном, что нельзя полагаться только на оборону. Этого врага нужно бить в спину, изматывать, чтобы он не мог рискнуть на дальнейшее наступление.

17-я индийская дивизия и другие соединения, в том числе 33-й индийский армейский корпус, уже находились на пути в Импхал и Кохиму, хотя японцы еще не достигли никаких решающих успехов на земле.

— Погода? Уингейт взглянул на офицера, только что вошедшего с новейшей метеосводкой. Штаб «чиндитов» собрался в командном пункте Уингейта на краю аэродрома Лалагат. Недалеко от нищенских хижин забытой богом одноименной индийской деревни на полпути между Кохимой и ближайшими горами, точное название которых, в лучшем случае, знали только штабные картографы.

Офицер метеослужбы сообщил:

— Закат солнца через двадцать минут. Облаков нет. Ветер с юго-востока, от одного до трех баллов. Полнолуние.

— Это именно то, что нам нужно, — проворчал полковник Филипп Кокрэн, резкий мужчина, уже надевший пилотский комбинезон. Филипп Кокрэн был одним из самых лучших летчиков-истребителей в этом регионе. Ему доверили командование целым авиакрылом, собранной им самим пестрой авиачастью из бомбардировщиков, двухмоторных «транспортников», легких разведчиков и истребителей. Благодаря американским поставкам у него было достаточно С-47, чтобы буксировать целые стаи грузовых планеров. В качестве истребителей он выбрал быстрые Р-51 «Мустанг».

Эта не совсем предусмотренная учебниками мешанина получила от участников операции под кодовым обозначением «THURSDAY» ("Четверг"), шуточное прозвище "Цирк Кокрэна", не в последнюю очередь из-за авантюрного прошлого самого Кокрэна. Уже в возрасте 33 лет он был широко известным в США руководителем «авиацирка» — шоу-труппы летчиков, демонстрировавшей перед публикой искусство высшего пилотажа, подобно и Клэру Ли Ченно, работавшему сейчас со Стилуэллом в Китае. Филипп Кокрэн идеально дополнял самого Уингейта — решительный и любящий риск человек, несмотря на свое ребячество всегда излучавший доверие и надежность.

Генерал Слим, прибывший из Аракана в Лалагат, чтобы наблюдать за началом решающей операции «чиндитов», уже дал свое добро на старт. Это было 5 марта 1944 года. Уингейт все еще думал. За последние недели тяжелые бомбардировщики Стратегического авиационного командования нанесли бомбовые удары вплоть до дельты Иравади и даже по самому Рангуну. «Спитфайеры» новых 221-й и 224-й истребительных авиагрупп были готовы прикрыть «транспортники». Уже много недель «Мустанги» Кокрэна на малой высоте атаковали прифронтовые японские аэродромы и места концентрации войск, обрабатывали бомбами и пушками предусмотренные для высадки десантов места, и тем самым заставили японцев передислоцировать свои истребительные эскадрильи с прифронтовых аэродромов в глубокий тыл.

Три сравнительно плоских участка в излучине реки Иравади между Бамо и железнодорожной веткой в Мьичину, были отобраны в качестве опорных баз десанта. Они получили кодовые обозначения «Пикадилли», "Бродвей" и «Чауринхи». Вскоре им придется стать шипами, вонзившимися в плоть японцев, базами, откуда будут действовать и где будут снабжаться «чиндиты». Орд Ч. Уингейт для десанта на эти будущие опорные пункты подготовил 5 бригад. Их общая численность достигла 10 тысяч человек. С ними следовало высадить тысячу мулов, в горных условиях куда более надежных, чем моторные машины.

В этой второй операции принимали участие почти все "старые чиндиты". Уингейт во многих аспектах реорганизовал свои войска. Новые солдаты в большинстве своем были из бывшей 70-й дивизии, усиленные гурками, западно-африканцами и американцами. Официально соединение именовалось 3-й индийской дивизией, но Уингейт очень редко пользовался этим обозначением, для него они были просто «чиндиты». Его взгляд остановился на летчике, который вошел в командную палатку, отдал честь и ждал. В руке его была пленка с негативами. Когда Орд Ч. Уингейт осматривал кого-либо своим жестким, холодным взглядом, у того часто мурашки пробегали по спине. Но с уинг-коммандером Соундерсом такого не произошло. Он еще до наступления темноты на своем «Москито» провел последнюю воздушную разведку над местами высадки десанта. Так как никто не обращал на него внимания, и лишь Уингейт осматривал его своим острым взглядом, он откашлялся.

— В чем дело? Уингейт отвлекся от своих мыслей. Он не знал Соундерса, но заметил пленку. Конечно, этот человек принес данные последней воздушной разведки!

— Уинг-коммандер Соундерс, с фотоснимками на 16.45.

Уингейт взял ролик широкой пленки, дал один ее конец адъютанту, потянул за другой, затем потер лоб:

— Я правильно вижу, это на «Пикадилли»?

Подошел Кокрэн. Взглянул на полоску целлулоида. Через секунды он прорычал:

— Вот так проклятые, вшивые мерзавцы!

— Вы правильно видите, сэр, — ответил Соундерс на вопрос Уингейта. Повсюду на «Пикадилли» лежат поваленные ствола деревьев, посадка невозможна.

Вспышка гнева Кокрэна показала его не особо джентльменское обращение с английским языком.

— Скажи пилотам, что мы не идем на "Пикадилли", — приказал ему Уингейт. — Перебрасываем всех на «Бродвей».

Соундерс, немного помедлив, ответил:

— Сэр, мы высаживали в этих местах «коммандос», которые подготовили все. День за днем туда летали «Харрикейны» и «Спитфайеры». Это, похоже, и возбудило подозрение японцев. Они предположили, что должно произойти. И они отреагировали…

— Вас обстреливали?

— Нет, сэр.

Уингейту пришлось принять трудное решение. Он не мог взять на себя ответственность высадить свои войска, самые лучшие и мужественные на этом театре военных действий, прямо в ловушку. снова и снова разглядывал он другие фотоснимки. Он не обнаружил ничего, что указывало на возможные манипуляции противника на посадочных площадках «Бродвей» и «Чауринхи». И он решил провести операцию «THURSDAY», высадку боевых групп в тылу японцев, как он говорил — "прямо в его кишечник". Только «Пикадилли» отменяется. Но эту потерю можно скомпенсировать.

Когда Кокрэн через час доложил, что все пилоты, включая планерщиков, получили новые карты и полетные задания, Уингейт дал сигнал к взлету.

Ровно в 18.00 взревели моторы. Натянулись канаты между двухмоторными «транспортниками» и неуклюжими «Хорсами». Замигали световые сигналы. Качаясь и трясясь, планеры со скрежетом скользили по взлетной полосе, пока пилот самолета-буксировщика не получил сигнал, что они оторвались от земли. Только потом он сам потянул за рычаг и через некоторое время планер висел в воздухе. Люди, тесно набившиеся между фанерных листов корпуса, с облегчением вздохнули, Они знали, что до посадки ничего особенного с ними, в общем, не могло произойти.

Капитан Тим Слайверс кружил на своем «Харрикейне» над

точкой встречи. Высотомер показывал 2600 метров, и до рассеченных хребтов гор, за которыми лежала Бирма, можно было дотянуться рукой. После коротких раздумий Слайверс дал своей эскадрилье приказ подняться еще на 300 метров. «Дакоты» с планерами на тросах должны лететь выше, чем планировалось раньше ради лучшей безопасности; так считал он как опытный летчик.

Он был прав. В лунном свете через какое-то время он увидел летящие с запада машины. Вид, как у призраков. Слайверс поднялся еще выше в безоблачное ночное небо и со своей эскадрильей разместился сбоку от основной группы. Уже давно обсуждался вопрос, не следует ли вообще отказаться от истребительного прикрытия, чтобы не привлекать дополнительного внимания японцев к тому, что этой ночью произойдет что-то необычное. Но потом все же решили прикрыть операцию сменяющими друг друга эскадрильями 135-й авиагруппы. С началом дня тогда в действие вступит в полном составе "Цирк Кокрэна", чтобы оказать поддержку высаживающимся на посадочных площадкам передовым группам, помочь им на случай боя, а затем выгрузить на быстро построенные полосы материалы и последующие войска.

Не прошло и часа, как пилоты «Дакот» просигнализировали пилотам планеров, что цель достигнута. Слайверс и летчики из его эскадрильи еще какое-то время наблюдали, что происходило под ними на «Бродвее», потом поднялись в высоту и подождали, пока «Дакоты» собрались для обратного полета. На посадочной площадке «Бродвей» происходило черт знает что. К несчастью, планер с контрольной командой, которая должна была управлять высадкой, после обрыва троса вынужден был сделать непредвиденную посадку еще у низменности Чиндуина. Это в определенной степени обусловило хаос на «Бродвее». Без системы управления приземлением «Хорсы» садились на землю или слишком поздно, или слишком рано. Они блокировали подлет следующих машин и съезжали с довольно неровного поля прямо в лес. Вскоре вокруг было полно разломанных планеров. Среди солдат были первые потери, потому что аварии при посадке редко обходились только легкими ранениями. Выбравшиеся из-под обломков сразу спешили помогать расчищать площадку. Но им все время мешали приземляющиеся «Хорсы».

Получив донесения о происходящем на «Бродвее», Уингейт решил отсрочить высадку на «Чауринхи» на один день. Он очень не хотел идти на риск больших потерь.

Когда над «Бродвеем» занялось утро, приземлились всего 32 «Хорсы». Девять потерялись в полете. Похоже, они приземлились

на вражеской территории. Одиннадцать вернулись из-за технических проблем.

На «Бродвее» врачи старались помочь первым раненым. Аварии при посадке унесли жизни 23 человек, примерно столько же было ранено. Несмотря на потери, около 400 решительных «чиндитов» захватили и удерживали местность. Они сразу же выслали посты для наблюдения. Остальные солдаты тщательно подготавливали посадочную полосу для «Дакот». Было предусмотрено даже временное освещение ее факелами для ночных посадок.

Ровно через 13 часов приземлился первый «Кертисс-Коммандо», специально разработанный в США самолет для перевозки войск и посадок на короткие и поросшие травой участки. Из него выпрыгнуло 50 до зубов вооруженных «чиндитов». Всего за первую ночь прибыло еще 55 «транспортников». Они привезли тяжелое оборудование, бульдозеры, солдат, боеприпасы, взрывчатку. И последующие ночи тоже не были спокойными.

Пока последние группы только высаживались, первые по тропам уже шли через джунгли в предназначенные для них оперативные зоны. Японцы, несомненно, заметили высадку, но совсем не предусмотрели, что десантники смогут долго продержаться в джунглях. Голод и болезни должны были вскоре всех их выкосить. Но как раз в этом и ошиблось японское командование, когда лишь с опозданием выслало войска для охоты на десантников. И эта ошибка вскоре оказалась роковой.

В это время на «Чауринхи» кипела работа. Эта точка высадки находилась южнее излучины Иравади, на другом берегу реки. Заместитель Уингейта приземлился здесь со штабом операции. Тут, как и на «Бродвее» высадка не столкнулась с серьезным противодействием японцев, за исключением нескольких мелких перестрелок. Это не было связано с халатностью противника. Просто японцы уже не могли быстро перебрасывать свои войска. Специалисты объяснили, что война до сего момента их достаточно измотала.

План Уингейта осуществился: «чиндиты» с мощным вооружением, хорошо оснащенные и обученные боевым действиям в джунглях, двинулись в поход.

За несколько дней десантной операции самолеты типов «Дакота» и «Коммандо» из "Цирка Кокрэна" совершили в общей сложности 600 вылетов с грузом или с планерами «Хорса» на привязи. Они перевезли во вражеский тыл свыше 9 тысяч солдат, 1360 вьючных животных и первые 250 тонн грузов. В полете не был потерян ни один самолет. В авариях при посадке планеров и

в первых боях погиб 121 солдат. В общем и в целом — достижение, считавшееся невозможным. Лишь когда обе посадочные площадки почти полностью выполнили первую часть своего предназначения и готовились к вывозу самолетами раненых и больных, японцы очнулись.

Над «Чауринхи» пролетели первые самолеты-разведчики с красными кругами на крыльях и фюзеляже. Уингейту сообщили об этом по радио. Он отправил проверенного летчика — уинг-коммандера Соундерса. Тот долетел до «Чуаринхи» как раз тогда, когда первые «Зеро» заходили в атаку с малой высоты, зажигая из своих пулеметов обломки планеров, лежавшие по краям площадки. Один «Зеро» зашел Соундерсу в хвост, но англичанину повезло — японец уже расстрелял весь свой боекомплект. Развернувшись, Соундерс открыл по «Зеро» огонь. Тот взорвался в воздухе, и обломки его упали на «Чауринхи».

Продолжая разведку, Соундерс обнаружил и приближавшихся японских солдат. Он сфотографировал их и по возвращении передал Уингейту снимки. Уингейт был готов к такому развитию событий. Но перед тем, как начать боевые действия, посадочные площадки следовало оставить. Успех такого способа ведения войны заключался как раз в гибкости. Следовало самим определять, где и в каких географических условиях вступать в бой. «Чиндиты» всегда должны были оказываться там, где было нужно построить новые посадочные площадки. Связь с "Цирком Кокрэна" не должна была прерываться ни на день.

Когда Соундерс ушел от Уингейта, тот приказал немедленно покинуть площадку «Чауринхи», чтобы японцы ударили по пустому месту.

Бригадир Лентейн, которого сам Уингейт считал способным выполнить самые опасные задачи во вражеском тылу, уже получил собственные разведданные о приближении японских войск к «Чауринхи». Как опытный человек, он выслал вперед разведчиков. Из их донесений было ясно, что до прихода врага осталось несколько дней.

Приказ Уингейта он воспринял без большого удивления. Еще до начала операции уже были предусмотрены запасные позиции на случай отхода и маневров. Пункт, предназначенный для «чиндитов» Лентейна с «Чауринхи» назывался «Абердин». Чтобы достичь его, требовалось пройти около 150 километров на запад через реку Иравади и железную дорогу Мандалай — Мьичина. К этому месту, как знал Лентейн, уже двигалась высаженная раньше, еще в марте, группа «чиндитов», которая, собственно, должна была прикрыть правый фланг боевых частей генерала Джо Стилуэлла, пробивавшихся от расположенного на северо-западе

Ледо в Ассаме на юго-восток. Эта группа, состоявшая большей частью из американских и китайских солдат, находилась под командованием бригадира Джима Фергюссона.

Лентейн связался с ним по радио. Фергюссон, уже находившийся в том месте, где должна была быть создана запасная площадка «Абердин», приказал своим солдатам срочно ровнять землю и готовить посадочную полосу. В «Чауринхи» было снято все, что можно было взять с собой. Там остались только останки разбитых планеров «Хорса».

Через два часа после того, как арьергард Лентейна оставил место высадки, в небе появились первые японские самолеты. Целый час они бомбили «Чауринхи», а сопровождавшие их истребители из бортовых пулеметов подожгли брошенные обломки планеров. Они еще дымили, когда японские войска достигли брошенной посадочной площадки.

Лентейн был веселым человеком. Узнав о неудачной попытке японцев, он по рации попросил Фергюссона охладить шампанское. Фергюссон срочно передал эту просьбу в Лалагат. Там она дошла до полковника Кокрэна, который как раз инструктировал летчиков, готовящихся к переброске следующей, 4-й бригады «чиндитов» в «Абердин», где солдаты Фергюссона уже закончили строительство посадочной полосы для С-47. Таким образом, 23 марта 1944 года, когда отряд Лентейна, усталый, измученный от жажды, небритый, но полный боевого задора, добрался до «Абердина», бригадир вместе с Фергюссоном и только что прилетевшим бригадиром Броуди, командиром 4-й бригады, действительно смогли выпить шампанского. Хорошо охладить его, правда, не удалось, но тем не менее…

Операция «THURSDAY» закончилась успешно. Высаженные в японском тылу «чиндиты» обладали значительной численностью и силой. Их атаки наносили японцам куда больший ущерб, чем те могли рассчитывать. Выслеживать группы и уничтожать их японцы уже не могли. Высокая мобильность, хорошее вооружение и надежная связь «чиндитов» с базами исключали это.

Орд Ч. Уингейт облегченно вздохнул, узнав, что первый этап операции прошел без значительных потерь. Маунтбэттен, которому он доложил об этом, похвалил его и порекомендовал ему быть осторожным, когда тот отправится сам в зону боевых действий. И еще Маунтбэттен заговорил с ним о последних событиях на Чиндуине.

За несколько дней до занятия Фергюссоном «Абердина» первые крупные японские подразделения форсировали реку Чиндуин между маленькими городками Тонгдут и Хоумалин на бамбуковых плотах. Потом они, вооруженные только легким

оружием, быстрым маршем двинулись в сторону гор, за которыми уже начиналась Индия. Как раз в тот день, когда Лентейн, Фергюссон и Броуди в «Абердине» наслаждались шампанским, японские авангардные части на Центральном фронте перешли индийскую границу. С гор они уже могли видеть Ассам. Токийские пропагандисты ликовали, сообщая в эфир: "Воины Тенно подняли флаг с восходящим солнцем на индийской земле!"

Кохима и Импхал, это было ясно по направлению удара японской армии, являлись его первоначальными целями. Орд Ч. Уингейт отнесся к этим новым сообщениям с некоторым скепсисом. Конечно, никто не предполагал, что после неудачи своего наступления в Аракане японцы начнут наступать на всех фронтах. Но был ли Центральный фронт готов к такому повороту событий? Насколько сильны наступающие войска? Есть ли у них тяжелое вооружение?

— Флип, — сказал Уингейт по телефону, — мне нужен самолет. Он звонил Кокрэну и использовал это его прозвище еще со времен воздушной акробатики в Америке. Уингейт пояснил ему, в чем дело. Филипп Кокрэн посоветовал ему сесть на двухмоторную машину.

— Я предоставлю тебе B-25. Там из кабины ты сможешь отлично наблюдать, у него хороший обзор и, кроме того, можно пользоваться встроенными камерами.

Во второй половине дня B-25 поднялся в воздух. Уингейт взял с собой двух английских военных корреспондентов, Стюарта Эмми из "Ньюс Кроникл" и Стэна Уиллса из "Дэйли Геральд". Когда через два часа полета радист сказал, что они над целью, метеослужба сообщила о начавшейся над долиной Чиндуина буре, движущейся в сторону Индии. Кокрэн сразу же передал это штормовое предупреждение на борт машины Уингейта. Прием был подтвержден. Немного позже, когда стемнело, радиосвязь прервалась.

Кокрэн посчитал причиной этого статическое электричество, обычное явление при грозовых бурях Но когда ему сообщили, что у B-25 топлива осталось лишь на полчаса полета, он на всякий случай приказал зажечь сигнальные огни на взлетно-посадочной полосе. Он предполагал, что самолет был поврежден, возможно, от удара молнии пострадала радиостанция. Вместо B-25 приземлился американский пилот на C-47. Он прибыл из «Абердина», куда доставлял боеприпасы. Кокрэна позвали, у летчика было сообщение для него.

— Это был «Митчелл», сэр, — сообщил он Кокрэну. — B-25. Я видел его в последнем свете дня. Летел ниже меня. Как мы говорим, нырял в ущелья. Я оставался на высоте, но мог его

видеть. Направление на запад. Потом нас настиг первый смерч. Поднял ввысь. Одна из этих сухих бурь, которые начинаются всегда неожиданно, как бы из ничего, сэр. Когда я снова смог управлять самолетом, я увидел внизу, где летел B-25, взрыв. Смерч, видимо, ударил его со всей силой о скалу.

Кокрэн подошел с ним к карте. Пилот показал на это место в горах Нага, восточнее железнодорожной линии Бенгалия — Ассам. Через несколько дней поисковые группы нашли обломки самолета и разорванные на куски тела. Никто не выжил.

Орд Ч. Уингейт не дожил до триумфа своих стратегических и тактических идей. В то время, как его «чиндиты» вгрызались в плоть врага, он погиб в трагической авиакатастрофе. Несомненно, он был одним из самых выдающихся новаторов в военном деле, хотя это и стало окончательно ясно только после его смерти.

На следующее утро командование «чиндитами» принял бригадир Лентейн, один из самых способных соратников погибшего Уингейта.

Война «чиндитов»

План генерала Стилуэлла прорубить от Ледо в Ассаме поперек всей северной Бирмы своеобразную просеку через Мьичину, Бамо и дальше до китайской границы наткнулся вначале на скепсис в руководящих военных кругах. И позже, когда Стилуэлл слегка изменил план, их согласие отнюдь не сопровождалось энтузиазмом. Естественно, они понимали, что со стратегической точки зрения разумно в ходе наступления создать путь снабжения, чтобы доставлять грузы в Китай автотранспортом. Любое усиление китайцев сковывало японские войска, и каждый увязший в Китае японский солдат не мог быть использован на бирманском ТВД. Но ведь Стилуэлл взвалил на себя эпохальную задачу. Не говоря уже о том, что большая часть высших стратегов союзников до сих пор была в плену у стереотипов Первой мировой войны и без всякого восторга воспринимала новые идеи.

Сама по себе, дорога из Ледо с учетом требующихся для ее создания усилий не имела большого смысл, потому что уже работал маршрут через «Бугорок», хотя самолетами и нельзя было перевозить столько же грузов, как по суше. Но с точки зрения общей стратегии союзников по ведению войны в Юго-Восточной Азии и с учетом угрозы японцам, которую несли бы в себе продвижение Стилуэлла вместе с войной «чиндитов», приходилось признать, что дорога из Ледо сравнительно скоро лишила бы японцев стратегической инициативы и способствовала бы отвоеванию Бирмы.

Задуманная Стилуэллом дорога из Ледо начиналась в долине верхнего течения реки Брахмапутра, где заканчивалась железная дорога Бенгалия Ассам. Стоило ей пересечь горный хребет Патаи, как она выходила в Бирму у небольшого города Шинбуиян, пересекала широкую долину Чиндуина и знаменитую своими малярийными комарами долину Хукаванг. Оттуда она двигалась в долину Могаун и, наконец, на Бамо. Оттуда уже недалеко было до китайской границы, да и до Лашо, перегрузочного пункта на старом Бирманском шоссе.

Для строительства дороги, ведущегося сразу за спиной наступающих боевых частей Стилуэлла, 22-й и 38-й китайских дивизий, американцы направили своих лучших специалистов. Генерала Льюиса А. Пика, которого знала вся Америка как строителя плотины на реке Миссури, не могли вывести из себя никакие сложности. Кроме того, США поставляли все материалы, нужные для строительства — от лопаты до «Катерпиллера»,

бульдозеры всех типов, пневмомолотки, катки и краны. Под безжалостным тропическим солнцем, в полутьме джунглей, на крутых слонах скал трудилось настоящее вавилонское смешение народов: китайцы, американцы, новозеландцы, австралийцы, индийцы, непальцы, даже представители национальных меньшинств, например, качины и карены, гаро, нага и другие. Эта трудовая армия численностью в 2000 человек взрывала скалы, выкорчевывала лес и строила бесчисленные мосты. Японцы считали план Стилуэлла невыполнимым. Лишь изредка они устраивали авианалеты. Сильного беспокойства это продвижение в сопровождении строительства не вызывало, ведь они рассчитывали прорваться в Индию на Центральном фронте, а это рано или поздно перерезало бы железную дорогу Бенгалия — Ассам, ведущую в Ледо, что сделало бы строительство Стилуэлла бесполезным.

Но японцы не знали, что Стилуэлл рядом со стратегической трассой строит еще и трубопровод диаметром 10 сантиметров, по которому самые передовые строительные бригады можно было снабжать топливом. А около десяти саперных батальонов американской армии, следовавших за продвижением Стилуэлла, строили за стройплощадками аэродромы, госпитали, ремонтные мастерские, склады запчастей и прочие сооружения, необходимые для современной войны.

Часто работы приходилось вести под обстрелом, потому что у японцев в этой местности еще были опорные базы, которые нельзя было быстро уничтожить.

Строительство началось в конце 1943 года, одновременно с наступлением Стилуэлла из Ассама. Уже в том же году Стилуэлл со своими солдатами достиг Шинбуияна на бирманской территории и построил здесь базу для своего дальнейшего продвижения.

Когда японцы попытались задержать продвижение Стилуэлла у Уолобума силами своей относительно сильной 18-й дивизии, взявшей Сингапур в 1942 году, их ожидало горькое разочарование. Стилуэлл перебросил из Ассама по уже готовой трассе легкие танки. Это подразделение, включенное в 22-ю китайскую дивизию не только расстреляло оборонительные позиции японцев, которые совсем не были готовы к появлению вражеских танков, но и захватило командный пункт, взяв в качестве трофея официальную печать 18-й дивизии японцев. Мало этого позора, так они еще нашли огромное множество использованных японцами трофейных грузовиков, джипов и бронетранспортеров, которые те, в свое время, неповрежденными захватили в Рангуне. Стилуэлл сразу же воспользовался ими для

себя.

В ходе продвижения в общем направлении на юго-восток Стилуэлл поставил охранение с двух сторон от основной группировки. Справа шли «чиндиты» бригадира Фергюссона, двигающиеся на «Абердин», а слева один из его лучших друзей с заново сформированной в США и тренированной для боев в джунглях группой добровольцев. Бригадный генерал Фрэнк Меррилл с 1942 года тесно сотрудничал с Стилуэллом. Его часть, численностью около полка, прекрасно вооруженная, официально имела номер 5307. Но за короткое время ее солдаты вошли в историю войны в Бирме под названием "Мародеры Меррилла".

Сержант Билл Лирсон, рыжий великан и участник первого похода «чиндитов», после лазарета и дополнительного обучения был вместе с большинством своих товарищей по 142-й роте «коммандос» переведен под командование бригадира Майка Калверта, полного хороших идей. Он знал, что солдаты прозвали его "Mad Mike" — "Безумный Майк", но воспринимал это скорее как комплимент. И с тех пор, как он высадился на посадочной площадке «Бродвей», выяснилось, что он располагает очень боеспособной группой. Он поддерживал радиосвязь с Фергюссоном, действовавшим с восточной стороны железной дороги Мандалай — Мьичина. Всего в японском тылу действовали более 30 групп «чиндитов» с разными боевыми задачами. Многие операции координировались.

Так, например, войска Фергюссона вместе с подразделениями с «Бродвея» атаковали расположенный на железной дороге японский укрепленный пункт Индо.

Атака не увенчалась успехом. потому что солдатам пришлось пройти 80 километров по джунглям, и перед Индо у них было только то оружие, которое они могли нести за спиной, в то время как японцы располагали тяжелым вооружением. Потому после нескольких неудачных атак «чиндиты» снова отошли. чтобы не ввязываться в бесперспективное сражение, неся ненужные потери.

"Красный" Лирсон тоже принимал участие в "процессии на Индо", как он это назвал. Сперва только лишь одной его группе довелось нести трех раненых, потом начала заканчиваться питьевая вода, и жажда мучила солдат. Вдали они уже смогли увидеть японские склады, но перед ними были бункеры и стрелковые траншеи. Отход был неизбежен, тем более, что последней воды хватало только для раненых. Но даже эти остатки воды были из ржавых канистр и предназначались, собственно, для охлаждения станковых пулеметов.

— Отвали, — проворчал Лирсон, когда кто-то попытался его разбудить. Сразу после возвращения на надежную базу «Бродвей»

он улегся на мат в своей палатке и крепко уснул от усталости. Лишь с большим трудом он открыл глаза.

— Но шеф вызывает всех командиров взводов на совещание, — виновато промямлил солдат. — Чего ты рычишь на меня? Я просто посыльный, а не командир.

С некоторым трудом Лирсон заставил себя подняться. Возле его постели стояла большая жестяная кружка с водой. Он сделал большой глоток, перед тем как отправиться на командный пункт. Со времени последней операции вода стала для него наивысшим удовольствием, которое он мог себе позволить.

Лейтенант, который по приказу бригадира Калверта инструктировал «чиндитов» по их новому заданию, был еще молод, но никак не неопытен. Лирсон видел его во время штурма бункеров у Индо и изменил после этого свое мнение о выучившихся в военной академии командирах. Если бы в армии были только такие офицеры, война бы давно закончилась, мрачно думал он. Но война в Бирме пока только переходила в следующую фазу, и лейтенант как раз объяснял, что эта фаза будет решающей.

В этот раз солдаты должны были идти в поход не только с легким штурмовым грузом, но вместе с саперами и минерами со всем их оснащением, 20-мм зенитными пушками «Бофорс» и легкими полевыми орудиями. Переброшенные авиацией контейнеры с водой — самозатягивающиеся в случае пробоин, как топливные баки на самолетах, должны были тащить мулы. Цель операции железная дорога Мандалай — Мьичина, примерно на высоте Хену, малозаметного местечка, где японский гарнизон охранял пути.

— Другие группы уже неоднократно атаковали железную дорогу, взрывали рельсы и разрушали мосты. Но японцы каждый раз ее ремонтировали. С этим пора покончить. Никакие грузы не должны попасть на север. Каждая попавшая туда граната летит в парней Стилуэлла, так что… Он показал местность на карте, и командиры взводов постарались запомнить ее важнейшие отличительные черты. Уже той же ночью группы двинулись в поход. Когда наступил день, они немного отдохнули, потом движение продолжилось дальше на запад, пока на третий день они не узнали от разведчиков, что Хену уже прямо перед ними. Так близко, что можно дотянуться рукой, но окружен умело размещенными оборонительными сооружениями.

Прошло два часа после восхода солнца. Майк Калверт выслушал донесения разведчиков, потом дал приказ своим людям формировать атакующий клин. Это было необычно для такой тактики, обычно нападение осуществлялось одновременно с

разных сторон, чтобы сбить противника с толку. Но здесь Калверту более многообещающим показался концентрированный удар. Он хотел захватить штурмом разрозненные оборонительные позиции, пробиться к железнодорожному полотну и заблокировать его. Это взвалило бы на японцев куда менее приятное задание — отвоевывать потерянную территорию.

У передовых постов прозвучали первые выстрелы. Калверт послал нескольких гурков с их «кукри», но японцы были бдительны и через несколько минут после появления «чиндитов» подняли тревогу.

Стучали пулеметы, взрывались гранаты, не нанося пока никакого вреда, усилился винтовочный огонь. Из поселка по ту сторону железной дороги прибывали грузовики с солдатами. К тому же через рельсы перекатилось несколько маленьких японских танков, очень успешно проявивших себя еще в Малайе благодаря тому, что прекрасно подходили к такой местности.

— Дай мне трубу! — прокричал Лирсон солдату с гранатометом — новым противотанковым оружием, лишь недавно доставленным из Америки. Простая жестяная труба, из которой с помощью электрического спускового механизма запускалась ракета, пробивавшая броню по принципу кумулятивного снаряда и взрывавшаяся внутри.

Через круглый прицел Лирсон увидел первый маленький танк с 37-мм пушкой. Это был его первый выстрел из «базуки».

Когда он нажал на спуск, ему внезапно пришло в голову, что он не проверил, не стоит ли кто-нибудь позади него, из-за огненной струи, вылетавшей с сопла трубы. Ему дважды повезло. Во-первых, сзади были лишь пара веток, а во-вторых, ракета, оставляя легкий дымный след, ударила прямо в лобовую бронеплиту танка, как раз туда, где был нарисован красный круг. Черное облако вырвалось из распахнутого башенного люка, за ним последовало пламя. Этот танк уже никому не мог причинить вред.

Американцы делают хорошее оружие, подумал Лирсон. Но эта мысль недолго занимала его, потому что над путями появились следующие танки. Теперь не только Лирсон стрелял из «базук». Справа и слева от него из жестяных труб с визгом вылетали маленькие, опасные ракеты.

Действие этого оружия обескуражило японцев. Они были уверены, что их танковая атака быстро прогонит эту — как они думали — маленькую группу "крыс из джунглей". Они учли все, но не боевую мощь этого эффективного подразделения, вооруженного не только автоматическими пушками и легкими полевыми орудиями, но и новым, очень эффективным

противотанковым оружием.

Этот ошибочный расчет имел для них катастрофические последствия. «Чиндиты» не удовлетворились тем, что заблокировали железнодорожный путь и прервали любой подвоз грузов эшелонами на север. Когда остатки танковой колонны отступали к Хену, они штыковой атакой штурмовали первые бункеры и минометные позиции японцев.

Японцы окопались в Хену, и атаки и контратаки длились весь день то тут, то там.

По приказу бригадира Калверта радист «чиндитов» передал в штаб «коммандос», что железная дорога заблокирована и бои продолжаются. В соответствии с традицией «чиндитов» захваченный участок железной дороги сразу получил свое имя "White City" ("Белый город"). Но, учитывая то, что сейчас происходило перед расположенным немного выше местечком Хену, его правильнее было бы назвать "Красный город" или "Кровавый город".

Сержант Лирсон добежал до небольшой возвышенности, на которой располагался Хену. За ним стреляли «Бофорсы» и полевые орудия. Перед ним по склону ползали санитары, выискивая еще живых «чиндитов». Они нашли нескольких тяжелораненых среди мертвых и покалеченных японцев. Первая атакующая волна полностью попала под пулеметный огонь японцев, спрятавшихся выше на хорошо подготовленных позициях и ожесточенно сражавшихся. Они знали, что означает для их воюющих на севере войск потеря этой транспортной артерии — потерю всей северной Бирмы.

— Нам нужно подняться наверх! — закричал кто-то.

Лирсон огляделся. Там лежал командир, и у него были гурки. Но еще до того, как Калверт смог атаковать, наступила ночь, и шум боя утих на пару часов. Даже спрятавшиеся на деревьях японские снайперы вели себя тихо, боясь, что дульное пламя выдаст их при выстрелах.

Тишина была обманчивой. На высоте возле Хену японцы окапывались. С этой новой позиции они могли обстреливать баррикаду на железнодорожном полотне. Калверт понял смертельную опасность и еще ночью подготовил «чиндитов» к атаке. И к тому же по рации попросил поддержки у Филиппа Кокрэна. ВВС получили точные координаты и время атаки.

С рассветом Калверт во главе своих гурков устремился на штурм. На правом фланге Лирсон и его парни покинули свое укрытие. То, что произошло за последующие, бесконечно долгие минуты, вошло в историю как одно из самых ожесточенных и кровавых сражений, которые пришлось выдержать «чиндитам».

Они рвались наверх по склонам холма, с примкнутыми штыками. Снизу стреляли автоматические пушки, чтобы подавить пулеметные гнезда японцев. Гурки размахивали своими «кукри». Только тут Лирсон в полной мере понял, почему Калверта прозвали "Безумным Майком". Командир шел с пистолет-пулеметом на груди, но в правой руке держал захваченный в бою японский офицерский меч, которым он безжалостно рубил японских солдат, выползавших из своих нор. Как и было договорено, в плен никого не брали: были только победители и мертвые.

Внезапно, когда солнце уже стояло над горизонтом, зашумели самолетные моторы. В передовых цепях солдаты зажгли дымовые гранаты, чтобы летчики Кокрэна могли опознать свои войска.

Авиакомандование уже успело получить даже первые "Летающие крепости" B-17, но Кокрэн их не использовал. Он выбрал двухмоторные «Митчеллы» и, прежде всего, истребители-бомбардировщики. Сейчас они пикировали на японцев.

Когда оборонявшиеся попытались избежать вражеских бомб, они столкнулись с мобилизованными в Хену резервными подразделениями. Эта концентрация войск была прекрасной целью для бомбардировщиков. И Калверт сразу начал штурм.

До Хену тянулись облака густого дыма, скрывая поле битвы. Землю покрыли тела мертвых и раненых. Санитары «чиндитов» помогали своим бойцам.

На достаточном удалении от "Белого города" был устроен перевязочный пункт. Там работал доктор Коплин, который после первой операции не расставался с «чиндитами». Кто-то прибил на столб перед его операционной палаткой самодельную вывеску "Искусная мясная лавка д-ра Коплина Первоклассный сервис — Готовится к скорому открытию филиал в Токио".

Когда Лирсон попал туда, бой почти закончился. Японцы спрятались в Хену. К самому этому городку «чиндиты» не испытывали интереса. Они овладели железнодорожной веткой и высотами вокруг населенного пункта. Этого было достаточно. А японцы понесли такие потери, что не смогли бы убрать заграждения "Белого города", заблокировавшие рельсовый путь. «Чиндиты» решили заблокировать дорогу еще в нескольких местах дальше на север — на всякий случай. Калверт уже отдал приказ готовиться к маршу и выступить не позднее, чем через три дня. В "Белом городе" он хотел оставить только одну команду.

— Батюшки! — таким был первый комментарий д-ра Коплина, когда перед ним появился Лирсон. Коплин как раз пил кофе после нескольких часов кровавой работы. — Что ты поймал?

Они были уже достаточно давно знакомы, чтобы общаться без лишних формальностей. Как и во всех армиях мира, под воздействием тяжелой фронтовой нагрузки строгие военные формальности смягчались и уступали место товарищеским взаимоотношениям.

— Пуля попала в икру, — прорычал Лирсон. — Сперва допей свой кофе.

Д-р Коплин, потный и обрызганный кровью, метнул критический взгляд на ногу Лирсона:

— Если ты еще можешь ходить, тебе, наверное, повезло. Кость повреждена?

— Я здесь док или ты? Я жду от тебя приказа, чтобы меня прямо сейчас понесли!

За прошедшее время у Лирсона выросла рыжая борода, что придавало его ухмыляющемуся лицу выражение фавна, каким его рисуют в детских книгах сказок.

— Я позабочусь о том, чтобы рядом с тобой положили японскую гейшу, пошутил Коплин. — У тебя есть сигареты? Лирсон дал ему свою пачку «Вудбайна». Пока он вдыхал дым, доктор показал на икру Лирсона и потребовал закатать штанину. Пуля попала в мышцу. Коплину нужно было извлечь ее.

— К сожалению, — сказал врач. — Ложись на первые нары справа в палатке. Сначала смой кровь, там лежит тряпка. И пусть санитар тебе сделает укол.

Он с удовольствием докурил, пока Лирсона в палатке готовили к операции. Жара была просто невыносимой. Когда Коплин вошел, Лирсон проворчал:

— Ты пожалеешь, если после этого я буду бегать хуже, чем раньше!

Коплин только кивнул. — А теперь заткнись. Я сегодня отпилил двадцать семь ног, восемнадцать рук и копошился в кишках у почти сотни человек. Успешно или нет, будет ясно позже. То, что произошло с тобой, просто шутка, а не ранение. Если бы у нас здесь был ученик, я бы попросил его сделать это, и даже не присматривал бы.

Он сделал надрез, выудил пулю, положил ее Лирсону под нос и посоветовал всегда носить ее как амулет. Затем он закрыл рану и посыпал на нее обязательным порошком сернокислой соли. Санитар наложил повязку и лаконично заметил:

— Если начнет свербеть, то ты либо выздоравливаешь, либо в ране завелись черви из джунглей.

К своему удивлению Лирсон вскоре опять смог ходить, а рана затянулась без осложнений.

Для «чиндитов» Калверта перерывов не существовало. "Белый

город" оставался в их руках и тогда, когда основные силы Калверта двинулись на восток в направлении Могауна и Мьичины. Они заблокировали дорогу еще в нескольких местах. На тот случай, если японцам удастся расчистить путь в одном или другом месте.

Они маршировали на Хопин. На северной окраине этого города, по другую сторону железной дороги, находился «Блэкпул», новую устроенную подразделением бригадира Лентейна опорную базу с взлетно-посадочной полосой. Отсюда до Могауна, где японцы устроили перевалочную станцию для своих обозов с грузами на север и запад, было 50 километров по прямой. Еще короче было расстояние до промежуточных позиций, построенных японцами против наступающих из Ледо через Шадазуп войск Стилуэлла. построенных очень быстро, как только японцы поняли, насколько велика угроза для северной Бирмы. Оказалось, что расчет Стилуэлла был верен: японская авиация не располагала уже достаточными силами, чтобы помешать союзникам. Нигде не было сомкнутых систем сплошного наблюдения и обороны, а только все более дырявая сеть баз и линий коммуникаций, что оставляло «чиндитам» и другим войскам союзников достаточный простор для действий.

Почти одновременно с «чиндитами» Калверта и параллельно с ними западнее магистрали Мандалай — Мьичина в дело вступило подразделение, которым раньше командовал бригадира Лентейн, теперь сменивший погибшего в авиакатастрофе Уингейта. Солдаты все еще считали его своим командиром, нового большинство из них знало лишь поверхностно. Но он возглавил первоклассную часть. Лентейн целыми днями учил их действовать незамеченными в течение долгих дней, незаметно преодолевать огромные расстояние между войсками противника, а затем внезапно нападать. Японцы уже начали говорить об армии призраков. Теперь часть этого подразделения ставила баррикады на железнодорожном полотне, а главные силы, избегая больших боев, двигались по направлению к «Блэкпулу». Оттуда они должны были идти дальше на Могаун, отправив раненых, больных и погибших самолетами с взлетной площадки «Блэкпула».

Если взять Могаун, рассчитывали командиры подразделений «чиндитов», то до Мьичины будет уже рукой подать. С востока и севера на Мьичину двигались китайцы и воевавшие на стороне союзников качины. С северо-запада шел Меррилл со своими «мародерами» и Стилуэлл с двумя китайскими дивизиями, строя за собой дорогу из Ледо. С юго-запада Фергюссон и Калверт устремились к сердцу японской обороны на севере Бирмы. Стоило

взять Мьичину, то сколько бы разрозненных японцев не бродило бы между позициями союзников, северная Бирма была бы освобождена, Китаю ничто бы не угрожало с юга, было бы гарантировано снабжение, а отвоевание южной Бирмы становилось бы только вопросом времени.

Союзники благодаря нетрадиционному ведению войны перехватили стратегическую инициативу. И это уже никак не мог изменить японский удар по Манипуру.

Хотя он и заставил союзников вести тяжелые оборонительные бои, но у них оставалось важное преимущество, потому что чем быстрее возникали в северной Бирме пусть пока отдельные очаги сопротивления, и не функционировала железная дорога на Мьичину, тем быстрее перед японскими войсками, наступавшими из центральной Бирмы на запад, вставала опасность оказаться отрезанными. Потому что наступавшие японские войска в основном перебрасывались и снабжались по пролегавшей южнее части железной дороги Мандалай — Мьичина.

Уинг-коммандер Соундерс вылетел на своем «Москито» на восток, на разведку окрестностей Хопина. Согласно одному из последних сообщений группа Лентейна взяла этот городок, но японцы всеми силами наступают на «Блэкпул» и Хопин. Самолетов у них в этой местности почти не было, полагал Соундерс, потому что до сего момента он не видел вокруг ни одной японской машины. Возможно, нехватка со снабжением стала уже заметной.

Соундерс включил камеру, облетая местность. Японцы забрали с фронта обороны против Стилуэлла, который еще был далеко, тяжелую артиллерию. 75 — мм и 105- мм снаряды били по «Блэкпулу». Взлетная полоса уже была разрушена, оборонявшиеся отступили на пару холмов. Теперь «чиндиты» находились здесь в критическом положении, но прилагали все усилия для победы. Для Соундерса, который лучше мог оценить соотношение сил, эта борьба представлялась бесперспективной.

— Шефа лично! — потребовал он по радио. Лентейн, относившийся к своему бывшему подразделению «чиндитов» как к собственному ребенку, молча выслушал донесение Соундерса.

— Здесь полно японцев, — объяснял тот. — сопротивление приносит нашим только потери. нужно отступить, совершить маневр и ударить в другом месте, где эти типы послабее…

— Минутку! — прервал его Лентейн. — Приказы здесь пока отдаю я. Что с взлетной полосой?

— Разбита. Посадка больше невозможна.

Для Лентейна этого было достаточно. Доклад Соундерса означал, что больше нельзя вывозить раненых самолетом.

Лентейн думал недолго. Правда, наземные части сообщали, что, хотя бой и тяжел, они держатся. Тем не менее, он решил оставить «Блэкпул». Бои там шли уже двадцать дней, а это никак не соответствовало разработанной Уингейтом тактике борьбы в тылу врага ударить и исчезнуть!

"Отступать по направлению к Могауну. Раненых к озеру Индоджи". Таким был его приказ защитникам «Блэкпула». Даже это было сложнейшей операцией ввиду почти замкнутого вокруг них кольца окружения. Но «чиндитам» помогла погода. Это была последняя неделя мая, и пока Соундерс докладывал Лентейну о ситуации, у него уже начали болеть уши от сильных радиопомех. Электрические разряды такой интенсивности предвещали начало муссона.

Не успел он перелететь Чиндуин, как его самолет подхватил сильный смерч и, закружив как сухой листок, поднял вверх. Лишь бы крылья справились с нагрузкой, подумал он. Вода лилась настоящими ручьями. Теперь возникла еще опасность обледенения. И чтобы избежать ее, ему нужно было снижаться. Машину страшно трясло.

Соундерс был счастлив, снова оказавшись на твердой земле. Такой полет не скоро забудешь…

Но еще хуже приходилось «чиндитам» с «Блэкпула». Хотя муссон и загнал японцев в укрытия, но продвижение по джунглям при такой погоде стоило солдатам огромных усилий. На север, к Могауну, они дошли еще относительно легко. Полным адом стал путь для бойцов, двигавшихся на запад, к озеру Индоджи. Они несли на спинах раненых товарищей и должны были пробивать путь сквозь мокрую слоновью траву и цепкий, непролазный кустарник. Достигнув последней гряды холмов перед озером, им пришлось, чтобы не соскользнуть вниз, выкопать ступеньки в топкой земле. Когда они были уже у озера, никто не смог бы узнать в них солдат. Они были похожи на оборванных, полуголодных разбойников с большой дороги. Последний провиант давно был съеден, и не было большой надежды найти что-то съестное.

В этой ситуации находчивость Филиппа Кокрэна снова оправдала себя. Он подготовил свою авиацию буквально ко всем неожиданностям.

Для дальнего морского наблюдения англичане еще до войны создали летающие лодки типа «Сандерленд», большие, тяжелые четырехмоторные самолеты-амфибии с дальностью полета 5000 километров. Некоторые из них использовались для хоты за подводными лодками в Индийском океане. Кокрэну удалось получить из Читтагонга две такие машины: «Герт» и «Дейзи»,

которыми управляли самые опытные пилоты.

Кокрэн приказал снять с них пулеметы и весь ненужный балласт и вскоре после того, как обессилевшие «чиндиты» со своими ранеными товарищами добрались до озера Индоджи, к ним прилетели эти летающие лодки. Они привезли продукты и медикаменты. Сразу после приводнения на них погрузили больных и раненых, и первая машина поднялась в воздух.

Лирсон как один из самых сильных солдат дотянул на своей спине до самого озера раненого сержанта. Теперь он лежал в траве на берегу, подставив лицо под струи муссонного дождя. Было приятно прохладно и можно было отдохнуть, примерно с час. Он задумчиво посмотрел, как взлетела «Дейзи», подняв за собой волны воды и грязи. Рана Лирсона на ноге уже зажила без осложнений. Сержант, которого он донес, был ранен в голову. Его ожидала куда более сложная операция.

Уверенность в том, что раненых не бросят, укрепила мораль «чиндитов». На озере Индоджи они погрузили около 600 раненых и больных. Затем им пришлось совершить еще один утомительный марш на северо-восток. В долине Могауна им нужно было встретиться с их товарищами, уже устроившимися там. Оттуда следовало нанести решительный удар по Мьичине, как только Стилуэлл подойдет достаточно близко.

Мьичина

Фрэнк Меррилл страдал от хронической болезни сердца, но ему всегда удавалось вести себя так, что никто этого не замечал. Лишь врач его части знал это и время от времени ругал его за курение. Фрэнк Меррилл клялся ему, что бросит курить, но как только наступала критическая ситуация, он со спокойной душой снова хватался за трубку и табак.

7 февраля 1944 года он со своими «мародерами» выдвинулся из лагеря Маргерита, близ Ледо, для прикрытия фланга Стилуэлла. В ходе операции его «мародеры», насчитывавшие вначале лишь около батальона получили пополнение. В Бирме он располагал уже несколькими батальонами. Как и «чиндиты» они были разделены на группы разной численности, действовавшие согласованно, но относительно независимо. Только вьючных животных у «мародеров» было 700. Они везли боеприпасы, продукты и разобранное тяжелое вооружение. Крыло транспортной авиации ежедневно доставляло им по воздуху около 15тонн грузов. Их истребительное прикрытие было уже само собой разумеющимся делом.

Поход Меррилла начался не особо удачно. Три недели они двигались из Ассама в Бирму, не сталкиваясь с неприятелем. Было известно, что японцы уже не могут контролировать всю площадь захваченных территорий, и именно это легло в основу операции, но огромная местность все еще таила опасность внезапных атак противника.

Так «мародеры» шли на восток, пока у небольшого поселка их не обстреляли. Это была, правда, только небольшая японская группа, охранявшая передовой пост, но их пулемет был установлен очень умело. Уже первая очередь, выпущенная в этой войне по «мародерам» убила первого американского пехотинца, погибшего на азиатском материке со времен "боксерского восстания" в начале XX века — рядового Роберта Лэндеса. Его товарищи уничтожили пулеметное гнездо без дальнейших потерь. Но теперь поход перестал быть беззаботным, беспрепятственным продвижением.

Стычки усиливались с каждым днем. Иногда «мародеры» напарывались на одиноких снайперов, прячущихся в кронах высоких деревьях, затем на одетых в темную коленкоровую одежду людей, внешне не отличавшихся от бирманских крестьян. Если им удавалось подойти к «мародерам» достаточно близко, они внезапно бросали гранаты — это были замаскированные японские солдаты.

Марш проходил со множеством остановок из-за нападений противника, ям-ловушек на тропах через джунгли или из-за мин, умело поставленных японцами. Несомненно, «мародеры» уже не были «невидимыми», враг знал, где они. Но он сперва не мог им ничего противопоставить кроме отдельных нападений из засады. За Майнкуоном посты японцев стояли на большом расстоянии друг от друга. Меррилл со своими людьми повернул непосредственно к Мьичине, пока Стилуэлл продвигался несколько южнее, на Шандазуп, с тем, чтобы атаковать Могаун, один из самых больших японских гарнизонов.

Ночью «мародеры» зажигали сигнальные факелы, чтобы С-47 могли подвезти им грузы. В первый раз самолеты привезли им форму, поскольку утомительный марш привел одежду в негодность быстрее, чем было рассчитано.

Раненых было мало, но муссон потребовал своей дани. Малярия, неизвестные лихорадки и воспаления легких множились с большой быстротой. Так что подразделение пользовалось любой возможностью, чтобы устроить посадочную площадку, необходимую для вывоза больных и замены некоторых незаменимых специалистов — пулеметчиков, саперов, огнеметчиков и гранатометчиков.

Теория Уингейта о том, что в тылу японцев можно проводить достаточно широкомасштабные операции, оказалась верной, как и его требование создания мощной авиации для снабжения войск и подержания связи с базами в Ассаме.

Меррилл, как всегда, выслал вперед разведчиков. Мрачным апрельским днем, когда войска с трудом пробирались по грязи к еще довольно отдаленному горному хребту, они наткнулись на деревню. ее не было на картах, сообщили разведчики. Жителей не было, но хижины в полном порядке. Теперь они хотели узнать у Меррилла, как им поступить.

Меррилл присел на поваленное дерево и попытался собраться с силами. Приступ лихорадки тряс его, а больное сердце причиняло еще больше беспокойства, чем обычно. Даже трубка не приносила удовольствия. Для Меррилла это был плохой знак.

— Провести разведку, — решил он. — Нам может потребоваться день отдыха. Возможно, крестьяне просто попрятались. Через два часа патруль привел молодую женщину с младенцем, которую они нашли в кустах. Женщина-качинка, маленькая, с тонкими чертами лица, очень длинными густыми волосами, в которых торчала серебряная булавка, и совсем мокрая.

В части Меррилла было довольно много качинов, молодых парней, еще до войны подружившихся с американскими

миссионерами или посещавшими миссионерские школы. В горах в северной части Бирмы таких школ было несколько. И некоторые американские врачи, попрощавшись с цивилизацией, переселялись туда, охотно принятые гостеприимными качинами. Америка пользовалась доброй славой у горцев-качинов. Теперь эти молодые люди служили переводчиками у Меррилла и у Стилуэлла.

Каувуанг был одним из них. Он утверждал, что ему двадцатьлет, но Меррилл считал, что нет и шестнадцати. В его лице подразделение располагало не только переводчиком, нои прекрасным разведчиком.

Каувуанг прибыл намеренно неторопливо, когда его позвал Меррилл. Качинов не нужно торопить, они горды и самостоятельны, а он служит, потому что так хочет, не потому, что ему приказали. Меррилл терпеливо ждал. Он уже довольно много времени провел в этих краях, чтобы понимать местные обычаи. Женщина, прижав ребенка к груди, сидела под натянутым тентом палатки и недоверчиво глядела на переводчика.

Меррилл попросил Каувуанга спросить женщину о других крестьянах и о том, есть ли поблизости японцы.

Каувуанг долго говорил с женщиной. Еще во время разговора качин полез в карман, вытащил ролик жевательного табака, отрезал большой кусок и дал его женщине. Она сразу же взяла табак в рот и начала жевать.

— Это японцы? — спросила она тихо, показав на людей Меррилла.

Переводчик со смехом объяснил ей, что это американцы. Муссон и грязь так испортили форму американцев, что их действительно можно было спутать с воинами бусидо. Чтобы различить, нужно было посмотреть в глаза. Постепенно женщина утратила свою недоверчивость. Не только потому, что он сам был качином, говорил на ее языке и, увидев, что она голодна, принес ей банку консервированного мяса, которую она сразу же съела на половину. Вторую половину она хотела отнести своему мужу.

— А где он?

Женщина сразу же замкнулась. Она говорила что-то о лесе и утверждала, что не знает туда дороги.

Каувуанг посоветовал Мерриллу:

— Лучше всего, мы позволим ей уйти, не задавая дальнейших вопросов. Она приведет людей назад в деревню, если будет нам доверять.

— Главное, чтобы она не была японской шпионкой, — заметил Меррилл.

Переводчик только улыбнулся. Он знал своих земляков куда лучше. Они разрешили женщине уйти, объяснив ей, что теперь сюда пришли американцы, и японцы больше никого не смогут мучить.

Меррилл послал солдат в деревню. В ней было несколько дюжин домов на сваях. Ничего не было разрушено. Саперы не нашли никаких мин. Но никому не было разрешено входить в дома. Солдаты устроили лагерь на деревенской площади. Даже кур, бегавших вокруг, и хрюкающую свинью они, по приказу, оставили в покое. Дол вечера ничего не произошло. Караулы, выставленные Мерриллом, лишь около полуночи сообщили о человеке, который хотел поговорить с командиром чужеземных войск.

Меррилл сидел на подушке, набитой сухой травой, которую солдаты надергали под одним из свайных домиков, накрытой тентом от палатки, потому что его снова трясла лихорадка. От озноба у генерала стучали зубы. Малярия, думали санитары, но врач, сопровождавший войска, придерживался иного мнения. Он сам следил за тем, чтобы командир регулярно принимал таблетки атебрина.

Меррилл попросил позвать к себе человека, пожелавшего говорить только с «шефом». Это был наголо выбритый монах в потрепанной и мокрой одежде, которая раньше была оранжевого цвета, красиво складывающий руки в знак приветствия. Он поднял их довольно высоко, что означало наивысший почет. Каувуанг переводил. Монах прибыл из монастыря в Мьичине в гости к родителям, проживающим в деревне, когда местность прочесывала небольшая группа японцев. Потому все крестьяне сбежали в лес. Но сейчас опасность миновала. Может американский шеф разрешить им вернуться в деревню?

Меррилл, стуча зубами, сказал:

— Конечно, они могут вернуться. Мы уже сказали об этом женщине. Мы идем дальше и не тронем ничего из имущества жителей деревни.

Монах выслушал ответ Меррилла с облегчением. Он еще не был старым.

— А что с шефом?

— Лихорадка, — лаконично ответил переводчик. Он должен немного отдохнуть, ему предстоит еще долгая дорога.

Монах задумчиво посмотрел на Меррилла и спросил, нет ли лекарств для шефа. Когда он узнал, что желтые пилюли чужеземцев никак ему не помогли, он снова поклонился, сомкнув руки перед лицом, и пропал в темноте.

Через час появились первые жители. В основном мужчины,

молодые женщины, старухи, дети, удивленно оглядывающие солдат. Сержант, охранявший провиант, раздавал шоколад. Вскоре в деревне засветились первые окна. К Мерриллу пришел один старик, уважительно поклонился и попросил переводчика спросить, когда генерал мочился в последний раз.

— Давно, — ответил Меррилл. Старик подал ему глиняную миску и попросил помочиться туда. Он смотрел на мочу, наморщив лоб, нюхал ее, затем вылил и ушел. Вскоре он вернулся со ступкой, в которой стал толочь сухие травы. Довольный результатом, старик высыпал содержимое в кипящую воду и дал настояться. Наконец ему удалось убедить Меррилла выпить настой. Она вылечит его наследующий день, вымыв болезнь полностью из организма, изменив "кругооборот соков". Меррилл послушался. Он уже знал, что эти знахари обладают удивительными знаниями. Пока аборигены с опаской подходили к солдатам, предлагали им фрукты, а также страшно вонючий деревенский табак и куриные яйца, их командир принимал «лекарство».

Следующим утром он с все более короткими перерывами вылил из себя почти черную жидкость, и жар прошел. На лице старика, все еще хлопотавшего вокруг него, появилась довольная улыбка.

С восходом солнца посты на восточной стороне деревни заметили молодого качина, пришедшего из джунглей. За спиной у него висела японская винтовка. Он тоже хотел говорить с «шефом».

Меррилл к этому времени чувствовал себя почти здоровым. Потому он не понимал, зачем старик заставляет его пить так много горячей воды. Караульные привели качина. Он встал по стойке «смирно» и сообщил Мерриллу, что он член вооруженной группы самообороны из соседней деревни. Японцы опустошили их поселок, потому мужчины решились на борьбу.

— Мужчины? — спросил Меррилл переводчика. — Ему на вид лет четырнадцать!

Кауваунг спросил и затем пояснил:

— Пятнадцать. В таком возрасте наши мужчины уже воины. Или женаты. Или и то, и другое.

— А что он хочет?

— Винтовки, — сказал Кауваунг. — У них очень мало оружия, отобранного у убитых японцев, но они хотят дальше сражаться с японцами. Отомстить им.

В первой половине дня Меррилл приказал радисту установить связь с базой и сообщил об этом случае. Это не было единичным явлением. Во многих местах аборигены предлагали

помощь в борьбе с японцами. В конце концов, было принято решение послать к заходу солнца несколько самолетов с провиантом и оружием. С парашютом будет сброшен человек, знающий язык качинов и умеющий сними обращаться.

"Мародеры" отдыхали целый день. Они стирали форму, чистили оружие и отсыпались. Под сваями домов готовилась горячая пища. За это время крестьяне привыкли к чужакам, дети играли с солдатами. Когда солнце село, над деревней появились три «Дакоты» и сбросили контейнеры. Специалистом по качинским делам оказался один мастер-сержант, который долгое время служил в районе Форт-Хертца.

Он обучил уже сотни качинов обращаться с американским оружием и говорил на их языке. Юный посланец в ту же ночь отправился с ним на поиск своих односельчан, чтобы те смогли спрятать оружие в своих укрытиях.

Мерриллу сбросили важное сообщение — приказ немедленно двигаться по направлению к Мьичине и, по возможности, подобрать там место для строительства посадочной площадки. Туда затем будут перебрасываться другие подразделения с разных направлений, чтобы совершить штурм этого важного города.

Меррилл видел, что его солдаты еще совсем не отдохнули как следует, чтобы начать прохождение последнего участка, 70 километров по прямой. Ведь путь шел через крутые горные склоны высотой более 2000 метров, которые можно было перейти только по перевалу Наури, очень узкому проходу, где возможно, сидели японцы. И к тому же муссон. Был конец апреля.

Меррилл оказался прав. войскам потребовались три изнурительные недели, пока они достигли гребня гор. Но у них было преимущество, о котором не подозревала японская стража на перевале Наури. Монах, появившийся той ночью в деревне, не раз ходил в Мьичину и знал тропы, неизвестные японцам. Он провел «мародеров» по узким оврагам и отвесным склонам до того места на восточной стороне горной цепи, откуда открывался вид на аэродром Мьичины.

— Двадцать четыре часа абсолютной тишины, — приказал Меррилл. Потом он согласовал план атаки по радио с тыловыми службами, со Стилуэллом и Калвертом.

Разведчик узнали, что на краю летного поля размещены самые сильные японские посты. вечером 16 мая 1944 года Меррилл собрал свою часть и объяснил, что им предстоит совершить самое большое и возможно последнее усилие — взять Мьичину.

— Атака на рассвете, — сказал он, показывая командирам боевых групп направления их одновременных ударов. Они

старательно перетащили через горы 20-мм автоматические пушки, которым предстояло сыграть важную роль. И, как объяснил Меррилл своим солдатам, как только начнется атака, с запада прилетят самолеты С-47 и привезут все, что нужно. Они приземлятся на захваченной взлетной полосе.

Внезапность принесла успех. Японцы совсем недавно перебросили войска из Мьичины в Могаун, поскольку именно там они ожидали решающего удара союзников. Это было фатальным решением. Когда «мародеры» спускаясь с вершин, ударили по японским позициям, то чтобы успеть распределить войска для отражения атаки со всех сторон японцы потеряли столь драгоценные минуты. А «мародеров», знающих, что пришел конец их мучительному пути, уже ничто не могло остановить.

Они вели огонь по удивленным японцам из 20-мм пушек, уничтожая немногочисленные самолеты на углу летного поля. Через несколько часов взлетная полоса была в руках американцев. Даже само ее покрытие было в порядке. Пришлось лишь убрать валявшиеся обломки, и тогда посадка самолетов стала возможной. Ни минутой раньше: ровно через пять часов после начала атаки появились первые С-47, некоторые с грузовыми планерами на «привязи», в которых было техническое оборудование, бульдозеры и экскаваторы. Высадились саперы и начали устанавливать контрольно-навигационное оборудование, хотя японские снаряды неслись из Мьичины, взрываясь на территории аэродрома.

Каждая приземляющаяся машина вздымала высокие фонтаны грязи, воды на полосе местами было по щиколотку. Но полоса принадлежала американцам. У японцев не было сил для немедленной контратаки. Пока они очухались и перегруппировались, аэродром заработал в полную силу. Зенитно-артиллерийские батареи 14-й английской армии обеспечивали его противовоздушное прикрытие. Единичные взрывы снарядов и стрельба снайперов уже никак не могли изменить ход битвы. Узловой транспортный пункт Мьичина был потерян для японской армии, хотя в самом городе, расположенном в нескольких километрах отсюда в излучине реки Иравади еще оставалось 1500 японских солдат, готовых к решительной обороне.

Генерал Стилуэлл прилетел на маленьком связном самолете сразу после захвата и установления прикрытия аэродрома, в грязном мундире, разодранной шляпе на седой голове, с сигаретой во рту. Меррилл поздоровался с ним, и Стилуэлл удовлетворенно заметил:

— Мой дорогой мальчик, мы в Мьичине, взгляни-ка!

Пока он осматривал местность, один за другим приземлялись тяжелые транспортные самолеты, выгружая новые грузы. Высоко в воздухе патрулировали «Мустанги» и «Томахоуки», отражая единичные атаки прилетавших с юга японских «Зеро».

По другую сторону Иравади в то же время «чиндиты» группы Лентейна захватили город Могаун, после того, как ВВС союзников бомбардировками «смягчили» его оборону.

От города не осталось камня на камне. куда ни глянь, повсюду были лишь развалины да обуглившиеся деревья.

Кольцо у Мьичины сомкнулось быстро. С севера наступали подразделения качинов, с юго-запада «чиндиты» Калверта и Лентейна. На востоке действовали китайцы. Судьба защитников города была предрешена. Но они продолжали сражаться, с фанатичной решимостью. "Эр Форс" сбрасывали на них тонны бомб. Но они все еще удерживали развалины, и осада продлилась целых 78 дней, пока, наконец, 3 августа сопротивление японцев не было окончательно сломлено.

За период восьмимесячной операции в северной Бирме по первоначальным подсчетам были убиты 22 тысячи японцев и неизвестное число ранено, из них 3650 только в боях за Мьичину и Могаун. Японский фанатизм хорошо иллюстрировало количество пленных — всего 200 человек.

Статистики уже успели подсчитать, что расходы на строительство Стилуэллом дороги из Ледо, которую теперь без особых препятствий можно было дотянуть до Китая, составили 137 миллионов долларов, в сравнении с общим результатом вполне скромная сумма.

Стратегическую ценность Мьичины нельзя было оценить в долларах. Только один аэродром, еще до войны важный транзитный пункт для полетов из Индии в Китай, сэкономил миллионы, в которые обходился опасный авиамаршрут над Гималаями.

Протянутый "по пути" Стилуэллом трубопровод в Мьичину значительно облегчил снабжение топливом воюющих частей. Своего рода гарантия мобильности при дальнейшем продвижении на юг, к Мандалаю, следующей большой цели.

Кроме того факта, что взятие Мьичины перекрыло важнейшую железнодорожную и шоссейную транспортную ось север — юг, важным было и то обстоятельство, что река Иравади в этом месте становилась судоходной. Новая транспортная артерия, направленная в сердце японской оккупации Бирмы.

ВВС сразу же переоборудовали аэродром Мьичины под базу для бомбардировщиков и истребителей. Город, летное поле и аэропорт имели гигантское стратегическое значение. Отсюда

можно было достаточно легко нейтрализовать остатки японских войск в северной Бирме. Кроме того, по идущим на юг линиям коммуникаций можно было ударить в тыл японским войскам, наступавшим на Центральном фронте на Манипур и Ассам, отрезать их от тыла и, в конечном счете, преградить им путь к отступлению.

Бросок к Индии

Генерал Мутагучи спланировал наступление японской армии, которое должно было достичь Дели, еще в 1943 году. В то время он объяснял своим ближайшим соратникам:

— Эта операция станет решающей для дальнейшего хода войны в Азии. Он и не предполагал, насколько верными окажутся его слова.

Стратегия Мутагучи предусматривала удар на Центральном фронте через индийский штат Манипур, далее на Ассам, и развитие успеха по направлению к фактическому сердцу Индии.

Сначала нужно было разгромить самую восточную базу союзников в городе Импхал, что нейтрализовало бы важнейшую оборонительную позицию на Центральном фронте. Затем перерезать стратегически важную для союзников железную дорогу Бенгалия — Ассам, нарушив поток снабжения кампании генерала Стилуэлла в северной Бирме. Ему тогда оставалось бы лишь вернуться в Ледо. Не в последнюю очередь наступление японцев должно было уничтожить авиабаза союзников в Ассаме, что не только устранило бы постоянно возрастающую угрозу авианалетов, но и прервало бы снабжение китайских войск, осуществляемое по воздуху через Гималаи.

После ряда неудач на других фронтах успех этой операции решил бы исход войны, и именно так сформулировал свою мысль Мутагучи. Командиры разделяли его мнение, равно как и наивысшее командование в Токио.

100 тысяч японских солдат, 33-я, 15-я и 31-я дивизии с еще превосходно функционирующим тылом были готовы к атаке примерно в то же время, когда Стилуэлл начал свой марш на севере.

33-я дивизия должна была напасть на Импхал с юга, обойти его и окружить, для чего нужно было предварительно уничтожить самую важную передовую позицию в Тиддиме на дороге из бирманской Калевы.

15-я дивизия должна была нанести удар с Таму и Таунду на Импхал и замкнуть кольцо окружения.

31-й дивизии, чьи исходные позиции размещались дальше на север, примерно у Хоумалина на реке Чиндуин, досталось задание захватить город Кохима, лежащий севернее Импхала и взять под свой контроль станцию Димапур на железнодорожной магистрали Бенгалия — Ассам, идеальное место для продолжения продвижения на равнины Ассама.

"Эта операция привлечет внимание всего мира, ее ожидают

сто миллионов наших земляков. Ее исход, возможно, закончит войну. Потому на чашу весов придется бросить всю энергию и военное мастерство". Так было написано в приказе Мутагучи в день начала наступления.

В марте, всего через несколько дней после высадки «чиндитов» Уингейта в их северном тылу, японцы атаковали на Центральном фронте. Против них на южном участке, у Тиддима, стояла испытанная в боях 17-я индийская дивизия, 20-я индийская стерегла на севере долину Кабау вплоть до Тами.

Севернее Импхала, у Укхрула дислоцировалась 23-я индийская дивизия, контролировавшая все горные пути к Импхалу.

Тыловые службы, аэродромы и склады находились в состоянии повышенной боеготовности, каждый солдат в городе был привлечен к обороне — от пехотинца до повара. Союзная сторона не недооценивала своих противников. В Аракане она уже узнала, что боевой дух японских агрессоров еще далеко не сломлен. Здесь, на Центральном фронте, должно выясниться, можно ли деморализовать наступающие части, используя соответствующую тактику. Союзники еще располагали подкреплениями. Их прибытие и наступление японцев проходили почти параллельно. Но у союзников были преимущества, еще не осознанные японцами в полном объеме. Для них доставка свежих частей была проще, учитывая, что ВВС значительно увеличили свои транспортные возможности за счет получения новых машин. А боевые самолеты союзных ВВС не оставляли сомнений в их господстве в воздухе.

Японцам напротив приходилось доставлять подкрепления и грузы к своим войскам на очень большие расстояния, и чем быстрее они наступали, тем сильнее обострялась ситуация со снабжением. Это тоже учли союзники в своих расчетах. Благодаря гибкой обороне им удалось заманивать японские войска все дальше на запад, удлиняя их и без того растянутые линии коммуникаций, которые к тому же союзники немилосердно бомбили с самого первого дня. Потому вопрос снабжения уже через несколько дней боев стал важнейшей проблемой для японцев.

Младший капрал Эрик Томлин 7 марта 1944 года, когда японские авангардные подразделения начали беспрерывные атаки, был на южном фланге Центрального фронта. Над ним нависал пик Кеннеди высотой более 3000 метров, недалеко от дороги, ведущей из Калевы на Чиндуине через весьма посредственно укрепленный Форт-Уайт, где находились штабы, до границы с Индией, и далее до Импхала.

— Чего это они от нас еще хотят, — прокряхтел один из молодых солдат, лишь недавно прибывших из Англии. — 17-я непобедима уже больше двух лет, они и здесь нам ничего не сделают.

Тот, для кого такая оценка после всего, что он пережил с начала войны, возможно, была вполне заслуженной, промолчал. Эрик Томлин знал, что эти ребята просто подбадривают друг друга. Им пока не приходилось отдирать от кожи кровососущих пиявок, отмахиваться от москитов или прятаться в норы под обстрелом. Ну что ж, их нужно воспринимать такими, какие они есть. Ведь он, наверное, и сам был таким, в самом начале, полный несгибаемой уверенности в победе.

От Калевы доносился все более громкий артиллерийский огонь. Японцы уже давно поставили там тяжелые пушки. Теперь с разрывами снарядов, выкашивающих разбросанные у подножья пика Кеннеди посты союзников, смешался лязг танковых гусениц.

Как всегда, японцы в первую очередь повсюду, где были проходимые дороги, использовали свои легкие танки "Тип 97". Но за прошедшее время солдаты союзников получили лучшее вооружение. Танк-бульдозер, попытавшийся убрать баррикаду из стволов деревьев и обломков скал, с дороги стал первой жертвой гранатометчика с «базукой» в отделении Томлина.

Паренек, который только что говорил громкие слова, не медля, вскинул «базуку» на плечо и выстрелил. Над баррикадой вспыхнул огненный шар, превратившийся в облако черного дыма, из которого по всем сторонам разлетались обломки.

— Хорошо, — похвалил Томлин. Молодой солдат, по фамилии Крау ("ворона"), что давало немало поводов для шуток, перезарядил гранатомет и не скрывал своей гордости.

Целый час почти ничего не происходило. Лишь иногда между скал взрывались минометные мины. Маленькие, коварные снарядики из так называемых "коленных минометов".

Томлина вызвали на командный пункт, располагавшийся в паре сотен метров в гроте между скал, где даже была вырезанная из камня скульптура Будды. Так как Томлин прибыл с переднего края, командир полка расспрашивал его интенсивнее всего. Он не поленился объяснить капралу, почему по приказу вышестоящего командования они отходят, хотя японцам именно в этой местности не совсем легко удается их обычная тактика быстрого прорыва и окружения.

— Мы отойдем. Нет, не из-за слабости. Мы отступаем до Импхала, поэтапно. Так мы заманим японцев за собой, растянем их линию коммуникаций как можно дальше. Потом, если она порвется хоть в одном месте, мы заблокируем «джапсов», отрезав

от их тыловых баз, вообще от тыла, дадим им расстрелять последние патроны, съесть последнюю горсть риса, подхватить лихорадку и дизентерию, затем мы только подберем их останки, понятно?

Томлин согласился, что на это не могло быть другого ответа, кроме «Да». Но с другой стороны, он беспокоился. Импхал — не крепость. Если противник дойдет туда, справиться с ним будет трудно, перережем мы его снабжение или нет.

— Олл райт, сэр, — сказал он, однако. Подчиненный не высказывает командиру свое видение ситуации при получении приказа. Командир приказал ему покинуть позицию последним.

13 марта, когда несколько подбитых японских танков сделали заграждение на дороге совсем непроходимым, Томлин дал сигнал к отходу. Он сам ушел последним; невысокий, кривоногий, небритый, немытый, но внимательный и бдительный.

Тиддим, последний сравнительно большой населенный пункт перед индийской границей, горел, когда Томлин подошел туда со своими людьми. Они обошли город, и потом начался долгий тяжелый марш через горы.

Там где можно было воспользоваться дорогой, было легче. Но разбитая дорога в первую очередь предназначалась для машин с грузом и с ранеными. Маршевым колоннам постоянно приходилось уступать им дорогу. Вскоре оказалось, что это изматывает больше, чем ползти по скалам. Так что Томлин и его солдаты с трудом пробивали дорогу за большей частью своей дивизии, пока однажды не заметили происходивший на дороге танковый бой.

Генералу Мутагучи удалось догнать и перегнать отступавшую 17-ю дивизию передовой моторизованной группой, которая теперь преградила отступавшим дорогу. Но из Импхала уже прибыли легкие танки 7-й индийской кавалерийской дивизии, и теперь, когда Томлин пришел туда с арьергардной группой, японцы, преградившие дорогу, попали под обстрел с обеих сторон.

В этом месте не выжил ни один японец. Нугунг, гурка, который в буквальном смысле был последним солдатом среди отступавших, захватил несколько коротких мечей японских офицеров. Однажды Томлин постучал себя пальцем по лбу и спросил:

— Зачем ты таскаешь за собой все эти штуковины? Гурка, ухмыльнувшись, ответил:

— Для обмена, в Импхале. на табак, на девочек… В конце концов, он дал себя переубедить подарить один меч Крау, парню с «базукой». — Вместо DSO (орден за отличную службу), — сказал,

усмехаясь, Томлин. — Как ты вскоре заметишь, вещи для обмена ценятся у солдат больше орденов!

От Таму, через знаменитую малярийными комарами долину Кабау, на Импхал двигалась и 20-я дивизия. Та же тактика: заманить врага вглубь, медленно маневрировать к Импхалу, дав авиации как можно больше времени, чтобы разбомбить вражеские приготовления, нанести ущерб путям подвоза, чтобы японцы только ночью смогли доставить к фронту пару грузовиков. Они истекали кровью, не замечая этого сразу, когда союзные войска в основном сохраняли свой боевой потенциал. А союзному верховному командованию показалось бы удобным навязать японцам бой хоть у самого Импхала, лишь бы это помогло еще больше ослабить Японию.

17 марта в 1944 года передовые подразделения 15-й и 31-й японских дивизий переправились через Чиндуин между Таунду и Хоумалином. Они пользовались самодельными бамбуковыми плотами, авиация союзников не допустила строительства наплавного моста. Уже это должно было бы насторожить агрессоров, но они были довольны уже самим фактом быстрого продвижения на запад. Через пять дней после форсирования Чиндуина они уже стояли на индийской земле. Укхрул был их первой целью. Там их встретила быстро переброшенная из тыла по воздуху 50-я британская воздушно-десантная бригада, и это означало первую остановку в их продвижении. Парашютисты не пропустили никого, если не получали на это приказ.

Севернее серьезная опасность угрожала Кохиме, важному опорному пункту союзников, из-за неожиданно быстрого продвижения 31-й дивизия японцев. Хотя гарнизон Кохимы получил подкрепления, но опасность не стоило недооценивать, тем более что в Кохиме находился самый большой фронтовой лазарет с сотнями раненых. 31-й японской дивизии противостояли хоть и опытные, но уступавшие ей по численности войска с высоким боевым духом: Ассамские стрелки, Бирманский полк, подразделения гурков и различные индийские части, затем очень боеспособные полки из Африки, которым в этом климате, естественно, приходилось легче, чем европейцам.

Но несмотря на это положение требовало от верховного главнокомандующего лорда Маунтбэттена мгновенного решения, ведь японцы вовсе не были настолько деморализованы, что исходящей от них угрозой можно было бы пренебречь. А Маунтбэттена в эти дни преследовали несчастья. Он вылетел к войскам Стилуэлла. Когда он на джипе ехал по дороге из Ледо по направлению к Могауну, свисавшая над дорогой ветка бамбука сильно повредила ему глаз.

Стилуэлл сразу же отправил Маунтбэттена назад самолетом L-1 в Ледо, где находился 20-й полевой лазарет американской армии. За ним вылетела и «Дакота» Маунтбэттена, служившая ему летающим штабом. Пока врачи спасали глаз, прилетели самые важные командиры. Маунтбэттен, с наполовину забинтованным лицом, срочно обсудил с ними первоочередные меры по усилению обороны Импхала, и особенно Кохимы, перед лицом неожиданной силы и интенсивности японского наступления.

Ситуацию можно было исправить, ведь в индийском тылу дислоцировались достаточно сильные резервы. Маунтбэттен приказал перебросить из Аракана, где в это время было спокойно, 5-ю индийскую дивизию к Кохиме. Так как перевозка по железной дороге потребовала бы нескольких недель, он воспользовался двумя дюжинами транспортных самолетов из американских авиатранспортных частей для переброски грузов и людей через Гималаи по воздуху. Они осуществили эту переброску всего за несколько дней.

Но теперь японское наступление, как и было запланировано союзниками, затормозилось на плоскогорье перед Импхалом. По численности войска союзников превосходили японцев, собиравшихся на обратных склонах гор вокруг плоскогорья и обстреливавших город своими с большим трудом доставленными сюда снарядами. Но вокруг города была создана целая разветвленная система укреплений, и безупречно функционировало снабжение по воздуху.

— Подарки прилетают как детям на Рождество, — со смехом говорил Томлин, — через камин! Ночь за ночью он отыскивал сброшенные за пределами города транспортные контейнеры с грузом, чтобы они не достались в руки японцам.

Даже передовые аэродромы японцев были очень далеко и подвергались сильным ударам авиации союзников, так что не могли использоваться для решающих операций. С другой стороны истребители-бомбардировщики союзников бомбили обозы уже далеко в японском тылу, даже ночью, когда грузовики с затемненными фарами с трудом пробирались по полуразрушенным дорогам. Территория между Импхалом и Рангуном была в руках японцев, но для оккупантов она с каждым днем становилась все более небезопасной. И причиной были не только самолеты союзников, но и возрастающее сопротивление в бирманских деревнях. Национально-освободительное движение «Такинов», возглавляемое Аун Саном, существовавшее еще с середины XIX века, начало вооруженную борьбу против японцев и становилось все сильнее.

У Импхала все произошло именно так, как спланировало командование союзников. Младший капрал Томлин, лежавший в траншее на южной окраине города, все время вспоминал предсказание своего командира полка еще тогда, у баррикады на дороге близ Тиддима: японцы хоть и засели на горных хребтах вокруг Импхала, но им приходилось довольствоваться все меньшим ежедневным рационом. Голод и нехватка боеприпасов ослабили их боеспособность. В то время, как их тыловая система продолжала разваливаться, в Импхале ежедневно на надежном аэродроме приземлялись по сто самолетов С-47, доверху набитых провиантом и боеприпасами. На обратном пути они вывозили раненых.

Несмотря на все трудности, бои были ожесточенные. Японцы не собирались быстро сдаваться. Они отчаянно атаковали войска союзников, но не могли достичь цели. Оказалось, что Импхал взять им было невозможно, и с его осадой закончилось последнее серьезное наступление японцев на Индию на южном фланге.

В Кохиме наступавшие обладали еще большей ударной силой. От Димапура на железной дороге Бенгалия — Ассам быстро выдвигался перевезенный по ней 33-1 индийский корпус. Снабжение полностью окруженного города было гарантировано, но фанатизм, с которым атаковали его японцы, привел к тому, что некоторые окраинные районы города пришлось оставить.

После двух недель обстрела город был похож просто на кучу развалин, среди которых англичане, австралийцы, индийцы, западно-африканцы и гурки отражали атаки 31-й дивизий японцев. Эта дивизия была самой сильной на театре военных действий и сражалась тут еще со дня переправы через Ситаун.

Раненых союзникам приходилось вывозить как можно быстрее, потому что агрессоры не проявляли никакого уважения к Красному кресту. Они бессовестно обстреливали лазареты из орудий, установленных на обратной стороне холма. Когда жертвой их снарядов стал водопровод, С-47 пришлось доставлять и питьевую воду. Пока нападавшие захватывали одну часть города за другой, патрули гурков ночью проскальзывали через руины, чтобы найти и забрать из разрушенных госпиталей все, что еще могло пригодиться, или чтобы подорвать отдельные особенно опасные пушки японцев. Ветераны Первой мировой войны уже говорили о новом Вердене.

Три недели город был полностью окружен. Лишь 18 апреля, на две недели позже того срока, когда 31-я дивизия согласно сообщениям токийского радио взяла его, свежим силам союзников, прибывшим через Димапур, удалось в первый раз прорвать кольцо окружения. За танками и саперами двигался

срочно переброшенный Королевский Беркширский полк, элитная часть англичан. С их приходом не только была прорвана блокада, но и бывшие окруженные сами перешли в контрнаступление против укрепившихся на горах японцев.

Бородатые англичане, чернокожие африканцы, индусы в тюрбанах примкнули штыки. Одна горная позиция японцев за другой оказывались в руках союзников, иногда полностью выжженная из огнеметов. Генерал Мутагучи делал все, чтобы укрепить боевой дух своих войск и заставить их держаться. Он снова издал приказ по войскам, в котором говорилось: "Эта битва является решающей для успеха или неуспеха нашей войны в Азии!"

Она была решающей только условно, несмотря на все ожесточение, с которым велась. Ведь уже 14 мая союзники сначала выбили японцев с гор вокруг Кохимы. Они отошли по дороге и горным тропам на плоскогорье у Импхала, и именно там состоялась настоящая решающая битва, в которой понесшие большие потери, голодные и страдающие от плохого снабжения агрессоры были окончательно разбиты.

Младший капрал Томлин, как изгнанные из-под Кохимы японцы сделали небезопасной район Импхала. За ними начали охоту танки, когда они появлялись группами. Тем не менее, они все время просачивались и закреплялись на плоскогорье. Многие только выкапывали себе яму, чтобы упасть туда и умереть от истощения. Но другие стреляли, пока хватало патронов.

Понадобилось две недели, чтобы убить или изгнать последних разрозненных японцев. Целые подразделения совершили групповое самоубийство. Офицеры вспарывали себе животы мечом, совершая ритуал «сеппуку», простые солдаты выдергивали чеку из последней гранаты и ложились на нее.

У Крау, ставшего настоящим специалистом по использованию «базуки», не было много работы: у японцев почти не осталось танков. Нугунг за эти две недели собрал так много японских мечей, что вполне мог бы открыть целую лавку. Когда ему надоело тащить их все с собой, он их раздаривал. Девочек, за услуги которых он хотел бы расплачиваться таким товаром, в этой местности не было. союзники до начала боев эвакуировали большинство гражданских лиц.

Генералу Мутагучи пришлось признать, что его войска, отправившиеся в поход для завоевания Дели, самые сильные в Бирме, везде либо перешли к обороне, либо отступали. Голодные, оборванные, часто вооруженные лишь мачете, дрожащие от лихорадки и без уверенности в победе, они воевали теперь только ради выживания.

В Укхруле, между дорогой Импхал — Кохима и Чиндуином, им снова удалось закрепиться. Прошло некоторое время, прежде чем союзники их окончательно окружили. Пришлось доставить войска из Импхала. Части индийской горной артиллерии перевезли на мулах 100-мм гаубицы в разобранном виде через полдюжины горных цепей и установили их на позициях над Укхрулом.

Снова начался муссон с грязью, злыми москитами и гнусными пиявками, падавшими на солдат сверху из крон деревьев и сосавших их кровь. И снова в этой колонне шагал младший капрал Эрик Томлин и рядом с ним гурка Нугунг. Только теперь это было не отступление, а движение на юг. От Укхрула, где подразделения 17-й дивизии до середины июля крушили остатки японского сопротивления, по направлению к бирманской границе, на Чиндуин.

Они пробирались через туман, окутывавший землю как ватой, превращавший звуки во что-то невероятное, а соседа по колонне — в привидение. Внезапно прозвучали выстрелы. Томлин бросился с дороги в высокую слоновью траву. Он и так промок до костей и уже много дней лишь механически переставлял ноги, шагал, стрелял, жевал мясо из консервных банок — как заводная кукла. Но автоматическими его движения сделала не слабость, а вечно одинаковые усилия, однообразие грязи, влажности и тумана. Это сработал механизм защиты от перенапряжения, о котором вряд ли что-то знал кто-то из солдат.

Томлин мечтал о солнечной равнине с сухой травой, в которой поют цикады, а если уж о войне, то с молниями разрывов и с грохотом, непохожим на удар по барабану с плохо натянутой кожей

— Он сидит там вверху, — услышал он крик гурки, идущего с другой стороны тропы. Томлин осторожно поднял голову. А японец сделал ошибку, выстрелив снова. И он попал в маленького Крау, не успевшего спрятаться, потому что ему помешал длинный ствол «базуки». Но в этот раз Томлин заметил, откуда был выстрел и смог рассчитать, где именно спрятался японец. Медленно он перевел свой «стен» на одиночный огонь, прицелился, чуть высунулся из укрытия и нажал на спуск.

Японец упал на землю как зрелый плод. Нугунг оказался рядом с ним еще до того, как Томлин нагнулся к Крау и увидел, что тот мертв.

Они похоронили его на обочине тропы. Один солдат, хорошо знавший Библию, прочел молитву. Потом они двинулись дальше. Нугунг ругался:

— У этих типов даже нет веревки, чтобы привязать себя к

дереву, но они не сдаются. Смерть Крау тяжело подействовала на него.

Томлин посмотрел на молодого стрелка, который со своего дерева мог бы справиться со всей 17-й дивизией: молодого, исхудавшего парня в лохмотьях, которые когда-то раньше были униформой цвета хаки. Без бороды. Винтовка проржавела. Они оставили его лежать до прибытия похоронной команды. Крау был одним из своих, ему отдали последние почести и его не забудут. Японцами занималась похоронная команда — еще один в длинном списке.

Томлин и его люди двигались вперед. Приказ гласил — никаких остановок до самого Чиндуина. Верховное командование союзников не ошиблось: отправившись на штурм Импхала, 15-я и 31-я японские дивизии подписали себе смертный приговор. Под Импхалом погибло около 50 тысяч японцев. Кто выжил, был деморализован и удивлялся уже тому, что солдаты союзников, которых японские офицеры представляли им как загнивающие продукты вредоносной цивилизации продолжали бои даже в условиях муссона.

Генерал Слим, командир 14-го армейского корпуса союзников приказал безжалостно преследовать отступавшего противника. Он спокойно выслушал сомнения лорда Маунтбэттена, не перетруждает ли он этим своих солдат.

— Сэр, — позволил он себе возразить, — моральное преимущество, которое получает армия, преследующая бегущего врага, весит намного больше всех неудобств марша. Это проверено уже очень давно, в том числе и мною лично. Если Вы не дадите другого приказа, я сам обращусь к моим солдатам с призывом вместе с авиацией раз и навсегда отплатить японцам за все и совершить при этом даже невозможное.

Маунтбэттен не собирался остановить армию в ходе ее победного марша. Куда больше беседовал он со Слимом об из следующем ходе.

Японцев сначала следовало выгнать за реку Чиндуин и продолжить атаки. Японцам нельзя было дать никакой возможности отдышаться, собраться с силами перегруппироваться. Разведчики сообщали, что противник севернее Мандалая, в центральной Бирме, собирает запасы для контрудара. Там подготавливались большие склады оружия, боеприпасов и нового снаряжения. Казалось, что японское командование полагало, что остатки отступающих из Индии войск смогут снова быстро переформироваться в боеспособные части, чтобы уничтожить предположительно измученных долгим маршем солдат союзников на Чиндуине.

Они ошиблись не в первый раз. Подразделения Слима выбили японцев в ходе тяжелых боев из Тиддима, из Форт-Уайта, за бирманскую границу. С севера отходили остатки 15-й и 31-й японских дивизий, преследуемых 11-й восточноафриканской дивизией. 19 августа на индийской земле уже не осталось ни одной сплоченной боевой части японцев. А соединения союзников, несмотря на понесенные потери, оставались в полном порядке.

Беспощадное преследование продолжалось. Если кто-то из отступавших японцев умирал от истощения, то его труп оставался лежать, пока им не занялась похоронная команда союзников — прогнивший, распухший, объеденный зверями. Многие тела вообще так и не были найдены и со временем без остатка сгнивали в густом подлеснике.

С запада и с севера союзники согнали бегущих японцев в славящуюся своими малярийными болотами долину Кабау. Врачи союзников ежедневно раздавали солдатам тысячи таблеток атебрина. Если кого-то болезнь все же доставала, то их самолетами вывозили в тыл. Сначала Верховное командование подумывало опрыскивать большие участки с воздуха антимоскитными химикалиями, но этот процесс оказался слишком сложным. "Эр Форс" без больших трудностей наладили эвакуацию больных по воздуху. А японцам приходилось все чаще просто оставлять раненых и больных, в большинстве случаев они давали им в руку гранату или револьвер.

Над долиной Кабау, где тысячами умирали японские солдаты, даже под ливневыми дождями муссонов летали истребители-бомбардировщики союзников, стреляя по всему, что движется. За это время Верховное командование получило из Индии речные катера, маленькие и быстрые, которые должны были переправить через Чиндуин первые атакующие части.

Первыми форсировавшими реку у Калевы в ноябре были восточноафриканские солдаты, высокие, сильные люди. Многие британские ветераны Бирманской кампании вспоминали у Калевы собственное отступление два с половиной года назад, когда они стояли на этих же берегах, но отходили на запад. Теперь они шли вперед.

Муссон закончился, когда саперы построили через реку понтонный мост длиной свыше 300 метров. Теперь через него катились колесные и гусеничные машины. У японцев уже не было сил помешать переправе. Они пытались сформировать новые части в бирманском тылу. Но ВВС союзников не давали им покоя. Они сейчас летали на четырехмоторных «Суперкрепостях» В-29 глубоко в японский тыл и наносили японцам сильные удары.

В это время 14-й армейский корпус форсировал Чиндуин и немедленно начал марш к плоскогорью севернее Мандалая. К той же цели устремились смешанные части союзников, идущие с севера: китайские дивизии Стилуэлла, разбившие японцев у Мьичины, американские полки, наследники отведенных в тыл для отдыха и пополнения «мародеров» и «чиндиты». Они все теперь подчинялись не "Уксусному Джо", а генералу Салтену. Стилуэлла после его победы под Мьичиной Рузвельт отозвал в Соединенные Штаты, в частности, из-за того, что его отношения с Чан Кайши еще больше обострились, и назначил его руководить учебной подготовкой всех американских сухопутных войск.

На Северном фронте союзники тоже свели свои счеты с врагом. Они впервые начали действовать в непосредственной близости от железной дороги. По ней быстро восстановленные паровозы из депо в Мьичине потянули длинные составы с оружием и другими грузами на юг — к Мандалаю. У китайской границы, на крайнем севере Бирмы китайский экспедиционный корпус атаковал японцев при поддержке дислоцированной в Китае американской авиации. В ожесточенных боях китайцы шаг за шагом двигались вперед, освобождая пространство для идущих из Ледо бульдозеров и строивших дорогу саперов. Китайцы несли большие потери в горах осталось 19 тысяч погибших. Но в конце января 1945 года план Стилуэлла осуществился: первый транспортный конвой покатился из Ледо через Бирму в китайский Чунцин. Сухопутное соединение между Индией и Китаем снова было обеспечено.

В это время младший капрал Томлин в первый раз после долгого марша растянулся на циновке в свайном домике. Это был сезон сухой жары, и Томлин со своим отделением воспользовался шансом вымыться с мылом, смазать тело маслами и побриться. Теперь он был всем вокруг доволен, потому что Нугунг ко всему прочему изобилию притащил еще из полкового штаба очень запоздавший рождественский подарок — бутылку индийского рома и по паре консервных банок на каждого: ананасовый компот, консервированное мясо из Чикаго и богатое витаминами фруктовое пюре.

Маленький мальчик из деревни, которому Томлин подарил банку консервированного мяса и горсть табаку, сидел у него за головой и обмахивал его веером, стараясь избавить капрала от жары. К тому же ни одна муха не могла приблизиться к лицу Томлина и нарушить его покой. Снаружи кудахтали куры, под домом хрюкали свиньи. Издалека было слышно пение птиц. Там и тут слышался звон металла, когда саперы, отмывая в реке свои инструменты, ударяли ими о камни.

Нугунг поднялся по бамбуковой лестнице в хижину и осматривал спящего капрала. Удивленно он проворчал:

— Без бороды он совсем не похож на настоящего солдата.

Затем он спустился вниз. Все-таки был объявлен пусть короткий, но заслуженный привал, и гурка хотел этим воспользоваться. Девушкам в деревне нравились ароматные сигары солдат и не только они одни. Это было известно. Так что отдых можно было наполнить интересными приключениями. Кто знает на войне, как долго солдату доведется этим воспользоваться.

Цель — Мандалай

Когда Чиндуин был преодолен, перед наступавшими союзниками открылось огромное плоскогорье, на восточной стороне которого лежит город Мандалай. Сто пятьдесят километров без горных хребтов, без оврагов и без мулов, которых приходилось по одному старательно спускать на канате. Вместо этого земля, где выращивается рис, маниока и другие злаки, между полей — кусочки джунглей, маленькие деревни, разбросанные по плоскости поселения с малочисленными хижинами, в большинстве все еще нежилые. Но вот дороги были не намного лучше, чем те, к которым они привыкли в горах.

Жаркое, сухое время, на которое пришлось наступление союзников, требовало от солдат не меньше усилий, чем раньше муссон и горы.

Генерал Слим получил из штаба четкие приказы: разбить все японские войска на плоскогорье и в самом Мандалае и продвигаться на юг, чтобы освободить Рангун еще до начала ближайшего муссона. Когда его 14-я армия достигла плоскогорья, до муссона оставалось около трех месяцев.

Чтобы последний удар по Рангуну был успешным, было принято решение одновременно начать наступление на до сего момента" спокойном" фронте в Аракане, чтобы захватить позиции, с которых могли бы действовать ВВС, а также десантироваться с моря сухопутные части. Для этого в индийские гавани поставлялось все больше машин-амфибий, которые больше не нужны были в Европе после успешной высадки союзников в Нормандии. Внезапно Япония оказалась атакованной в Бирме с двух фронтов, и ей было тяжело своевременно маневрировать и перегруппировывать свои войска.

— Дома как раз устанавливают рождественскую елку, — этими словами командир полка Эрика Томлина начал свою рождественскую речь, но потом сразу же продолжил, — но нам придется от этого отказаться. Противник еще не разбит окончательно, хотя в Европе дело уже очевидно идет к концу. В Бирме нам доведется воевать еще месяцы, и если нам будет сопутствовать удача, то пламя войны погаснет и здесь. Уже в ближайшие дни нам предстоит форсирование Иравади, трудное дело…

Томлин не узнал из слов командира ничего нового. С Нугунгом и двумя другими гурками он дни напролет выходил на патрулирование к большой излучине реки Иравади и разведывал местность вокруг Пакхоуку, в 150 километрах к юго-западу от

Мандалая. То, что корпус, в котором они служили, вообще находился так далеко на юге, было частью маневра окружения. Этот охват задумал генерал Слим, чтобы переиграть своего противника, японского генерала Кимуру.

Кимура со своими мобильными подразделениями приготовился к бою не непосредственно за Чиндуином, как, собственно, и ожидал Слим. Вместо этого японцы отошли за естественный барьер реки Иравади к Мандалаю. У Слима было пять дивизий, но Кимура за Иравади смог собрать восемь дивизий, которые он умелым маневром разместил на удобных позициях у Мандалая и тем самым серьезно мог бы угрожать переправе через реку. Так что Слим приказал 33-му корпусу продолжать наступать на Мандалай с севера и с запада, но 4-й корпус двинулся в обход на юг, чтобы перейти реку у Пакхоуку, где японцы вряд ли ожидали переправу, и сразу наступать на Мейтхилу. В этом последнем большом транспортном узле японцев перед Рангуном сходились различные транспортные артерии и находились набитые под завязку склады. С захватом Мейтхилы было бы прервано все снабжение Мандалая, а если бы пал и этот город, то японские войска внезапно очутились бы между 31-м и 4-м корпусами, не имея никаких возможностей для маневра.

План Слима был рискованным, ведь 4-му корпусу пришлось бы пройти при этом охватывающем маневре более 400 километров, и это все с двумя дивизиями и одной бронетанковой бригадой, которым, кроме сопротивления японцев, пришлось бы столкнуться с трудным продвижением по узким латеритовым дорогам, сравнимым в лучшем случае с полевыми тропами.

Кроме того, приходилось учитывать, что основную базу снабжения в Индии и наступающие войска разделяли уже больше 600 километров. Так что оставалось надеяться только на авиатранспорт, но и ему приходилось все труднее из-за слишком больших расстояний. Но английские саперы нашли выход. Они сделали транспортным путем реку Чиндуин, изготовив из древесины прибрежных лесов большие грузовые плоты, буксировавшиеся быстро «организованными» моторными катерами на юг, и загрузив их нужными грузами. Это был самый смешной флот, когда либо ходивший по рекам, но он прекрасно справился со своими задачами. Солдаты благодарно окрестили его Chindwin-Navy ("чиндуинские ВМС"). Один плот мог везти до 10 тонн груза. Два прибывших из Калькутты катера, вооруженных автоматическими пушками «Бофорс» и Эрликон" прикрывали плоты на случай возможных японских засад.

Японцы не смогли своевременно разгадать трюк Слима,

стратегическое и тактическое мышление у них было намного консервативнее, чем у англичан. Но они ошиблись еще в одном. Слим организовал из одного места севернее Мандалая радиопередачи, симулирующие работу штаба армии, и эта дезинформация создала у японцев впечатление, что атака на Мандалай будет с северо-запада.

Затем авиаразведка доложила, что Кимура концентрирует свои войска к северу от Мандалая. Обманный маневр Слима обещал успех.

Река Иравади представляла собой в этой местности ленивый поток шириной с три километра, с крутыми берегами, особенно в некоторых ущельях. В зависимости от глубины то там, то тут образовались большие и маленькие отмели, препятствующие переправе. Не смотря на все сложности войска Слима преодолели эту преграду севернее Мандалая и захватили плацдарм близ маленького городка Сагайин, вначале не принятый японцами всерьез. 19-я дивизия форсировала реку в середине января у Сингу, тоже к северу от Мандалая, и в середине февраля удалось, наконец, и 20-й дивизии захватить плацдарм южнее Мандалая.

Японцы недооценили опасность, потому что войска на захваченных ими плацдармах вели себя вначале абсолютно тихо и не проявляли никаких признаков подготовки наступления. Так что японцы боролись с ними только в виде местных стычек, что совсем не влияло на позиции союзников на восточном берегу Иравади. Маневр Слима был неверно понят его японским соперником генералом Кимурой. Кимура посчитал форсированный марш к югу обманным маневром и продолжал ожидать главный удар с севера и с северо-запада. Но там он видел лишь относительно слабые плацдармы. И как раз такое впечатление хотел у него создать генерал Слим.

Эрик Томлин вернулся с одного из последних патрулирований в районе Пакхоуку и доложил обстановку командиру 7-й дивизии генерал-майору Эвансу. Именно этой дивизии предстояло наступать в первом эшелоне. Еще молодой генерал уселся с Томлином в джипе, разложил карту на коленях и слушал, как капрал, старшего брата которого генерал знал лично, резюмировал свои наблюдения:

— В Пакхоуку все спокойно, но в нем полно войск. Они там подстерегают нас. Как только мы окажемся на другом берегу, они повылазят, как грибы из земли после дождя, если Вы понимаете, сэр, что я имею в виду.

— Я понимаю, — ответил Эванс. — Это означает большие потери, прежде всего, потому что наши переправочные средства не обладают достаточно высокой скоростью. Сколько там

японцев, как Вам кажется?

Услышав, что их там один или два полка, исходя из количества грузовиков, стоявших далеко за городом, Эванс крепко призадумался. Но у Томлина было готовое предложение. Он показал пальцем на маленький населенный пункт всего в 15 километрах к югу от Пакхоуку. — Ньяунгу. Гнездышко пусто. Гурка Нугунг переплывал реку на маленьком бамбуковом плоту. Он сообщал, что там всего-навсего пара военных полицейских, обычная охрана деревни. Но самое важное, что между Ньяунгу и Пакхоуку нет прямой дороги. Если мы поторопимся…

— Гурке не стоило бы переплывать реку в одиночку, — заметил Эванс.

Но Томлин ответил:

— Сэр, я прикрывал его. Этот горец был готов на все, лишь бы доказать, что не боится воды. Пожалуйста, учтите это. И… Я хотел еще сказать, он рассказывал мне, во всем Ньяунгу нет ни одной японской уборной, не говоря уже о пулемете.

Он с любопытством поглядел со стороны на командира. То тс усилием подавил ухмылку, а затем начал изучать дорогу, ведущую в Ньяунгу с этой стороны реки. Задумчиво он сказал:

— Ваш неосторожный плавучий гурка, возможно, указал нам на решение.

Было 13 февраля 1945 года. Эванс уже обсудил все необходимое с генералом Слимом. Вечером он присел возле радиста и заставил его раз за разом уточнять, может ли он быть уверенным в помощи истребителей-бомбардировщиков. Его заверили, что погода не будет препятствовать полетам.

Эванс умышленно отказался от использования тяжелых бомбардировщиков, не желая настораживать противника. Пара истребителей-бомбардировщиков японцев не напугает, по крайней мере, за первое время.

На рассвете 14 февраля вылетевшие еще ночью из Ассама истребители-бомбардировщики пикировали на берег напротив Ньяунгу, пока передовые подразделения 7-й дивизии на бесчисленных и очень странных, на первый взгляд, плавсредствах начали форсирование реки. Пехотинцы взбирались на высокий берег под огнем нескольких быстро всполошившихся японцев, но наступление уже нельзя было остановить. 7-я дивизия ступила на восточный берег.

Японские подкрепления не подошли, так как в тот же день и 19-я дивизия начала наступление со своего плацдарма по направлению к Сингу. Обманный маневр удался. Из-за того, что Кимура думал, что именно здесь и произойдет давно ожидаемое им наступление, он сконцентрировал свои войска против 19-й

дивизии и упустил из виду, что в это же время 20-я дивизия переправилась через реку южнее Мандалая. Быстрее, чем могли предположить японцы, союзники расширили свои плацдармы. Генерал Слим перебросил через Иравади три дивизии, и еще две ждали приказа на форсирование.

На юге, на участке 7-й дивизии Эванса, через реку быстро переправили бронетанковую бригаду, за которой последовала 17-я дивизия. Немедленно началось наступление на Мейтхилу. На такой поворот событий генерал Кимура вовсе не рассчитывал.

Танкам 17-й дивизии потребовалось ровно 85 часов, чтобы достичь аэродрома в Мейтхиле. Эрик Томлин был одним из первых, увидевших расстрелянные японские самолеты. Нугунг сидел на танке и курил, пока бой достигал своего апогея. Ему было ясно, что он и так внес свой вклад в победу уже тем, что разведал место переправы.

Японцы были полностью ошеломлены. Они, правда, фанатично защищали каждую позицию, но когда для усиления атаки прилетела 5-я воздушно-десантная дивизия, и ее свежие солдаты с «базуками» и огнеметами атаковали их, сопротивление японцев начало постепенно затухать.

Японский комендант Мейтхилы, генерал-майор Касуйя, погиб в бою, который в городе велся преимущественно штыками и ручными гранатами. На горящих улицах лежали погибшие или умирающие японские солдаты, многие разорваны гранатами на куски, другие обугленные пламенем огнеметов. Пленных было очень мало, в основном тяжелораненые. Днями над городом висел черный дым, потому что японцы успели взорвать большую часть своих складов. С падением Мейтхилы была предопределена и судьба Мандалая. Японские войска попали под удар нескольких атакующих клиньев, устремившихся на них с разных сторон, потому самое фанатичное их сопротивление все в большей степени превращалось в безысходную оборону последних позиций.

После удачной переправы у Ньяунгу генерал Слим собрал силы для последнего удара по Мандалаю. Это было 19 февраля. У Слима уже было три полных дивизии на восточном берегу реки, еще две были готовы присоединиться к ним. А с юга от Мейтхилы наступала 17-я дивизия.

После приказа о наступлении 19-я дивизия двинулась со своего плацдарма у Сингу дальше на юг. Через три недели ожесточенных и кровопролитных боев она ночной атакой смогла захватить последнюю позицию противника на холме к северу от Мандалая. Там теперь на закате солнца лежали достаточно уставшие солдаты и с удовольствием смотрели на древний город

бирманских королей с его белыми, позолоченными пагодами. Честолюбивое желание первыми войти в город получило новую подпитку при виде его древних святынь, залитых солнечными лучами. Генерал Рис, командир 19-й дивизии как раз говорил своему адъютанту:

— Эти типы уселись в каждой из этих пагод, в каждом ларце, даже под ними у них бункеры. Нам нужно буквально штыками выщекотать их оттуда поодиночке, — как вдруг заметил, что пуля японского снайпера убила адъютанта. Он просто упал как подкошенный, пуля попала ему прямо в лоб. Рис любил Бирму и ее памятники культуры со времен своей службы здесь военным атташе при генерал-губернаторе. Собственно, именно здесь, в Мандалае, он очень хотел пощадить их. Но он больше не мог ждать, ведь японцы могли переформироваться. С тяжелым сердцем генерал приказал атаковать.

Одновременно с запада ударили 20-я и 2-я дивизии. Первой целью была ратуша с туннелем под ней. Саперы закатили во входы в туннель бочки с горящим бензином. так что защитникам оставалось только два выхода: сдача в плен или самоубийство.

Как столь часто в этой войне, здесь проявилось воспитание японского солдата — не прекращать борьбу в самой безысходной ситуации и не подымать руки верх. Они укреплялись на последних руинах, отстреливались до последнего патрона и чаще всего теряли при этом свою жизнь.

Последним препятствием на пути солдат 19-й дивизии, прозванной из-за ее эмблемы "Кинжальной дивизией" был Форт-Дафферин, старинная цитадель с толстыми глинобитными стенами. Генерал Рис, которого любой мог узнать издалека по ярко-красному нашейному платку, медлил с фронтальным ударом, хотя и стянул к месту атаки достаточно артиллерии. Перед ним находился бирманский памятник культуры, хорошо знакомый ему даже изнутри. Тут он вспомнил о подземном канализационном канале, который вел прямо в центр сооружения.

— Саперный взвод ко мне! — приказал он лейтенанту, сменившему его погибшего адъютанта.

С саперами генерал беседовал долго и даже по памяти нарисовал несколько чертежей. Затем он отпустил взвод до наступления темноты. Солдаты получили резиновые костюмы, подходящее оружие, взрывчатку и взрыватели. Через час после захода солнца, под звуки продолжавшегося артиллерийского обстрела и треска винтовочных выстрелов, похожих на удары плетью, саперы пролезли во вход в канал и вброд шаг за шагом двинулись по грязи, сгибаясь все ниже, чтобы оставаться

незамеченными и одним коротким ударом занять цитадель. Рис приказал обращаться со старинным сооружением как можно аккуратнее.

Внезапно ситуация изменилась. Огонь из Форт-Дафферина утих и постепенно совсем прекратился. Из форта вышла фигура в бирманском саронге, размахивая белым флагом, и двинулась к линиям атакующих. Как выяснилось, это был молодой бирманец, служивший переводчиком у японцев. Во время окончательной фазы боев ему удалось спрятаться. Теперь он просто сбежал. Рис очень удивился, узнав, что японцы покинули форт тайными тропами, чтобы маленькими группами пробиться через город.

Он не медлил. Человеку этому, казалось, можно было верить. Потому был послан штурмовой отряд. Солдаты перелезли через глинобитную стену и начали внутри форта поиск японцев. Но их там уже не было. Вместо этого, отряд утром столкнулся с саперами, перепачканными грязью и дерьмом и источающими ароматы канализации, которые тоже безуспешно искали противника.

В первой половине дня 21 марта 1945 года солдаты 19-й дивизии водрузили британское знамя над Форт-Дафферином. Город был взят, хотя отдельные группы японцев все еще отстреливались среди руин. День за днем с ними боролись солдаты 19-й, а затем и подошедших 2-й и 20-й дивизий, пока шум боя не утих окончательно.

Мандалай пал. Южнее города, по направлению к Мейтхиле, остатки японских войск, когда то контролировавших всю центральную Бирму, попали во все теснее сжимавшиеся клещи.

Эрику Томлину со времени взятия Мейтхилы мало удавалось отдохнуть, потому что он и несколько гурков, все опытные ветераны 17-й дивизии, постоянно занимались разведкой. Но им теперь не нужно было все время ходить пешком: разведывательное подразделение получило танки «Валентайн». И на одной из таких машин, стальные бронелисты которой под солнцем накалялись как духовка, Томлин, Нугунг и еще один гурка уселись за башней с небольшой пушкой. Им нужно было провести разведку в деревне, в которой, как утверждали бегавшие вокруг бирманцы, еще оставались японцы.

Доехав до одной хижины на сваях, Томлин спрыгнул с танка и пробрался вперед. Оба гурки прикрывали его.

По знаку Томлина Нугунг последовал за ним, другой гурка продолжал прикрывать. Ничего не было слышно, кроме пения птиц из леса. Казалось, что здесь даже нет кур и свиней. Но хижины были в порядке. Только одна из них упала. Похоже, ее сваи прогнили и теперь торчали в разные стороны.

На лице гурки было озабоченное выражение. Наконец он заметил:

— Что-то не нравится мне все это. У меня мурашки ползут по спине.

— Это пройдет, как только ты снова залезешь на раскаленную бронеплиту танка.

Но Нугунг покачал головой:

— В деревню, в которой больше нет японцев, обычно возвращаются жители. А тут нет. Почему?

Подошел второй гурка и сухо сказал: Потому что тут стоит пушка.

— Где? — насторожился Томлин.

— Присмотритесь, но только не подавайте виду, — напомнил гурка. — Одна из свай этого обрушившегося дома вовсе не свая. Это труба.

Тут и у Томлина мороз прошел по коже. Теперь и он видел трубу. Ствол? Пушка? А есть ли у нее расчет или он сбежал?

— Назад, — прошипел он сквозь зубы. Они пошли, будто бы ничего не заметив, назад к танку, стоявшему перед деревней, откуда еще нельзя было увидеть обрушившийся дом. Когда они рассказали об этом командиру танка, тот сначала обругал маленький калибр своей пушки, но потом сказал:

— Залезайте наверх, мы еще раз посмотрим на эту штуковину, но со стороны.

"Валентайн" вертелся между первых домов, пока командир танка не разглядел странную трубу. Он отъехал в сторону и присмотрелся, будет ли труба поворачиваться. И — смотри-ка — она последовала за танком, поворачиваясь медленно, но отчетливо.

Томлин одним прыжком соскочил с танка и покатился между парой банановых деревьев. С другой стороны спрыгнул второй гурка. Нугунг, присев за башней, кажется, чего-то ждал.

И в эту секунду из трубы вырвалась яркая даже при свете дня вспышка. Снаряд ударил точно в башню возле пушки и сорвал башню. От удара Нугунга сбросило с танка, а затем неразорвавшийся снаряд безвредно упал в кустарник.

Томлин выстрелил первым и по дымному следу понял, что залп его был направлен верно, как раз туда, где должен был находиться расчет пушки. Из танка выпрыгнули две фигуры. Один из танкистов вытаскивал погибшего командира. Он был в башне, когда в нее попал снаряд. Вырванная из крепления башня сломала ему шею.

Вчетвером они окружили спрятанную среди руин пушку, но со своим легким стрелковым оружием мало что могли с ней

сделать. Возможно, состоялась бы длительная перестрелка с неопределенным исходом, если бы вдруг сзади не появился второй «Валентайн». Его экипаж не стал долго раздумывать и открыл огонь по куче обломков из пулемета, пока там все не утихло. Томлин и другие нашли там двух мертвых японцев и остатки 75-мм пушки. Нугунг, о котором они почти забыли в суматохе боя, выполз к ним и с еще несколько оцепенелым видом поинтересовался, что тут, собственно, произошло.

Они усадили его на танк и перевезли на перевязочный пункт. После обследования он вышел из палатки, у которой его ожидали Томлин и другой гурка. Нугунг ухмыльнулся, как обычно, и пояснил:

— Удар в голову, больше ничего. Только шишка. Будет синяк.

Томлин от облегчения так сильно ударил его по плечу, что тот взвыл. Но со смехом согласился, когда Томлин сказал:

— Если у тебя ничего нет, кроме шишки, то служи, как раньше. Тогда ты увидишь окончание войны и соберешь еще много самурайских мечей в самом Токио!

После окончательной победы под Мейтхилой и Мандалаем генерал Слим прилетел в штаб-квартиру к Маунтбэттену и доложил там обстановку.

В этот раз он впервые узнал подробности начавшейся той же зимой кампании в Аракане, которая вместе с операцией в центральной Бирме должна была привести к освобождению Рангуна и окончательному изгнанию японцев из Бирмы.

В Аракане в то же время, когда Слим прорывался к Мейтхиле и Мандалаю, проходила не менее важная операция. Под командованием генерала Кристисона 15-й армейский корпус при сильной поддержке с воздуха начал продвижение на восток по суше и по воде. В боях участвовали две индийские и две западноафриканские дивизии, 22-я восточноафриканская бригада и 50-я бронетанковая бригада, поддерживаемые 224-й авиагруппой королевских ВВС. Кроме них, воевали подразделения маленьких быстроходных боевых катеров, «коммандос» морской пехоты и вообще все, что могло плыть по воде, собранное в гаванях и на побережье Бенгальского залива.

После доклада Слима Маунтбэттен обрисовал ему ход предшествующих боев в Аракане. _ Мы, в основном, подготовили наши войска к снабжению по воздуху, мой дорогой Слим, но теперь это требует от нас дополнительных арифметических расчетов. Расстояние от баз до наступающих войск увеличивается с каждым днем. Радиус полета транспортных самолетов составляет около 400 километров. Мандалай, к примеру, это последняя позиция, куда могли долетать самолеты с грузами из

Манипура. Мейтхилу приходилось снабжать уже из Читтагонга. Если мы хотим наступать дальше на юг — а как раз этого мы и хотим — нам уже сейчас нужно использовать аэродромы в Аракане для осуществления подвоза. Мы предвидели такую ситуацию и потому продвинулись в Аракане вперед, насколько это было возможно и либо обеспечили свой контроль над уже существовавшими там аэродромами, либо построили новые.

Первой атаке подвергся Акьяб, остров южнее полуострова Майю. Войска Кристисона высадились на южном берегу. В Акьябе дислоцировались три японских батальона, пока частям Кристисона не удалось закрепиться и наступать и на материке. Тогда японское командование быстро перебросило два батальона из Акьяба на материк.

Но это привело к тому, что английская атака на Акьяб буквально опрокинула японцев. Они еще успели отвести третий батальон, чтобы не потерять его полностью. Таким образом, уже 3 января остров был в руках союзников, а с ним — один из самых важных аэродромов в этом регионе.

Дальнейшее наступление по суше столкнулось с огромными природными препятствиями, с которыми, правда, трудно приходилось и японцам. Прибрежный ландшафт, переходивший в густые мангровые болота, частично заливался приливами. При отливе оставалась грязевая пустыня, трудно проходимая, полная крокодилов, москитов и скорпионов. Ужасные трудности сопровождали наступление, ведь приходилось бороться не только с природой, но и с повсюду подстерегавшими в засадах японцами.

Но наступление продолжалось, в буквальном смысле совсем не считаясь с собственными потерями. К этому толкали два фактора, которые были известны каждому офицеру: войска генерала Слима, наступавшие от Мейтхилы на Рангун задавали темп, с которым оборонявшихся японцев зажимали гигантские клещи обеих армий. Японцев следовало лишить возможности действовать, а потом вести бои уже без потерь.

Кроме того, свои лимиты устанавливало время года. В середине мая муссон залил бы поле битвы в Аракане своими дождевыми бурями и втрое усложнил бы любое продвижение. Если не нанести японцам до этого такие потери, чтобы они были вынуждены оставить Рангун, то война продлится еще год. А после падения Рангуна перед союзниками открывался широкий путь, который закончился бы лишь в Сингапуре. А многие даже говорили, что в Токио…

Маунтбэттен своевременно принял решение о проведении в Аракане комбинированных операций на суше и на море. Для этого уже были технические предпосылки, а японцы об этом не

подозревали. Их разведка оставляла желать лучшего, чтобы уметь предвидеть действия так хорошо оснащенного и столь гибкого противника.

После Акьяба Кристисон утром 21 января силами 4-й и 7-й индийских пехотных бригад начал наступление на Рамри, большой остров, последний в цепи островов у побережья Аракана.

Наступление было быстрым, поскольку защитники острова ожидали атаки в другом месте и только там сконцентрировали сильную оборону. На земле они оборонялись упорно, но Кристисон вызвал к побережью эсминцы и канонерки, обстреливавшие позиции японцев. К ним присоединились самолеты с авианосца «Эмир», курсировавшего у острова. Под массивной бомбардировкой обороняющиеся отступили в восточную часть острова. Это и решило их судьбу. Они затерялись в болотах или погибли при попытках переправиться на материк на самодельных плотах.

Охота на отдельные очаги сопротивления продолжалась уже три недели, как однажды на одном из приливных каналов появился бамбуковый плот с белым флагом. На нем был японский военный врач, решивший сдаться.

— Я больше не могу видеть, как умирают раненые, — сказал он на ломаном английском, — я не могу вынести, как люди буквально голодают, как их косит лихорадка или цинга, превращая в скелеты.

— Сможете ли вы убедить капитулировать и ваших товарищей? — спросил врача один офицер. Доктор был готов обратиться к своим сослуживцам по мегафону.

Поэтому остаток дня по болотным каналам кружил катер, а врач зачитывал свое обращение. Результат был жалким. В конце концов, лишь 20 из 1000 разрозненных японцев подняли вверх руки.

Чтобы завершить операцию, болота Рамри подверглись бомбардировке и обстрелу из пушек, пока не угасло последнее сопротивление японцев. Это было в конце февраля. Саперы сразу начали строительство аэродромов.

В последующие дни поток грузов устремился к Акьябу и Рамри. На островах саперы строили маленькие порты, чтобы быстрее разгружать поступавшие грузы.

Генерал Слим получил представление о том, что происходит, когда штабной самолет провез его над побережьем до Чедубы, только что взятого крошечного островка.

— Спускайтесь! Спускайтесь до 300 метров! — потребовали у пилота по радио. Он последовал указанию и через какое-то время показал вверх, где через стеклянную крышу кабины был виден

нескончаемый поток четырехмоторных самолетов, идущих на восток в сопровождении истребителей.

— Рангун? — поинтересовался Слим.

— Нет, сэр, — покачал головой летчик. — Они громят японцев на железной дороге Сиам — Бирма. Четыреста километров через джунгли, горы и реки. 688 мостов, точно. Большую часть дороги они заставили строить наших военнопленных. Но "Эр Форс" сейчас устанавливает там непубликуемый мировой рекорд — ежедневно разрушают бомбами в среднем по 9 мостов. Японцы по ней уже не могут перевозить больше ста тонн грузов в день.

Когда Слим после полета явился к Маунтбэттену для получения приказа, тот налил ему виски и предложил тост. — За наш успех, Слим! В середине мая, когда муссон откроет небесные шлюзы, мы встретимся с Вами в Рангуне. Вы начнете наступление на Рангун немедленно, со всем, что у Вас есть и чего бы это ни стоило. Оставляйте японцев за собой. Действуйте быстро. Вас будут снабжать по воздуху. Не думайте о тыле. Прорыв. Если у Вас в тылу останутся японцы, то они все равно уже потерпели поражение, оставшись без транспорта и снабжения. А об их остатках позаботятся бирманские партизаны. Когда Вы ударите по Рангуну, мы ударим Вам навстречу с моря.

Он поднял бокал. Маунтбэттен, отдавая приказы своим генералам, порой просто забывал об обычных военных формальностях.

Операция «Дракула»

К востоку от Мейтхилы в те дни еще не было сплошного фронта союзников, когда маленькая группа отставших от своих японских солдат, пять человек, из них двое раненых, отходили по направлению к Тауджи. Они остались в живых после боев под Мейтхилой. Теперь они хотели только спасти свои жизни, чтобы снова воевать во славу императора или умереть почетной смертью, как предусмотрено духом «бусидо», кодексом чести самураев — старинной японской касты воинов, тем духом, которым их души пропитались с юности.

Несколько дней пробирались они по лесистым холмам, огибая деревни, в надежде, обойдя Тауджи, добраться до гор. За ними лежал Сиам, союзник Японии, хотя и не принимавший непосредственного участия в войне.

Пять мужчин были грязными и усталыми, голод крутил им кишки, и они страдали от поноса. Кожа их опухла, зубы были готовы выпасть, стоило им иногда откопать съедобный корень или надкусить дикий банан. Цинга.

Они не рассчитывали наткнуться на вражеские войска, когда однажды спрятались на пару часов в скалистом гроте, чтобы отдохнуть, немного полизать просачивающуюся сквозь стенки воду и дать собраться с силами обоим раненым. Англичане пришли с запада, а так далеко на восток они еще не успели бы добраться.

Они очнулись от сна, когда внезапно перед входом в этот не очень глубокий грот прозвучал выстрел. Японцы сразу схватились за винтовки. Свое оружие и пару ручных гранат каждый из них протащил с собой через все трудности этого ужасного бегства.

— Выходите! — крикнул кто-то на очень плохом японском. Возможно, абориген. Англичан легко узнать по тому, как они в нос проговаривали заученные японские фразы, вроде требования сдаться.

Лежавший у входа в грот солдат выстрелил, не целясь. Если снаружи крестьяне, то они, скорее всего, не захотят ввязываться в перестрелку с солдатами. Но вместо ответа прозвучал еще один выстрел, и голос потребовал:

— Выходите! Третий раз повторять не будем!

— Вы кто?

— Бирманская национальная армия. У вас есть еще шанс сдаться в плен.

Японцы решили немного посоветоваться. Потом они отцепили свои гранаты и выдернули чеку. Они были полны

решимости прорываться. Для этого они хотели взорвать гранаты у входа, а после взрывов атаковать. Даже оба раненых хотели участвовать в атаке.

Как только солдат у входа подал знак, остальные бросили свои гранаты на мгновение на дно грота. Ни у одной другой ручной гранаты в мире не было такого механизма, как у японских. После выдергивания чеки нужно было сильно встряхнуть гранату, чтобы заработал взрыватель с задержкой на 4 секунды. Они метнули гранаты одновременно. Прозвучал оглушительный взрыв. Осколки ударили о камни. Пять солдат, стреляя и крича "Банзай!" рванули из грота.

Они в замешательстве оглядывались по сторонам. Не было никого, кто мог бы стать целью для выстрела или удара штыком.

Вместо этого началась стрельба из винтовок с некоторого отдаления, где обломки скал создавали прекрасное укрытие.

Японцы сразу атаковали эти скалы. Но не продвинулись и на несколько шагов. Один за другим падали они, сраженные точными выстрелами. Лишь когда никто больше не шевелился, атаковавшие поднялись из-за скал. Это не были ни англичане, ни индийцы, ни африканцы, а аборигены. Одетые в саронги, вокруг голов повязаны традиционные бирманские платки. Группа из девяти человек с командиром, у которого даже был английский пистолет-пулемет. Они удостоверились, что японцы мертвы, забрали у них винтовки и оттащили тела в расселину между скал. Затем они засыпали их сверху камнями. Потом двинулись дальше. Вероятно, в окрестностях было еще много таких разрозненных групп японцев.

Когда японская оккупационная власть в Бирме начала распадаться, остатки императорской армии отступали на юг или на восток, под их ногами одновременно загорелась земля.

Сначала у бирманцев появилось чувство разочарования в этих захватчиках, которые сперва даже нашли сочувствующих в этой стране, поверивших японским лозунгам об освобождении от британского колониального диктата и обещаниям создания общеазиатской сферы взаимного процветания. Япония даже попыталась первоначально создать несколько вооруженных бирманских частей, но вскоре они были распущены, поскольку занимались больше мародерством, чем задачами, поставленными перед ними оккупационной военной администрацией. Японская империя не могла дать Бирме настоящую независимость. Бирманцы быстро поняли, что из подданных Англии они превратились в подданных Японии. Это дало новый импульс развитию национального чувства. «Такин», союз патриотично настроенных бирманцев, возглавляемый Аун Саном, собрал

множество сторонников. Одновременно существенно изменилась и колониальная политика Великобритании. Англичане стали рассматривать свои бывшие колонии в будущем как своего рода содружество государств, с на первом этапе еще контролируемым бывшей Империей суверенитетом. Британское правительство потому через своих контактных лиц дало новому направленному против Японии патриотическому движению обещание освободить Бирму после войны от какой-либо опеки. Британские агенты, которые с 1944 года контактировали с Аун Саном, выдающимся лидером этого движения, получили от него согласие на поддержку при этих условиях вооруженными бирманскими формированиями военных усилий союзников против Японии. Эта поддержка выражалась сначала в форме открытого и скрытого сопротивления, от саботажа до сбора и передачи развединформации. Но теперь, весной 1945 года, Аун Сан располагал в своей стране уже более чем семью тысячами бойцов — военной силой, которую нельзя было недооценивать.

Маунтбэттен, известный как реалист, не смущался тем, что тот самый Аун Сан перед японской агрессией агитировал бирманцев против британских колониальных властей. Он незаметно заботился о том, чтобы партизанам доставалось трофейное японское оружие и посылал к ним офицеров связи, чтобы координировать с ними отдельные операции.

В Лондоне этот подход был воспринят позитивно. Бойцы Аун Сана наносили японцам все большие потери, они нападали на конвои и посты, но, прежде всего, они разрушали дороги, мосты и телефонные кабели. Перед Англией возникла перспектива освободить захваченную врагом колонию с активной помощью ее самого сильного в военном и политическом плане движения, чтобы в будущем самой отказаться от своих колониальных прав в ней.

Генерал Слим после возвращения в войска немедленно начал выполнять приказ Маунтбэттена. Главная часть его механизированных войск наступала вдоль ведущей на юг дороги и проходящей параллельно к ней железнодорожной магистрали в направлении к Таунгу, не задерживаясь перед локальными узлами сопротивления. Большие бои возникали лишь в тех случаях, когда японцы непосредственно пытались помешать быстрому продвижению.

Пьяубуэ, станция на этой дороге, тщательно заминированная японцами, была захвачена очень быстро благодаря усилиям саперов, сделавших проход через минные поля.

Одновременно другие войска Слима наступали от Мейтхилы, сделав крюк на запад, на Проме, отрезав, таким образом,

нефтяные поля Енанджауна с юга. В обоих случаях Слим вытеснил японцев на территории между транспортными артериями, лишив тем самым их мобильности, и так уже недостаточной, потому что из-за налетов низколетящих самолетов союзников они теряли все больше автомобилей.

Часто на плоских площадках, куда "Эр Форс" направляли свои С-47 и грузовые планеры с военными грузами, еще шли бои в то время, когда первые самолеты уже приземлялись. Стратегия прорыва союзников совсем запутывала японцев, не давая им опомниться, хотя, собственно сама тактика ведения боя в движении была им давно знакома. Ведь в начале своего похода именно японцы мастерски ею пользовались. Но теперь у них просто не было средств, которыми они могли бы противостоять союзникам.

Эрик Томлин и гурка Нугунг по-прежнему оставались в разведывательном подразделении. Томлину нравилось сидеть на танке и с грохотом нестись по дороге, когда встречный ветер немного смягчал невыносимую жару. Иногда долгое время проходило без единого выстрела. Они оставляли позади себя один поселок за другим. Часто на краю дороги уже стояли бирманцы и робко кивали. Нередко на некотором удалении и тоже на юг пробирались разрозненные группки японцев, стараясь не быть замеченными противником на дороге. Обе армии хотели вернуться в Рангун: одна, чтобы спастись, другая, чтобы взять этот город.

Утром 22 апреля передовой отряд на танках достиг города Таунгу, в прежние времена важного коммерческого центра, в котором даже за время оккупации жизнь не замерла полностью. Нугунг хотел пить. Он подождал, пока первый танк, на котором сидел Томлин, остановится, чтобы быстро проскользнуть в один из домов и принести воды.

— Посмотри-ка! — услышал он крик капрала. Он проследил взглядом за указующей рукой Томлина и не поверил своим глазам. Перед танком, гремевшим по достаточно широкой улице, на перекрестке стояла тумба, а на ней японский военный полицейский в чистом мундире, регулирующий жестами рук движение.

Танку он показал тыльную сторону ладони: Стоп!

Томлин засмеялся и поднял свой «Стен». Но до стрельбы не дошло. Механик-водитель танка преодолел свое удивление, дал газ и переехал японца с его тумбой.

— Бьюсь об заклад, — сказал гурка, — он вообще не заметил, кто мы такие!

Пара пушек, все еще стрелявших, пара снайперов, которые

ничего не могли сделать с быстро продвигающейся колонной. Японская система коммуникаций в оккупированной Бирме была разрушена, войска понятия не имели, где находится противник, и что он атакует.

В конце апреля авангард на танках захватил оборонительную позицию японцев у города Пегу. Здесь пришлось остановиться, потому что японцы послали из близлежащего Рангуна подкрепления, чтобы задержать дальнейшее продвижение союзников. И лишь тут Нугунг добрался до большого бидона с водой, смешанной с ароматным соком сахарного тростника. Напившись, он передал бидон Томлину с довольной усмешкой и словами:

— Этого хватит до конца войны!

Над городом кружил маленький самолет, в котором сидел генерал Слим. С воздуха он мог видеть, как войска на западном фланге его армии остановились перед Проме, готовясь к штурму. Между этими войсками и частями, наступавшими из Аракана, уже был установлен непосредственный контакт. Генерал с воздуха наблюдал и за Рангуном. Он видел пожары и в некоторых местах скопления войск, в том числе и в гавани. Между Пегу, где находился его авангард, и Рангуном было еще сто километров.

— Да что это там! — прорычал он, не подумав, что его шлемофон включен. Летчик неправильно понял вопрос и ответил:

- «Харрикейн», сэр. Три из них прикрывают нас, на тот случай, если где-то тут есть аэродром с японскими «Зеро».

Его замечание касалось машины, летевшей на некотором удалении по диагонали к ним и сейчас заходившей на крутой вираж. В самолете сидел капитан Тим Слайверс, летавший на такой машине еще с самого начала войны. Ее крылья слегка блеснули на солнце, когда он пролетел мимо самолета Слима.

— Но зачем он занимается этим высшим пилотажем? — хотел узнать генерал.

Пилот показал на датчик топлива и ответил:

— Время поворачивать назад, горючка наполовину закончилась, сэр.

Слим согласился. Он увидел достаточно. Как раз пришло время узнать у Маунтбэттена о развитии операции по освобождению Рангуна ударом с моря.

После посадки в Акьябе Тим Слайверс очень тщательно осмотрел машину и увидел несколько пробоин в задней части фюзеляжа.

— Зенитка, — сказал он, когда, сидя в столовой полевого аэродрома, переделанной из бывшей палатки японского склада, пил довольно разбавленное индийское пиво, и к нему подсел

Соундерс, все еще летавший на «Москито» на воздушную разведку.

Слайверс закурил. — Я думаю, японцы хотят защищать Рангун в ста километрах севернее. Туда свезли много всякого оружия и грузов. Я заметил попадания. Но генерал, несомненно, ничего не почувствовал в своей «этажерке», хотя в нее тоже попали. Если судить по дымному следу.

Они оба знали, что война в Бирме близится к финалу. Сто километров это не расстояние для боеспособных моторизованных войск. А у японцев уже не было почти никакой возможности использовать самолеты. Мингаладон, аэропорт Рангуна, был последним аэродромом, которым еще можно было пользоваться. А до аэродромов в Таиланде было слишком далеко.

— Завтра мне снова в полет над Рангуном, — заметил Соундерс. — Большие корабли десантного флота должны быть далеко из-за прибрежного мелководья. Сегодня над Элефант-Пойнтом десантировали с парашютами батальон гурков, и они, похоже, взяли дело в свои руки, судя по тому, что я там увидел. Ты еще помнишь Элефант-Пойнт?

— Я там частенько буксировал мишени для зениток, — ответил Слайверс и заказал еще пива.

Элефант-Пойнт был своего рода замком — фортом, запиравшим устье реки Рангун, восточного рукава Иравади, впадавшей в залив Мартабан. Скопление бетонных блоков и открытых артиллерийских позиций, блокировавшее подступы к городу со стороны моря.

Японцы до последнего времени держали там достаточно крупную воинскую часть. Теперь их концепция обороны полностью развалилась. Генерал Слим узнал об этом, когда беседовал с Маунтбэттеном о ситуации, сложившейся сейчас на побережье перед Рангуном.

Десантная операция готовилась много недель. Для ее поддержки даже были вызваны соединения крупных кораблей, но из-за недостаточной глубины в полном ила и грязи устье реки им пришлось оставаться далеко от берега. Видимо, из-за какой-то навязчивой идеи штаб выбрал в качестве условного названия этой операции слово «Дракула». Большинство простых солдат наверняка понятия не имели, что означает «Дракула».

Сначала несколько сотен гурков были десантированы с воздуха на парашютах в районе Элефант-Пойнта, который до этого был накрыт искусственной дымовой завесой. Примерно батальон почти неутомимых бойцов, одних из наилучших в армии. Но их задача по овладению фортом оказалась не самой сложной в сравнении с тем, через что они уже успели пройти в

Бирме.

Через дым от дымовых бомб навстречу им бил лишь сравнительно слабый огонь обороняющихся. Гурки немедленно начали поливать укрепления из огнеметов, после того как их минометы «вспахали» местность. В амбразуры бункеров летела взрывчатка, за нею следовали языки пламени, вырывавшиеся из огнеметов. Но к удивлению гурков сопротивление японцев оставалось слабым.

Объяснение нашлось после того, как маленькие солдаты из Непала подорвали бункер и вошли в него. На этой ключевой позиции, защищавшей реку Рангун и с нею весь порт от нападений с моря, было всего тридцать семь японцев. Только один из них выжил, да и тот раненый.

От этого японца гурки узнали, что верховное командование уже несколько дней назад, когда создалась угроза Пегу, перебросила туда из Рангуна свой столичный гарнизон. Японцы, похоже, совсем не рассчитывали на десант с моря и пытались отразить наступление противника у Пегу, чтобы обеспечить себе путь отхода в Сиам.

На самом деле десантирование 26-й индийской дивизии, ждавшей сейчас на транспортах у побережья приказа грузиться в десантные катера, было одной из сложнейших морских десантных операций за всю войну. Из-за недостаточной глубины, не позволявшей подойти близко к берегу, соединения тяжелых кораблей вынуждены были стать на якорь в пятидесяти километрах от берега. Это означало, что корабельные пушки большей частью никак не смогут оказать десанту огневую поддержку до и в ходе высадки, а также очень существенно удлиняло путь десанта до побережья. Расстояние это превосходило ширину пролива Па-де-Кале между Дувром и Кале — поездка длительностью пять часов в десантных катерах по неспокойному морю. Когда солдаты карабкались в катера, разразилась еще и сильная грозовая буря. Большинство страдало от морской болезни, а если нет, то промокли до костей.

В это время они еще не знали об исходе боя гурков-парашютистов у Элефант-Пойнта.

Перед полуднем 29 апреля 1945 года уинг-коммандер Соундерс в очередной раз осматривал крылья своего «Москито». Из штабной палатки к нему подошел его напарник, наблюдатель лейтенант Стивенс. Стивенс был моложе Соундерса, но страшно страдал от духоты, непосредственно предшествующей муссону. Воздух казался буквально заряженным электричеством.

Стивенс залез в кабину и поторопил его:

— Ну, давай, нам нужно охладиться!

Соундерс немного подождал. В таких полетах не однажды случалось, что незаметно для себя получишь пробоину. Стоит наземному персоналу ее тоже не заметить, и следующий полет может обернуться катастрофой.

— Тебе следовало попросить перевести тебя в Гренландию, — посоветовал Соундерс своему наблюдателю. — Этого бы тебе хватило, чтобы освежиться!

Он не нашел в «Москито» пробоин, и после взлета почувствовал облегчение, когда вентилятор наконец начал закачивать в кабину прохладный воздух.

Пролетая над Мингаладоном, аэропортом Рангуна, Соундерс после испытующего взгляда недоверчиво наклонил вниз голову и спросил по внутренней связи своего наблюдателя:

— Зенитки?

— Не видно, — последовал ответ.

— Их там нет! А самолеты?

— На земле нет. В воздухе тоже нет.

— Ну и что это значит? — встревожился Соундерс. Аэропорт этот был одним из последних, еще остававшихся в руках японцев. Неужели это обманный маневр?

— Война окончилась, а мы не услышали последнего выстрела, — поддразнил наблюдатель.

— Я тебе дам! Подготовить камеру, нам придется иметь что-то на руках для аналитиков!

Он уже летел почти над самим городом. Расстояние составляло лишь несколько километров. Но и здесь не было огня зениток. Никаких разрывов снарядов, никаких дымных следов. Соундерс спустился ниже. Внизу находился похожий по форме на звезду комплекс зданий, который знал каждый, кто хоть когда-то служил в Рангуне — городская тюрьма. Черные крыши. На одной из них латинские буквы.

— Ты видишь, что там написано? — спросил в этот момент наблюдатель.

— Я вижу! Соундерс спустился еще ниже, развернулся и вот оно, написанное мелом на крыше послание: "Japs gone! British here!" ("японцы ушли, здесь британцы").

Стивенс сфотографировал надпись, Соундерс развернулся в сторону Мингаладона. Опять никакого огня. Никаких самолетов на земле. Взлетно-посадочная полоса повреждена бомбами. А между воронок внезапно появились люди, махали белыми полотнищами, бегали вокруг. Никто не стрелял.

— Выглядит так, будто наши ребята просят помощи, — заметил Соундерс. А японцев я не вижу. Люди внизу — бирманцы. Садимся!

— Я совсем не знал, что летаю с камикадзе, — пробрюзжал Стивенс. Но подготовился к посадке, пока Соундерс выискивал между бомбовых воронок хоть какой-то участок, пригодный для приземления. Он нашел полосу, и все бы удалось, если бы одна воронка не была бы засыпана мягкой землей. Именно в ней застряло шасси «Москито», из-за чего самолет клюнул носом в землю и застрял.

— Все, — сухо заметил Стивенс. — Они уже точат на нас самурайские мечи.

Он ошибся. Соундерс верно заметил, что эти люди были бирманцами. Аборигены из партизанской армии, именно они помогли летчикам выбраться из кабины. Они сидели в засаде, а когда японцы ушли, взяли местность в свои руки.

— Ушли? Соундерс лишился дара речи. Вождь бирманцев, человек его возраста, объяснял ему на чистейшем базарном английском:

— Весь японец много-много быстро ушел, ушел, понимаешь? Нет японский солдат. Ушел!

— Они просто ушли, — удивленно повторил Соундерс Стивенсу. Тот лаконично ответил:

— И ради того, чтобы установить это, стило приземлиться и сломать шасси, только потому что все прочие ВВС ничего не заметили!

Соундерс принял решение:

— В город! Я хочу знать, что происходит в тюрьме. Там японцы держали наших людей, это давно уже известно.

Бирманцы нашли для них почти разбитый японский автомобиль. Зажигание у него включалось с перебоями, но мотор работал, и машина довезла их до тюрьмы, которую японцы использовали в качестве лагеря для военнопленных. Сотни солдат союзников радостно вырвались на свободу, когда бирманцы взломали ворота. Не было ни одного охранника.

Соундерс на какое-то время поддался всеобщей радости, с которой его и Стивенса встретили изголодавшиеся, бородатые фигуры, но потом вспомнил о засевших в Элефант-Пойнте гурках и о флоте, ожидавшем в открытом море.

— Нам нужна лодка! — обратился он к одному из бирманцев. Жители уже собрались здесь. Страх, который они испытывали перед японцами, улетучился.

Через полчаса Соундерс и Стивенс сидели в сампане с навесным мотором, и это совсем не похожее на военный корабль суденышко двинулось по реке Рангун вниз к морю, чтобы сообщить высаживающимся на сушу войскам, что для взятия Рангуна вести бой им уже не потребуется.

26 апреля, как вскоре выяснилось, японцы без остатка перебросили свой рангунский гарнизон на север. Этот маневр оказался ошибкой. Хотя японцам и удалось на короткое время задержать продвижение войск союзников под Пегу, за этот же период столица была взята союзниками с моря.

Генерал Кристисон поручил 26-й дивизии, эмблемой которой был тигр внутри треугольника, обеспечить безопасность города. По улицам Рангуна грохотали танки, десантированные на сушу. Когда население поняло, что японской оккупации со всеми ее ужасами пришел конец, хотя то там, то тут еще слышались одиночные выстрелы из засад, начались спонтанные всплески бурной радости. Молодые девушки карабкались на танки и фотографировались рядом с бородатыми индийскими солдатами, взволнованные старики стояли по краям дорог. Члены партизанских бирманских формирований взяли на себя защиту города от мародерства и тушили последние подожженные японцами дома.

Над Рангуном сияло солнце. Вдали над крышами города блестела позолоченная верхушка пагоды Шуэдагоун, всемирно известной достопримечательности Рангуна, пережившей оккупацию.

Через пару дней начался муссон с его проливными ливнями, еще раньше, чем ожидалось. Он определил судьбу скопившихся между столицей и Пегу остатков некогда столь гордой японской армии. Следующей целью союзников была Малайя. Сингапур…

Уинг-коммандер Соундерс и его наблюдатель Стивенс вернулись в свою часть со славой "завоевателей Рангуна". Новый «Москито», который они получили взамен разбитого, уже через несколько дней снова отправился на разведку между Пегу и Рангуном.

На его фюзеляже поблескивала, как знак отличия, красиво нарисованная белой и золотой краской пагода Шуэдагоун.

Приложение

Бирма, страна, расположенная восточнее Индии, столетиями оставалась сильно изолированным буддистским королевством, развивавшимся под влиянием индийской культуры, в котором постоянно шли междоусобные войны различных династий. Обычно целью этих войн было владычество над национальными меньшинствами.

Выдающуюся роль сыграла династия Паган, чье правление было сломлено монгольским нашествием в конце XIII века. В XVI веке династия Таунгу создала достаточно стабильное феодальное государство, которое, однако, позднее тоже распалось. После этого европейские купцы создали свои поселения на побережье, пока, наконец. Британская Ост-Индская компания в ходе трех завоевательных войн (1824/26, 1852 и 1885) не сделала из страны английскую колонию, подчинявшуюся вице-королю Индии.

Страна площадью примерно 750 тысяч квадратных километров богата полезными ископаемыми, которые еще далеко не полностью разведаны (нефть, серебро, железо, медь, свинец, олово, драгоценные камни, уголь). Большие площади покрыты дождевыми лесами, где добываются ценные породы древесины. Сельское хозяйство производит рис, кукурузу, юту, сахарный тростник, хлопок и табак.

4 января 1948 года бывшая колония Бирма получила государственную независимость. В 1989 году Бирма была переименована в Мьянму.